

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ЖАЛАЛ-АБАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Б. Осмонова**

**Кафедра немецкого и межфакультетских
иностранных языков**

**Ч. АСЫЛБЕКОВА, Д. АСЫЛБЕКОВА,
Б. АСЫЛБЕКОВА**

**ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
СОМАТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

На материале немецкого и кыргызского языков

МОНОГРАФИЯ

**Жалал-Абад
2025**

УДК 88/81
ББК 81.2-4
А91

Рецензенты:

Зулпукаров Канар Зулпукарович *доктор филологических наук, профессор*
Абдувалиев Ибраим *доктор филологических наук, профессор*
Дарбанов Маккамбай Ерматович *доктор филологических наук*

А91 Асылбекова Ч. И др.
Лингвосемантические аспекты соматических фразеологизмов: Монография / Ч. Асылбекова, Д. Асылбекова, Б. Асылбекова. -Жалал-Абад: 2025. - 178 с.
ISBN 978-9967-09-495-6

Монография посвящена сопоставительному изучению лингвосемантических аспектов соматических фразеологизмов в немецком и кыргызском языках. Исследование лингвосемантических сторон соматических фразеологизмов сравниваемых языков обусловлено собственно лингвистическими факторами развития языка в сопоставительном плане. Проведенное исследование на материале фразеологических единиц данных языков представляется целесообразным и необходимым. Сопоставленные в данной монографии немецкий и кыргызские языки не являются генетически родственными и однотипными, напротив, они происходят генетически из разных языковых семей, а типологически принадлежат к различным языковым типам.

Книга адресована студентам и преподавателям филологических факультетов вузов, аспирантам и всем, кто интересуется данной проблемой.

ISBN978-9967-09-495-6

УДК 80/81
ББК 81.2-4

© Авторский коллектив, 2025

Введение

Актуальность сопоставительного изучения лингвосемантических аспектов соматических фразеологизмов немецкого и кыргызского языков обусловлена собственно лингвистическими факторами развития языка и его пласта фразеологии, а также научного направления сопоставительной фразеологии, изучающей данный языковой пласт в его сравнении друг с другом.

Фразеология, как лингвистическое направление, является относительно новой наукой в составе языкоznания – она была создана в середине прошлого столетия и связана с именами замечательных русских ученых А.А. Потебни (1891), А. А. Шахматова (1952) и Ф. Ф. Фортунатова (1956). «На развитие фразеологии существенное влияние оказали идеи Ш. Балли. Вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов в специальном разделе языкоznания фразеологии – был поставлен еще в 20-40-х гг. в работах Е.Д. Поливанова (1931) С. И. Абакумова (1947), Л. А. Булаховского (1929), В.Н. Телия (1999), Ж. Осмонова (2007), Т. Г. Никитина (1995), А. Н. Баранов (2008), Добропольский Д.О. (2008), Б. Б. Нарынбаева (2017).

Изучение фразеологического состава связано с нуждами лексикографической практики, со спецификой фразеографии» [126, с.560].

Специфика фразеологии состоит в том, что она имеет предметом изучения семантику не прямую, номинативную, а переносную, вторичную. Семантика слов, словосочетаний и устойчивых словесных комплексов во вторичном, переносном представлении в той или иной степени отличается от её первичного, прямого, номинативного представления. Вторичная семантика единиц фразеологии является не только эмоциональной и экспрессивной, но также и модальной, и оценочной.

Изучение единиц фразеологии, а именно, слов, словосочетаний и различных устойчивых словесных комплексов, на ма-

териале только одного языка, например, немецкого или кыргызского, представляется целесообразным и необходимым хотя бы в силу неизученности многих фразеологических пластов языка; и в то же время самое время такое же исследование, проведенное на сопоставительном материале двух языков, как в нашем случае на материале двух языков, как в нашем случае на материале сопоставления фразеологических единиц немецкого и кыргызского языков, представляется целесообразным и необходимым вдвойне

Сопоставленные в данной монографии немецкий и кыргызский языки не являются генетически родственными и однотипными. Напротив, они происходят генетически из разных языковых семей и групп, а типологически относятся к различным языковым типам.

Основная цель настоящей монографии заключается в сопоставительном изучении лингвосемантических аспектов соматических фразеологизмов в немецком и кыргызском языках.

Задачи нашей работы можно сформулировать таким образом:

- 1) обзорно-теоретическое изучение явлений соматических фразеологизмов с позиции сопоставительного языкоznания;
- 2) установление основных параметров, метода и материала исследования немецких и кыргызских соматических фразеологизмов в сопоставительном плане;
- 3) сопоставительное изучение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов с признаками внешней мотивированности;
- 4) сопоставительное изучение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов с признаками внутренней мотивированности;
- 5) сопоставительное рассмотрение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов в аспекте сравнения их национально-культурной специфики.

Соматические фразеологизмы, представляющие собой устойчивые словесные комплексы на основе составных фразеологизированных компонентов – названий органов человека и частей тела человека «являются одним из показателей национально-культурной специфики и национального своеобразия конкретного языка и могут обладать ярко выраженным национальным колоритом» [2, с.3].

Соматические фразеологизмы, представляющие собой устойчивые словесные комплексы на основе составных фразеологизированных компонентов – названий органов человека и частей тела человека «являются одним из показателей национально-культурной специфики и национального своеобразия конкретного языка и могут обладать ярко выраженным национальным колоритом» [2, с.3].

В немецком и кыргызском языках в основу образования соматических фразеологизмов кладутся в основном сходные части и органы человеческого тела, но получаемые в результате процесса фразеологизации фразеологические значения не только не всегда совпадают, но даже и не соотносятся семантически друг с другом.

Например, нижеследующий немецкий соматический фразеологизм, в основе которого лежит принадлежность человеческого тела волосы (*das Haar*):

sich (D) einander in die Haare geraten-бири-бирине чырмалышшуу [120, с.582], - семантически соотносится с двумя кыргызскими соматическими фразеологизмами, в основе образования которых также лежат волосы (чач):

Чачтан алуу [137, 1985, с.353]; Чачтан тартуу [137, с.353].

Некоторым образом, отдалённо семантически соотносятся нижеследующие немецкий и кыргызский соматические фразеологизмы, в основе значения которых лежит часть человеческого тела лоб (*die Stirn* - мандай):

Es steht ihm an der Stirn geschrieben [114, с.742]

Мандайга жазылган – тагдыр буюрган, башка кептен [126, с.359].

В обоих приведенных соматических фразеологизмах с опорным компонентом лоб (die Stirn - мандай) речь идет об узнавании признака лица по его лбу, но только в кыргызском фразеологизме характеристика отсылается к предопределениям свыше, к судьбе человека.

В немецком языке и местах нижеследующий соматический фразеологизм, опорным компонентом которого является часть человеческого тела нос (die Nase):

mit langer Nase abziehen – эч нерсеси жок калуу, куру кетүү [116, с.136]

Ничего похожего в кыргызских фразеологизмах с опорным обозначением носа (мурду, мурун) нами обнаружено не было.

В кыргызском языке имеется нижеследующий соматический фразеологизм с опорным компонентом «согончок» (пяtkи):

Согончогу канабаган аял-төрөбөгөн аял [131, с.15]

Никакого даже приблизительного сходного фразеологизма, в основе образования которого лежала бы часть человеческого тела согончок (пяtkи), в кыргызской фразеологической системе нами выявлено не было.

Соответственно, настоящая монография обуславливается фактом привлечения научного и практического материала фразеологических единиц, а именно соматических фразеологизов, из генетически неродственных и грамматически разнотипных германского немецкого языка и тюркского кыргызского, поскольку такое сопоставительное исследование может представить результаты, ценные как в собственно научном плане, так и в плане прикладном и практическом.

Практическая ценность монографии обусловлена следующими факторами:

1) материалы работы могут быть подспорьем при написании учебников и учебных пособий по немецкому языку для кыргызскоязычных школьников и студентов, где они найдут свою реализацию в разделе лексикологии и фразеологии;

2) положения и фактически языковые материалы диссертации будут нужными при составлении двуязычного немецко-кыргызского или кыргызско-немецкого словаря;

3) положения, материалы и выводы по работе найдут свое применение при чтении вузовского курса лекций по сравнительной типологии немецкого и кыргызского языков, при написании вузовских дипломных и курсовых работ студентами факультетов иностранных языков.

Настоящая монография состоит из введения, обзорно-лингвистической главы, исследовательской сопоставительно-лингвометодической главы, заключения и списка использованной литературы, словарей и источников языкового анализа.

ГЛАВА I

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. «Лингвосемантические аспекты фразеологизмов с позиций сопоставительного языкознания»

Общепризнанно, что фразеология как лингвистическая наука представляет собой направление в языкознании, изучающее фразеологический состав языка, а именно фразеологизмы, имеющие место быть в лексико-семантической системе того или иного языка. Фразеологизмы, в свою очередь, определяются как семантические структуры с особой семантической организацией, которые «...не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [126, с.559].

Фразеология как относительно самостоятельный раздел в составе лексикологии начал оформляться в середине прошлого столетия. Одним из первых на независимый характер фразеологизма (который еще обозначается как устойчивый словесный комплекс) обратил внимание замечательный французский ученый Ш. Балли, ученик всемирно известного ученого Ф. де Соссюра.

Развивая учение о языковом знаке и поддерживая в этом аспекте теорию произвольности языкового знака своего учителя Ф. де Соссюра, Ш. Балли отмечал, что произвольный характер языкового знака – лексема или словосочетания имеют, несмотря на всю свою произвольность, эксплицитно мотивированный характер. И потому простой языковой знак (не фразеологический) «...может получать многочисленные значения, которые, нося вначале случайный характер, часто становятся затем общеупотребительными»

[12:374]. И в то же самое время фразеологизированный языковой знак, представляющий собой устойчивое сочетание синтаксической формы и понятийного содержания, является мотивированным имплицитно, и в силу такой имплицитной мотивированности такой фразеологизированный знак «...лишен возможности представлять много значений [12, с.374]. Таким образом, простой эксплицитно мотивированный языковой знак каждый раз заново создается в конкретной речи, в то время как имплицитно мотивированный фразеологический знак, уже созданный раз и навсегда, только воссоздается в той или иной типизированной ситуации.

Становление фразеологии как автономной отрасли языководческой науки осложнялось тем простым фактом, что было очень трудно установить лингвистическую единицу фразеологии. И в самом деле, в любом языке очень трудно найти общие и различающие критерии между различными языковыми средствами, которые могут и должны быть отнесены к ведению науки фразеологии. Например, в лексико-семантическом составе русского языка к устойчивым словесным комплексам фразеологического типа относятся такие языковые единицы, как: оказать помощь, дать согласие, одержать победу, а также и такие как: притча в языщех, секрет Полишинеля, аредовы веки и др. [62, с.15-16; 99, с.9]. Семантика и мотивировка устойчивых словосочетаний «оказать помошь, дать согласие, одержать победу» представляется ясной и прозрачной, они могут быть пояснены через цельнооформленные синонимы: помочь, согласится и победить. И в то же время семантика и мотивировка трех последующих фразеологизмов «притча во языщех, секрет Полишинеля, аредовы веки» представляется не ясной и затемненной».

Во фразеологии находящейся в стадии становления, в середине прошлого столетия были проведены разнообразные исследования, связанные с именами лингвистов-фра-

зеологов: В.Л.Архангельского, А.В.Шмелева, И. И. Чернышевой, А. М. Бабкина, В. П. Жукова и др. [80, с.13-30; 95, с.10-14; 60, с. 10-22].

Но все же в языкоznании является общепринятым мнение, что основной вклад в становление современного лингвистического направления фразеологии внес замечательный русский советский языковед В.В. Виноградов. Он писал, что в лексико-семантической системе любого живого языка «...легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного знака слова-знака» [19, с.145]. К таким неразложимым словосочетаниям ученый относит языковые единицы типа: показать кому-нибудь кузькину мать, собаку съел в чем-нибудь, у черта на куличках, верх тормашками, точить лясы и др.

Думается, что основной вклад в становление фразеологии как самостоятельного научного направления в составе лексикологии, а точнее, в составе языкоznания, названный ученый внес, создав стройную классификацию фразеологических единиц. Так, В.В.Виноградов выделил четыре типа фразеологических единиц, фразеологизмы: 1) фразеологические сращения, в которых мотивированность полностью затемнена, например: попасть впросак, была – не была, души не чаять в чем-либо; 2) фразеологические единства, в которых мотивированность в некоторой степени просматривается, например: стреляный воробей, намылить голову кому-либо, со всеми потрохами; 3) фразеологические сочетания, в которых мотивированность обусловлена аналитическим характером сочетания, например: беспросыпное пьянство, беспробудный сон, поле деятельности; и 4) фразеологические выражения, или устойчивые фразы, которые представляют собой предложения с переосмысленным составом, например: нашла коса на камень; пришел, увидел, победил; гора родила мышь.

Основное отличие фразеологизмов от свободных словосочетаний заключается в том, что вторые свободно производятся, а первые «...лишь по традиции воспроизводятся» [19, с.142].

Наша работа имеет основной целеустановкой сопоставительное исследование лингвосемантических аспектов соматических фразеологизмов в немецком и кыргызском языках, поскольку для нас представляют несомненный интерес такие лингвистические труды, в которых разрабатываются критерии и принципы сравнительного изучения фразеологизмов из разносистемных и генетически неродственных языков. Лингвистические исследования, в которых была изложена основополагающая методология сопоставления разносистемных и неродственных языков в доступной нам литературе было встречено немногим; видимо это связано с тем, что сопоставительные и сравнительные изучения фразеологических систем из различных языков представляют собой определенную трудность, обусловленную неясной и затемненной мотивированкой фразеологических единиц [78; 110; 47; 31; 98; 52].

Известный русский советский германист-типолог А.Д. Райхштейн проводит сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологических систем. Он отмечает, что сопоставительное изучение фразеологизмов сопряжено с рядом осложняющих факторов. В чисто языковом плане такие осложняющие факторы обусловлены тем, что до сих пор не создано единой теории фразеологического сопоставления, единого метода и единого понятийного и терминологического аппарата при описании устойчивых словосочетаний, принадлежащих языкам разных типов. С позиции прикладной лингвистики, а именно перевод текстов с одного языка на другой, а также при обучении иностранному языку на базе родного, несоответствия содержаний фразеологизмов из различных языков осложняют как процесс перевода, так и лингвометодическое усвоение иноязычного материала.

А.Д. Райхштейн видит выход из сложившейся ситуации в таком методологическом подходе к изучаемым фразеологизмам различных языков в таком анализе, когда «...сопоставляемые явления могут изучаться в каждом отдельном языке и речевых произведениях на этом языке, либо в речевых произведениях, находящихся в отношениях перекодирования (оригинал и перевод, два перевода с оригинала на третьем языке). Оба пути удачно дополняют друг друга, причем исследования речевого функционирования сопоставляемых явлений позволяет получить важные качественные и особенно количественные характеристики (относительная употребительность и т.п.)» [78, с.9-10].

При непосредственном сопоставлении фразеологизмов из разносистемных языков опорными точками контрастного сравнения могут выступать, как и выразительные, так и содержательные компоненты данных фразеологических единиц. Выразительными компонентами, становящимися опорными точками сопоставления обычно бывают: грамматические свойства фразеологических единиц (ФЕ), их структурно-сintаксические типы, морфологический состав, порядок следования компонентов, грамматическая вариантность и грамматическая дистрибуция. Содержательными компонентами, становящимися опорными точками сопоставления обычно бывают: фразеологическая семантика и семантические отношения в структуре фразеологизма, характер фразеологической образности, стилистические особенности функционирования ФЕ.

Одно положение, выдвинутое ученым, заслуживает того чтобы процитировать его полностью и без ремарок:

«Перечисленные особенности сопоставительно-фразеологического исследования сводятся, таким образом, к его усложненности, опосредованности и многоклановости. С этим общим свойством связана еще одна черта – некоторая аппроксиматичность (приблизительность) анализа, вряд ли применимая к сопоставляемым фразеологическим фактам,

каждый из которых занимает в системе языка специфическое место и имеет особую значимость, которая не повторяется в неизменном виде в иноязычной системе для соотносительного факта» [78, с.17].

Немецкий ученый Р. Эккерт предлагает при сопоставлении фразеологических систем и фразеологических единиц из разных языков пользоваться двумя понятиями: фразема (*die Phraseme*) и фразеологизм (*der Phraseologismus*). Ученый уверен, что эти два понятия, два термина представляют собой такую фразеологическую единицу, которая по своей семантико-грамматической структуре соотносима с предложением, например, русск.: В ногах правды нет; дуракам закон не писан; и нем.: Armut ist keine Untugend (бедность не порок); auch unser Weizen wird einmal blühen (будет и на нашей улице праздник). Фразеологизм же по своей семантико-грамматической структуре соотносим только с членом предложения, например, русск.: «кот наплакал; куда Макар телят не гонял» и исполняет в предложении обстоятельственные роли. Таким образом, для адекватного сопоставления фразеологических систем разнотипных языков необходимо проводить анализ фразеологических единиц в соответствии с различием фразем, соотносимых с предложением (*satzwertige Phraseme*) и фразеологизмов, соотносимых с членом предложения (*satzgliedwertiger Phraseologismus*) [110, с.35].

Казахский ученый С.Е. Исабеков сопоставляет фразеологические единицы немецкого и казахского языков в свете теории номинации. Означенная теория исходит от того, что признает все языковые средства номинативными единицами: слово как номинативная единица именует отдельный предмет речи, словосочетание именует уже данный предмет вместе с его основным онтологическим признаком, предложение же именует этот предмет речи в его действии или состоянии. Фразеологизм также признается единицей номинации, находящейся между словосочетанием и предложе-

нием. Ученый показывает, что при реализации номинативной системы языка фразеологизмы они зачастую в языках различных типов, в немецком и казахском, не соответствуют друг другу в плане номинации. Фразеологизм одного языка имеет один участок и объем приложения, в то время как участок и объем приложения аналогичного фразеологизма в другом языке может быть иным; например, такими несовпадающими по номинативному участку и объему приложения выступают понятийно сходные фразеологизмы: нем.: *in Betracht ziehen* и каз.: ой жүгіртіп байкау. И тогда в действие вступают постулируемый автором принцип номинативной дополнительности, который гласит: если даже какой-либо признак предмета номинации не выражается в каком-либо фразеологизме, то он выражается другими лексическими средствами в составе одной лексико-фразеологической системы. Поскольку принцип дополнительности связан с основополагающими принципами организации и существования языка: принципом системности лексики и принципом адекватности понятийного отображения, поскольку «...Принцип дополнительности предопределяется наличием фразеологически и лексически маркированных различий, отношением взаимоисключения и одновременного взаимного предположения между словом и ФЕ, лексикой и фразеологией, предпочтение в использовании знаков лексической и фразеологической систем языка, наличием языковых лакун в номинативной системе языка» [47, с.35].

В сопоставительном плане представляет несомненный научный интерес работа другого казахского ученого К.К. Дүйсековой. В своей сравнительно-фразеологической работе она исходит из того посыла, что фразеология представляет особый способ концептуализации мира и что «фразеология имеет в отличие от лексики не только свои сферы референции, но и типы референтов» [31, с.12]. В плане фразеологического сопоставления языков, а автор сравнивает

флективный романский французский язык и агглютинативный тюркский казахский, важными представляются, по ее мнению, три группы факторов:

1. В разных языках понятия языковой и фразеологической абстракции проявляются по-разному. Если в казахском языке наблюдается тесная связь данных абстракций между собой и вследствие этого нераспределемость совокупного актуального смысла, значения ФЕ по компонентно в деривационной базе, т.е. возникает семантическая целостность ФЕ, то такого, к примеру, не наблюдается во французском языке – там не имеется совокупного актуального смысла ФЕ, значение ФЕ можно распределить по компонентам деривационной базы [31, с.15].

2. Деривационная база ФЕ представляет собой ее обязательный элемент, ее лексико-грамматическую базу, но мотивирует значение ФЕ в разных языках по-разному. Если во французском языке такая деривационная база мотивирует значение ФЕ только буквально (т.е. морфологически) или только образно (с переносом значения или семантическим сдвигом), то в казахском языке значение ФЕ мотивируется со стороны деривационной базы и буквально и образно одновременно [31, с.15-16].

3. В основе семантики ФЕ лежит фразеологический образ, который во всех языках, в том числе во французском и казахском, имеет в своей основе метафору, т.е. соотнесение и связность двух разных явлений мира на основе какого-либо сходства. Но разница, противоположность между двумя разными явлениями мира бывает в разных языках разная. Так, во французском языке метафора имеет небольшую разницу между сравнительными явлениями внешнего мира и, следовательно, фразеологический образ более яркий [31, с.38].

Туркменский ученый Н.Ш. Шаммаев проводит сопоставительное исследование ФЕ английского и туркменского языков и изучает структурный, семантический, стилистический и фразеологический аспекты данных единиц. Автор

приходит к выводу, что все вышесказанные аспекты ФЕ являются языковой базой для образования коннотативного аспекта фразеологизмов. Для правильного переводного толкования ФЕ, например, английского языка для туркменоязычной аудитории, необходимо привлечение данных фразеографии. И тогда выявляется, что «коннотативный аспект фразеологического значения тесно связан с образом, который декодируется через глоссу и, следовательно, чем полнее глосса, тем легче читателю словаря не только декодировать текст, в котором употреблена ФЕ, но и успешно использовать ее в собственной речи» [98, с.194].

Таким образом, основу ФЕ представляет такая семантика, которая включает в себя в качестве главной части коннотативное содержание. Для сопоставления ФЕ с их коннотациями в генетически неродственных и грамматически разнотипных языках необходимо проводить лингвистический анализ с применением шести критериев: 1) критерий компонентного состава, 2) семантический критерий, 3) экстравалингвистический критерий, 4) критерий оценочности, 5) этимологический критерий и 6) количественный критерий, - тогда фразеологический состав языка, английского и туркменского, предстает в своем истинном виде [98, с.200].

Кыргызский ученый А.О. Карымшаков сопоставляет так называемые антропоцентрические фразеологизмы русского и кыргызского языков. Признавая основными дифференциальными признаками ФЕ четыре свойства (1. Устойчивость, 2. Воспроизводимость, 3. Раздельно оформленность и 4. Целостность семантики), автор выделяет в качестве дополнительного дифференциального признака фразеологическую образность. Данные пять дифференциальных признаков, выделенных автором, позволяют ему в определенной степени решить извечную проблему, стоящую с самых первых дней становления перед наукой фразеологией: относятся ли пословицы и поговорки к фразеологизмам и, следовательно, к ведению фразеологии или

нет? Все дело в том, что в современном языкоznании сложились две точки зрения по данному вопросу. Одна группа ученых рассматривает фразеологический состав языка расширенно и включает в него пословицы и поговорки: А.А. Реформатский, А.И. Ефимов, В.Я. Ахангельский и др. Другая же группа ученых оставляет пословицы и поговорки вне фразеологического состава: Н.Н. Амосова, В.П. Жуков, А.В. Кунин и др. [52, с.27].

Однако названный ученый, выделяя пять дифференциальных признаков ФЕ, пытается решить этот вопрос комбинированно: «Итак, при определении соотношений ФЕ с пословицами и поговорками мы придерживаемся концепции, согласно которой последние соотносятся с фразеологизмами лишь в плане устойчивых образных средств языка, но они отличаются друг от друга существенными признаками. Вместе с тем пословицы и особенно поговорки также имеют моменты схождения с фразеологизмами и обладают свойством переходить во фразеологизмы, а фразеологизмы в свою очередь могут стать компонентами пословиц и поговорок. Однако это свойство не следует рассматривать как глобальное явление; обычно такая структурная перестройка и комбинирование образования происходит только в отдельных случаях [52, с.31-32].

1.2. Классификация фразеологизмов и выделение соматических фразеологизмов

Фразеология как относительно новое лингвистическое направление в составе языкоznания имеет в качестве предмета изучения фразеологические единицы (которые еще имеют синонимические обозначения: устойчивые сочетания слов, устойчивые словесные комплексы, несвободные словосочетания, связанные словосочетания, фразеологизмы и др.). Мы будем в нашей работе пользоваться двумя терминами: фразеологические единицы, когда речь будет идти о непосредственно составляющих компонентах фразеологии,

и фразеологизм, когда речь будет идти о противопоставлении его отдельному слову, лексеме.

«Фразеологические единицы речи в подавляющем большинстве случаев отличаются замечательными художественно-выразительными достоинствами, придающими нашей речи образность, эмоциональность, лаконичность и выразительность» [20, с.4]. Например, такие фразеологизмы как: красное словцо; одна ласточка весны не делает; геркулесовы столпы и др. – оживляют речь и придают ей экспрессию. Но в то же самое время данные фразеологизмы не являются чисто эмоциональными словами, они имеют свое фонетическое выражение, грамматическое строение, морфологический состав, семантическое наполнение и образное представление. Фразеологизмы являются в языке комплексными языковыми средствами, основные свойства которых быть несвободными и семантически трансформированными предполагают самую их разнообразную классификацию.

Обзорно-теоретический анализ доступной нам «фразеологической» литературы показывает, что, в сущности, имеется 7 типов классификации фразеологизмов, которые учитывают в большей мере ту или иную сторону фразеологической единицы. Перечислим их в последующем порядке, а затем разберем последовательно каждый из них более подробно:

- 1) структурно-семантическая классификация фразеологизмов;
- 2) структурно-морфологическая классификация фразеологизмов;
- 3) структурно-синтаксическая классификация фразеологизмов;
- 4) функционально-грамматическая классификация фразеологизмов;
- 5) лингвокультурологическая классификация фразеологизмов;
- 6) переводоведческая классификация фразеологизмов;

7) ономасиологическая классификация фразеологизмов [80, с.96-103; 95, с.26-30; 47, с.32-36; 60, с.10-22; 31, с.26-28].

Основной содержательной классификацией фразеологизмов, ложащихся в фундамент современных русскоязычных фразеологических исследований на материале одного, двух или нескольких языков, является структурно-семантическая классификация, разработанная и аргументированная русским советским ученым В.В. Виноградовым. Как уже отмечалось ранее, автор выделяет четыре типа фразеологических единиц:

1. Под фразеологическими сращениями или идиомами он понимает «...тип фразеологических единиц, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» [19, с.121]. Например: как пить дать; показать кому-либо кузькину мать; собаку съел в чем-либо;

2. Под фразеологическими единствами ученый понимает такие фразеологические единицы, которые являются аналогичными фразеологическим сращениям: «...тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивированно, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов» [19, с.131]. Например: отплатить тою же монетою; чтоб тебе ни дна, ни покрышки; плакали наши денежки;

3. Под фразеологическими сочетаниями ученый понимает такие фразеологические единицы, которые «...пусть и несвободные, устойчивые, но сочетания слов, подвергающиеся разложению, семантически делимые» [19, с.138]. Например: расквасить нос; обагрить кровью; лабиринт сомнений;

4. Под фразеологическим выражением автор понимает особую разновидность фразеологического сочетания, которая отличается «...аналитичностью, большей расчлененностью, легкодопускающей подстановку синонимов под отдельные члены выражения» [19, с.160], нежели чем синтетическая, более близкая к фразеологическому единству фразеологическое сочетание. Например: претвориться в жизнь; отвести глаза от кого-нибудь; затронуть чувство.

5. Данная классификация структуры и семантики фразеологизмов была положена в основу фразеологических исследований на материале одного или нескольких языков [58; 99; 71], в которых названные ученые проводили лингвосемантический анализ языкового материала, распределив все фразеологизмы по четырем означенным группам.

6. Другой разновидностью классификации фразеологических единиц является структурно-морфологическое членение фразеологизмов. «По соотнесенности фразеологизмов с той или иной частью речи и сходству синтаксических функций можно выделить следующие лексико-грамматические разряды фразеологизмов: именные фразеологизмы, глагольные фразеологизмы, адъективные фразеологизмы, адвербиональные фразеологизмы, междометные фразеологизмы» [95, с.20-21].

Такое членение фразеологических единиц, когда на передний план выдвигается структурно-морфологическая характеристика фразеологизма, которая обуславливается не только статической морфологией, но и динамическим синтаксисом, предпринято в исследованиях нижеследующих авторов [36; 48; 94; 35]. Названные авторы показывают, что статистическая морфология самым непосредственным образом влияет и взаимосвязана с динамическим синтаксисом. Например, именные фразеологизмы обозначают лицо или предмет: казанская сирота; дамоклов меч – и употребляются в синтаксической функции подлежащего, дополнения и именной части составного сказуемого или: глаголь-

ные фразеологизмы объединяются основным опорным компонентом глаголом: лезть в бутылку; становиться в тупик – и выполняют в предложении функцию сказуемого.

Адъективные фразеологизмы обозначают качественную характеристику лица или предмета: звезд с неба не хватает; пальчики оближешь – и выполняют в предложении в функции несогласованного определения. Адвербиальные же фразеологизмы имеют значение качественной характеристики действия: не покладая рук; что есть духу – и выступают в предложении роли различных обстоятельств. Междометные фразеологизмы служат для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений: знай наших! в добный час!

7. Классификация фразеологизмов, обозначенная как структурно-сintаксическая, затрагивает не только синтаксическую сторону языковых средств, но и вообще всю грамматическую, т.е. и морфологическую, но всё же отдает приоритет при рассмотрении фразеологических единиц изучению их синтаксического функционирования. Структурно-сintаксическая классификация фразеологизмов в основном подвергает анализу пословицы, поговорки и фразеологические выражения этого типа. «Подобно тому, как синтаксис должен оперировать понятием синтаксического целого, возникающего из сложения форм, так и фразеология нуждается в соответствующем понятии целого, складывающегося из отдельных значений отдельных слов. Будем именовать такое фразеологическое целое термином «выражение», который, следовательно, понимается здесь как своего рода семиологическая параллель к синтаксическому термину «предложение» или «фраза»» [80, с.39].

К таким научным исследованиям, в которых в основу лингвистического анализа фразеологических единиц на материале одного, двух или нескольких языков кладется означенная структурно-сintаксическая классификация фразеологизмов, из имеющейся в нашем распоряжении литературы мы выделили пять диссертаций [63; 44; 43; 65; 6].

8. В современной фразеологии также предпринимается классификация фразеологических единиц с позиций функциональной грамматики, когда они рассматриваются как взаимодействующие на общности их семантических функций. Исходя из предпосылки, что фразеологизмы в языке располагают многими эксплицитными средствами, относительно легко воспроизводятся и даже притягивают к себе новые аналогичные образования [12, с.374], считается, что они также группируются вокруг какого-либо понятия и образует функционально-грамматические (функционально-семантические) поля. Такая классификация фразеологизмов может быть обозначена как функционально-грамматическая. В основном изучаются на материале одного, двух или нескольких языков функционально-грамматические поля мыслительной деятельности и психических состояний человека [14; 49; 1; 37]. В имеющейся в нашем распоряжении научной литературе также были изучены функционально-грамматические фразеологические поля и с другими понятийными основами: обозначениями обрядов, гендерных отношений и социальных отношений [96; 81; 77; 93].

9. На современном этапе развития фразеологии была разработана классификация фразеологизмов, которую можно обозначить как лингвокультурологическая классификация. Обычно сопоставляются фразеологические системы, подсистемы, полы и группы из двух генетически неродственных и грамматически разнотипных языков (немецких, славянских и тюркских). При этом акцентируется, что они по-разному обозначают одну и ту же действительность в каждом из таких языков, поскольку «основу фразеологической картины мира составляют, прежде всего, концепты культуры, истории, образа и формы жизни, система ценностей, оценок, отношений к миру, представлений того или иного народа, содержательная сторона ФЕ, семантика, фразеологическое значение, внутренняя форма ФЕ» [31, с.14]. В классификация подобного рода и, соответственно,

на них построенных сопоставительных исследованиях выявляется, что, во-первых, одна и та же внеязыковая реальность или предмет могут быть обозначены в разных языках совсем по-разному, т.е. фразеологизмами с самой разнообразной внутренней формой, а, во-вторых, сходные фразеологизмы казалось бы в сопоставляемых языках должны иметь сходное значение, но оказывается, что в их значения в разных языках могут быть диаметрально противоположными [42; 76; 32; 53; 83].

10.Переводческая классификация фразеологизмов вытекает из настоящей прикладной потребности практики языка адекватно передать в литературно-художественном переведом произведении семантические нюансы фразеологической единицы из языка оригинала. «Допустимость дословного перевода сложных слов, сложных терминов с одного языка на другой в то же время не является возможной для фразеологических сочетаний, поскольку они обладают национально-специфической особенностью» [60, с.27-28]. Так, кыргызское фразеологическое сочетание «ит өлгөн жерде» (букв.: собака, умершее место) должно быть переведено на русский язык фразеологизмом «у черта на куличках», поскольку только такие их фразеологические единицы могут быть расклассифицированы как параллельные друг другу, в основу которых положены идентичные внутренние формы и как непараллельные друг другу, в основу которых положены самые разнообразные внутренние формы; в последнем случае необходим семантический их перевод с языка на язык для целей сохранения фразеологической об разности [23; 60; 92].

11.Ономасиологическая (номинативная) классификация фразеологизмов основана на номинативном членении говорящим человеком внеязыковой действительности. Такая классификация фразеологизмов исходит из двух предпосылок. Во-первых, она признает, что фразеологизм, несмотря на его осложненную грамматическую структуру, в плане

номинации (обозначения внеязыковой реальности) исполняет функцию именования, так же как и цельнооформленное отдельное слово. Во-вторых, «ФЕ и слово обнаруживают на всех уровнях их языков организации наряду с общностями и существенные различия, многие из которых являются лексически и фразеологически специфичными, т.е. взаимоисключающими» [47, с.2].

Большая часть подобных исследований, базирующихся на ономасиологической классификации фразеологических единиц, соотносится с номинативной деятельностью человека (фразеологизмы-соматизмы) и с названиями различных животных (фразеологизмы-зоонимы). При этом названия различных животных имеют в своем подавляющем большинстве антропоцентрическую направленность, т.е. они приложимы к характеризации человека [2; 51; 70; 62; 7; 41; 27].

1.2.1. Соматические фразеологизмы в немецком языке

Современный немецкий язык, являясь германским языком с флексивной грамматической основой, обладает большим количеством устойчивых словесных комплексов (УСК), которые преобразуются в процессе своего диахронического развития в собственно фразеологизмы. «Структура немецкого языка такова, что она открывает широкие возможности для конструирования и переконструирования слов из существующих основ и аффиксов... возникают слова и словосочетания, обозначая стянутые в форму цельнооформленного слова расчлененные наименования» [79, с.9].

Наиболее большой вклад в становление теории немецкой фразеологии внесли русские советские лингвисты рубежа 70-80-х гг. прошлого века. Это такие известные учёные-германисты как И.И. Чернышева, М.Д. Степанова и А.Д. Райхштейн [97; 78; 116]

Названные ученые отметили, что немецкие УСК подразделяются на два больших типа. К первому типу относятся собственно фразеологизмы, или фразеологические единицы (ФЕ). Они, в свою очередь, расчленяются, в соответствии с концепцией В.В. Виноградова, на три вида:

1.Фразеологические единства, которые возникают на основе семантического переосмысления или сдвига переменных словосочетаний. «Новое фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а изменением значения всего комплекса как бы наложением на него свежего семантического или экспрессивного пласта» [97, с.39; 115, с.126]. Например: *jemandem den Kopf verdrehen*- бирөөнү алдоо, башын айландыруу [Бинович, НРФС]

Значение данного фразеологизма связано с переносом значения, что составляет образную мотивированность словосочетания: «вскружить голову кому-либо» (букв. крутить чью-либо голову). Означает образно: заставить думать и действовать кого-либо для своей пользы, в своих интересах;

2.Фразеологические выражения, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями и «...показывают два основных свойства фразеологичности: они имеют единичную сочетаемость компонентного состава и специфическую разновидность семантического преобразования» [97, с.46]. К данному виду ФЕ немецкие авторы относят пословицы, поговорки и воспроизведимые устойчивые междометия. Например:

Das Gesicht verrät den Wicht- уурунун арты кууш. [Бинович, НРФС];

Offene Hand macht offene Hand-кызматыңа кызмат. [Бинович, НРФС];

Mach die Ohren auf!- узун кулак. [LGDR, 2. Band];

3.Фразеологические сочетания возникают в результате единичного сцепления одного семантически преобразован-

ного компонента с другим непреобразованным. «Для семантики подобных фразеологических единиц характерна аналитичность и сохранение семантической отдельности компонентов» [97, с.46; 64, с.10-11] Например: *hirnverbrannte Pläne*-ишке ашпаган ой [LGDR, 1.Band];

В данном примере преобразованным компонентом является лексема *hirnverbrannt*.

Ко второму типу устойчивых словесных комплексов относятся устойчивые словосочетания нефразеологического типа. Они подразделяются в немецкой научной лингвистической литературе на три вида:

3.Лексические единства, которые представляют собой такие устойчивые сочетания слов, которые обладают цельностью номинации, осуществляющей на основе лексических значений слов-компонентов» [97, с.62; 116, с.63]. Лексические единства не имеют в своем составе семантически преобразованных компонентов, т.е. никаких семантических сдвигов. Например: *die generative Semantik*, *die kontrastive Grammatik*, *Der grammatische Wechsel*.

Хотя лексические единства и являются единичными соединениями слов и обладают цельностью номинации «однако от фразеологических единиц их отличает отсутствие семантических преобразований в составе компонентов.... Это обстоятельство заставляет вывести данные образования за пределы фразеологии» [97, с.79; 116, с.239; 109, с.127-128];

4.Фразеологизованные образования представляют собой такие УСК, когда один из компонентов с переносным значением соединяется со словами определенной семантической группы, например: *jemanden einem Verhör*, *einer Prüfung etw. einer Besichtigung unterziehen*. От собственно фразеологизмов их отличает серийная сочетаемость и структура.

«Учитывая то обстоятельство, что узально-ограниченные сочетания являются промежуточной категорией между собственно фразеологическими единицами и переменными

сочетаниями, а также объективным источником возникновения фразеологизмов – мы считаем возможным рассматривать эти единицы как фразеологизованные образования» [97, с.64; 116, с.232-233];

5.Моделированные (типовые) образования представляют собой также УСК, которые воспроизводятся в немецком языке по строго определенным структурно-семантическим моделям. Они могут являться аналитическими конструкциями, например: *jemanden in Verlegenheit bringen* – приводить кого-либо в замешательство; типовыми грамматико-стилистическими конструкциями, например: *ein Kerl von Brer* –мямля. По мнению ученых, такие моделированные образования однозначно принадлежат к ведению фразеологии, хотя и находятся на ее периферии. Они «...имеют определенные типовые структуры со свободной лексической наполняемостью одного или нескольких компонентов и типовой семантический результат, т.е. возникают в языке на основе структурно семантических моделей... Данные единицы, особенно аналитические конструкции являются постоянным источником образования фразеологических единиц» [97, с.78; 11, с.17-18].

Таким образом, в немецкой фразеологии к ведению фразеологии в качестве объекта фразеологических изысканий можно отнести из вышеперечисленных шести видов УСК только пять: 1) фразеологические единства – *phraseologische Einheiten*; 2) фразеологические выражения - *phraseologische Ausdrücke*; 3) фразеологические сочетания – *phraseologische Verbindungen*; 4) фразеологизованные образования – *phraseologiserte Verbindungen*; 5) моделированные образования – *modellierte Bildungen* [97, с.39; 116, с.232; 109, с.34-35].

В немецкой фразеологии соматические фразеологизмы, имеющие в своем составе компоненты-названия органов человека и частей тела человека представлены, по мнению немецких и русских советских германистов во всех пяти видах ФЕ.

1. Фразеологические единства имеют в своем составе фразеологизмы-соматизмы, и при этом полностью переосмыслен весь состав ФЕ. Например: jmdm. der Kopf waschen, keinen Finger brümmen [97, с.39].

2. Фразеологические выражения также имеют в своем составе фразеологизмы-соматизмы, которые имеют специфическую сочетаемость и частичное переосмысление компонентов: Kein Mensch ist ohne ein Aber; harges Abendbrot macht dem Magen große Not [11, с.39].

3. Фразеологические сочетания тоже имеют в своем составе фразеологизмы-соматизмы с одним семантически преобразованным компонентом, например: ein blinder Passagier (ein Passagier, der sich heimlich, ohne Berechtigung eingeschlichen hat und mitfährt) [97, с.47].

4. Фразеологизованные образования также имеют в своем составе фразеологизмы-соматизмы, когда сочетаются компоненты с переносными значениями с непреобразованными компонентами в серийной группе, например: ein dunkler Ehrenmann; ein dunkler Mensch [113, с.115].

5. Моделированные образования таким же образом, как и все предыдущие виды ФЕ, в немецком языке выключают в свой состав соматические фразеологизмы, которые образуются и воспроизводятся по строю очередным структурно-семантическим моделям, Например: ein Mann von Ehre, ein Mann von Wort, ein Mann der Tat. [113, с.175]

Также отметим, что специальных исследований, посвященных соматическим фразеологизмам в немецкой фразеологии, нам в имеющейся в нашем распоряжении научной лингвистической литературе никак не повстречалось.

1.2.2. Соматические фразеологизмы в кыргызском языке

Изучение УСК в современном кыргызском языке, также, как и в немецком, только набирает свои обороты. Оно связано в первую очередь с именами таких известных

киргызских языковедов как: Шукуров Ж.Б., Осмонова Дж., Ахматов Т.К. и Өмуралиева С., Дыйканов К., Эгембердиев Р., Таджиева Р. И Курманбекова А., Кыдыев К. [102; 131; 10; 33; 104; 132; 60]. Названные ученые указывали, что лексика кыргызского языка богата на УСК, которые отображают все сферы жизни народа и обогащают язык в разрезе его экспрессии и образности. Фразеологический фонд кыргызского языка представляет собой живой и неиссякаемый источник, который обеспечивает пополнение литературного языка новыми выразительными единицами и средствами. «Именно этот источник придает языку национальный колорит, который отличает его от других языков неповторимыми образами, выражющие различные функционально-семантические разновидности. ФЕ являются средством отражения реалий окружающей действительности, причем семантика их выражает в образной форме различные явления, с которыми связан сам народ» [60, с.25].

Самый первый ученый, кто в кыргызском языкоznании обратил своё внимание на проблему фразеологизмов, Ж.Б. Шукуров начал с изучения ФЕ, сопоставив их со сложными словами. Сложные слова, обладающие целостной семантикой, есть не что иное как фразеологическое сочетание, образованное в результате переноса значения, например: изин суутпoo (букв.: след не прости) [96, с.86]. Фразеологические сочетания образуются в кыргызском языке в результате метафоризации и сравнения: көз салуу; оозу менен орок оруу; При переводе с языка на язык, а точнее с русского языка на кыргызский фразеологические сочетания образуются в переводящем языке с помощью калькирования: Америка ачуу; эки коёнду бир ок менен атуу [Шукуров, 1955, с.6-7].

Вопросы фразеологии самым непосредственным образом стали разрабатываться в кыргызском языкоznании только во второй половине XX в., а точнее, в 60-70-е годы. [82, с.25]. В основном разработка фразеологических проблем и вопросов связывается с именами таких известных

киргызских ученых как Ж. Осмоновой [72, 73], Р. Эгембердиева [104] и К. Дыйканова [33].

Кыргызские ученые единны в разрешении главного вопроса фразеологии-структурно -семантической классификации. Опираясь на мнения российских ученых, а в первую очередь на точку зрения акад. В.В. Виноградова, они выделяют во фразеологическом составе кыргызского языка четыре вида ФЕ: 1) фразеологическое сращение – фразеологиялык ширешме, 2) фразеологическое единство – фразеологиялык бирдик, 3) фразеологическое сочетание – фразеологиялык тизмек, и 4) фразеологическое выражение – фразеологиялык туюнта [72, с.29-30; 33, с.104-105; 60, с.31-32].

1. Кыргызское фразеологическое сращение мотивируется переносным значением всей ФЕ, так как отсутствует всякая семантическая связь между ее значением и суммой значений составных компонентов ФЕ, например:

Каш кайтаруу – каршылык кылуу, тең тайлашуу, кыр көрсөтүү [Плutiцкий, Шамбаев, Рахманов, Немисче – орусча – кыргызча сөздүк];

Тиш каккан – көптү көргөн, такшалган, дасыккан, бир далай жашка келип калган, далайды башынан өткөргөн. [Плutiцкий, Шамбаев, Рахманов, Немисче – орусча – кыргызча сөздүк]

2. Кыргызское фразеологическое единство мотивируется наличием семантической связи между целостным значением фразеологизма и значениями составных компонентов, например: ийне-жибине чейин –до конца (букв.: до иголки и нитки), көз-ачып жумганча: [60, с.31].

3. Кыргызское фразеологическое сочетание мотивируется таким целостным значением, которое образовано одним переносным значением компонента, а другим прямым, например:

Баш болуу. [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. III];

Айткан тилди албайт. [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. II].

4. Хотя мы и отметили, что в кыргызской фразеологии выделяется фразеологическое выражение – фразеологиялык түүнтма [72, с.29; 73, с.5-6; 75, с.7-8], но они выделяются с большой оговоркой и со ссылкой не только на В.В. Виноградова, но и на Н.М. Шанского: «Н.М. Шанский акад. В. В. Виноградовдун классификациясындагы жөгорку топторгы дагы бир топту – «фразеологиялык түүнтманы» («фразеологическое выражение») кошот. Ошентип, Н. М. Шанский-дин пикири буюнча, орус тилиндеги фразеологизмдер төрт топко бөлүнөт» [72, с.29].

Кыргызское фразеологическое выражение рассматривается как фразеологизованное словосочетание, компоненты которого образуют в сумме некое единое значение. Видимо, к данному виду ФЕ можно причислить УСК с семантикой афоризмов, пословицы, поговорки и разные устоявшиеся в кыргызском языке сочетания слов; например:

Карыга-урмат, балага-кызмат;

Ачуу-душман, акыл-дос, акылына акыл кош [132, с.38].

Что же касается конкретно соматических фразеологизмов, то под ними в кыргызской фразеологии понимаются УСК со значением, включающим в себя названия частей и органов человеческого тела. В кыргызской ФЕ её компоненты группируются вокруг обозначений частей человеческого тела [2, с.5; 51, с.5].

В кыргызском языкоznании нам повстречалась одна специальная работа – большая статья в научном сборнике, в которой была затронута проблема соматической лексики и фразеологии [91]

Правомерно исходя из лингвистического постулата о том, что фразеология есть составная часть лексикологии и что фразеологизмы как устойчивые словосочетания создаются в человеческом языковом коллективе в условиях типализированных речевых ситуаций [91, с.213-214; 10, с.199-200; 33, с.105] автор анализирует мотивированность цельнооформленных лексем частями человеческого тела не только

в кыргызском языке, но и некоторых других тюркских языках, например: от слова «ич» - нутро, живот являются производными «ичкур» - поясок одежды, «ичтон» - нижнее белье [91, с.216]. Особенno важным представляется замечание о соматизмах кыргызского языка в сравнении родства кыргызского с другими тюркскими языками: «Соматизмы в киргизском языке по всем параметрам относятся к исконно древнему его лексическому пласту и составляют существенный элемент его родства с другими тюркскими языками» [91, с.219].

Ученый понимает при этом соматические фразеологизмы как такие фразеологические единицы, составными компонентами в которые входят наименования частей человеческого тела. Очень велик удельный вес в кыргызском языке фразеологизмов, которые группируются вокруг опорных наименований частей человеческого тела (до 30%): кулак –das Ohr, бет –das Gesicht, маңдай –die Stirn, боор – die Leber, тил –der Zunge, көз –das Auge, кол –der Hand, баш – der Kopf и др. [91, с.251].

Автор насчитал в кыргызской группе соматических фразеологизмов «...1480 фразеологизмов, одним из компонентов которых является название части человеческого тела и животных. Они составляют около 30 процентов всех фразеологизмов. Такой удельный вес соматических фразеологизмов во фразеологическом составе киргизского языка объясняется прежде всего тем, что слова, именующие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики. Они характеризуются устойчивостью, большой частотой употребления, разлетевлённостью семантической структуры» [91, с.251].

В этой связи отметим, что количественный состав собранных нами соматических фразеологизмов составляет корпус в 1627 ФЕ – против 1480 ФЕ у Толубаева – и отклонение составляет всего 147 ФЕ.

Предварительное изучение фразеологизмов кыргызского языка, имеющих в своём составе соматические компоненты, показывает, что они могут быть представлены во всех четырех видах ФЕ.

1) во фразеологических сращениях соматические фразеологизмы проявляют на первый взгляд немотивированные значения, т.е. связь семантики всего фразеологизма и суммы семантик его составных компонентов представляется переносной и произвольной. Например:

Мандай тери – өз эмгеги менен тапкан нерсе, иштеп тапкан акысы, накта эмгегинен жаралган үлүшү [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Согончогум канабай, көрбөдүм перзент баланы. [Юдахин, КРС, кн. II].

2) фразеологические единства также включают в свой состав соматические ФЕ, в которых связь семантик всего фразеологизма и суммы составных компонентов в некоторой степени прослеживается. Например:

Душманга бел алдырба. [Юдахин, КРС, кн. I];

Куу курсак. [Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологические сочетания, в которых существует только одно переосмысленное значение только одного составного компонента, таким же образом включают в свой состав соматические фразеологизмы. Например:

Баш байлап. [Юдахин, КРС, кн. I];

Бет-бетинен кеткен. [Юдахин, КРС, кн. I].

4) фразеологические выражения, состоящие целиком из слов со свободным значением, но проявляющие тенденцию быть воспроизводимыми, тоже содержат в своём составе соматические ФЕ. Например:

Баш - акылдын кабы, көз – жандын айнеги.

Каш-кабагынын астында – көз алдында, жанында. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Кроме упомянутой выше научной статьи Н. Толубаева, в которой только заложены основы лингвистического изу-

чения кыргызских соматических фразеологизмов, в кыргызском языкоznании нам больше не повстречалось специальных исследований, в которых объектом и предметом лингвистического исследования явились бы соматические ФЕ кыргызского языка. И потому думается, что наша работа внесет определенный научный вклад не только в кыргызскую фразеологию, но и в изучение кыргызских соматических фразеологизмов.

1.2.3. Соматические фразеологизмы в аспекте их сопоставления

Сопоставительное языкоznание, как уже отмечалось в настоящей работе ранее, имеет ряд общих задач, разрешение которых способствует достижению целей исследований, имеющих по обыкновению или теоретический, или же чисто практический характер. Общие задачи сопоставительного языкоznания, число которых насчитывается четыре, обозначаются в таком порядке:

1. Сопоставительное языкоznание выявляет сходства и несходства в использовании различными языками своих языковых средств;
2. Сопоставительное языкоznание предоставляет богатый практико-лингвистический материал для типологии языков, для выявления универсальных и неуниверсальных языковых средств;
3. Сопоставительное языкоznание также предоставляет надежную теоретико-лингвистическую базу для прикладного языкоznания: для лингвистической методики преподавания, для теории и практики перевода, для компьютерного программирования языковых систем;
4. Сопоставительное языкоznание «...позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка» [22, с.9; 105, с.6; 39, с.12-13; 5, с.174-175].

Лингвистическое направление фразеологии, вне всякого сомнения, при её изучении в сопоставительном плане имеет те же самые задачи, которые стоят в этом аспекте перед языкоznанием вообще. В случае сопоставления языков с позиции фразеологии языковая база сопоставления и сравнения является той же самой, которая наличествовала бы при сопоставлении прямых лексических, нефразеологических единиц языка.

Для прямой номинативной, нефразеологических единиц и единиц фразеологических, т.е. с переносной семантикой «...должна применяться единая теория, единый метод и единый понятийный и терминологический аппарат при описании всех сопоставляемых объектов» [78, с.7].

Таким образом, единая языковая база, единая теория, единый метод и единый понятийный и терминологический аппарат для сопоставления как нефразеологических, так и фразеологических единиц языка позволяют унифицировать также и изучаемые задачи сопоставления при сравнении языковых систем и подсистем.

Однако данные задачи сопоставления языков все же в некоторой степени осложняются при сравнительном изучении фразеологизмов из различных языков; а следует иметь ввиду, что сопоставительное языкоzнание имеет объектом изучения языки генетически неродственные и типологически разноструктурные, как в нашем случае с ФЕ, относящимися к германскому немецкому склонительному языку и к тюркскому кыргызскому агглютинативному языку. Такие осложнения связаны в первую очередь с переносным, немотивированным или частично мотивированным характером значения фразеологизмов различных языков.

Сопоставительное изучение фразеологических систем различных генетически неродственных и типологически разноструктурных языков также выявляет сходства и различия в использовании фразеологических средств, но при этом главное внимание уделяется мотивированности – немотивированности ФЕ, внимание направлено на образное

переосмысление УСК, в том числе и переосмыление части, компонента данного УСК. Мотивированность-немотивированность слов в составе УСК в различных языках бывает сходной, также явление обозначается как: фразеологические параллели [23, с.8-9; 92, с. 6-7], а может быть и несходной, в этом случае речь идет о вариативности использования тех или иных семантически подобных ФЕ в разных языках в самых противоположных речевых ситуациях [53, с.11-12; 41, с.6-7].

Сопоставительно-фразеологические исследования в большей степени, нежели обычные, т.е. нефразеологические сопоставления, проявляют прикладную, лингводидактическую направленность, поскольку в этом случае в них актуализируется метод фразеологии, обозначенный как «...сопоставительный, имеющий дело с неродственными языками и устанавливающий фразеологические эквиваленты для перевода с одного языка на другой и для преподавания неродного языка, а также предполагающий сопоставительное изучение фразеологии по семантическим группам» [78, с.10; 63, с.7-8].

Обзорно-теоретический анализ лингвистической фразеологической сопоставительной литературы показал, что соматические фразеологизмы в том или ином ракурсе рассмотрены в нижеследующих работах [78; 110; 2; 51; 70; 62; 98].

Известный русский советский германист-фразеолог Райхштейн А.Д. изучает фразеологические системы немецкого и русского языков в сопоставительном аспекте. Ученый отмечает, что для межъязыковой соотнесенности ФЕ играют роль два фактора. Во-первых, аспектная соотнесенность ФЕ из разных языков, когда соотносятся лексический состав и грамматическая организация: auf Sand bauen – построить на песке. И, во-вторых, функционально-смысловая соотнесенность, когда в первую очередь соотносятся содер-жательный и коннотативный компоненты: das goldene Kalb anbeten – алтын музоого сыйынгыла. Но несмотря на то, что

аспектная и функционально-смысловая соотнесенность есть относительно автономный явления, «на их взаимодействии основывается типология межъязыковых фразеологических эквивалентов, среди которых выделяются структурно-семантические (сочетающие аспектную и функционально-смысловую соотнесённость, т.е. представляющие фразообразовательные аналоги) и функционально-смысловые (только функционально-смысловая соотнесенность) [78, с.28-29]. С этих позиций отмечается, что соматические фразеологизмы, включающие в свой состав названия частей и органов человеческого тела, в обоих сравниваемых языках включает в разряд структурно-семантических межъязыковых фразеологических эквивалентов: «В указанной группе ФЕ немецко-русская структурно-семантическая эквивалентность достигает 65%, ср. напр.: скрежетать зубами – mit den Zähnen knirschen; делать большие глаза - (große) Augen machen; слюнки текут у кого-либо - der Speichel läuft jmdm. im Munde zusammen; разинуть рот- den Mund auf reissen; сердце замирает - das Herz steht still; дух захватывает - es verschlägt jmdm. den Atem» [78, с.46-47].

Немецкий ученый Р. Эккерт анализирует в сопоставительном плане фразеологизмы, соотносимые по своей семантике и структуре, на материале русского и немецкого языков. Такие соматические фразеологизмы в основном являются пословицами и поговорками. При их передаче с языка на язык играет роль не структурно-семантический перевод, а перевод, основанный на семантико-коннотативном критерии. Например, русская пословица «Дуракам (дураку) закон не писан» не может быть переведена как: Für die Toren (dem Toren) ist kein Gezetz geschrieben, а должна быть передана смысловым семантико-коннотативным эквивалентом: Mit der Dummlheit kämpfen Götter selbst vergebens, который является крылатым афоризмом от Шиллера и переводится дословно как: даже богам бессмыленно бороться с глупостью [110, с.36].

Казахский исследователь А.К. Омарбекова также изучает соматические фразеологизмы в сопоставительном плане на материале немецкого, русского и казахского языков. Автор анализирует при этом такие соматические ФЕ, в основе образования которых лежат имена выдающихся людей, такие как: *rangehen wie Blücher* (букв. действовать решительно как германский полководец Блюхер), *Мамаево побоище* (крупнаяссора, драка, Асан кайыга тұсұ (впадать в печаль). Омарбекова А.К. отмечает, что при переводе с языка на язык таких антропонимических соматических фразеологизмов необходимо привлечение коннотативно-семантического анализа. Например, при передаче ФЕ с компонентом – именем И.В. Гёте необходимо учитывать, какой семантико-понятийный нюанс акцентируется: 1. великий поэт; 2. классический немецкий поэт; 3. автор многих произведений; а может быть и такое, когда необходимо выделить в связи с этим именем: 1. характер его произведений; 2. основное содержание «Фауста»; 3. место его произведений в обществе и истории литературы. В переводящем языке поэтому акцентировать именно такие релевантные компоненты ФЕ [70, с.11].

Китайский ученый Лан Тунтун изучает ФЕ со значением характеристики человека в русском и китайском языках. Автор выделяет в китайско-русском эквивалентном анализе три типа передачи ФЕ со значением характеристики человек: 1) Полные эквиваленты, семантически совпадающие в обоих языках: *лао ма ши ту* – старый конь борозды не портит; *хую чжун цюй ли* – таскать каштаны из огня чужими руками; 2) Частичные эквиваленты, совпадающие семантически лишь частично: *дань да ж удой* – быть не из робкого десятка; *цун мин иг чжун* – быть умнее всех; и 3) Безэквивалентные ФЕ, основанные на соотнесенных метафорах; именно здесь существует основные соматические фразеологизмы обоих языков: *ан сунн цию бо* – делать кому-либо глазки; *лю шень ся* – потерять голову [62, с.18].

Туркменский учёный Н.Ш. Шаммаев предпринимает структурно-семантическое и стилистико-фразеографическое изучение ФЕ английского и туркменского языков. Что касается антропонимических фразеологизмов в обоих анализируемых языках, то автор отмечает в них сходные понятийно-семантические универсалии. «Например, универсальность понятийных категорий, представленных во фразеологии, таких как физическое состояние лица, психическое состояние человека в общем, и в частности: здоровье, болезнь, сон, голод, бодрость, характер, внешний вид, интеллектуальные способности и т.п.» [98, с.41] также при этом отмечается, что в количественном отношении все данные группы ФЕ отличаются от языка к языку, в силу того, что ФЕ непосредственно отображают в языке традиции, религии, национальный характер, быт, обряды и обычаи, а такие же, конечно, различны от народа к народу. Такое различие значений ФЕ обусловлено различием в их семной организации.

«При сопоставлении английских и туркменских фразеологических единиц выявляется различие в их семной организации. Например, в английском языке дифференциальные семы указывают на непродолжительность, моментальный и крепкий сон, сон с храпом, легкое, без особого усилия засыпание, сильную усталость и истощенность организма и т.д. А в туркменском языке находим другие дифференциальные семы, входящие в семантическую структуру единиц, такие как: темпоральность, сокращение времени сна, бессонница от холода, бессонница от нервного стресса, не глубокий сон, крепкий сон» [98, с.198].

Но всё же самыми близкими к теме настоящего исследования являются научные исследования О.С. Абдыкаимовой и А.О. Карымшакова [2; 51], при этом первая предпринимает функционально-семантическое и структурное семантическое исследование соматических фразеологизмов на материале кыргызского и немецкого языков, а второй

изучает в сравнительном плане структуру и семантику соматических фразеологизмов русского и кыргызского языков.

О.С. Абыкаимова анализирует по 560 ФЕ в каждом из сопоставительных языков: немецком и кыргызском – с соматическим компонентом. Выбор в качестве объекта сопоставительного исследования именно соматических фразеологизмов автор обосновывает ниже следующими тремя факторами. Во-первых, соматические фразеологизмы в каждом из сравниваемых языков являются чрезвычайно употребительными – даже в составе одного и того же предположения могут встречаться две и даже три соматических ФЕ. Во-вторых, в составе соматических ФЕ в обоих языках повсеместно задействованы фразеологически связанные значения глаголов, которые проявляют градуальность фразеологизации. И, в-третьих, немаловажным фактором избрания соматических ФЕ в качестве объекта изучения «...является наличие в разных языках многочисленных фразеологических единиц с тождественным компонентным составом и значением, ср.: «дурной глаз», нем. ein böses Auge; англ. an will eyes; татарск. яман куз; кирг. жаман көз; «закрывать глаза», нем. die Augen verschlie-Ben, англ. shut ones eyes; татарск. куз йому; кирг. көз жумуу» [2, с.6].

Автор тоже отмечает, что, несмотря на тождественный компонентный состав и значение соматических ФЕ в различных языках, все же имеется большая доля несходства в мотивированности таких фразеологизмов: «...в киргизском языке прослеживается тенденция к выражению повышенной образности и тем самым к выражению большей фразеологической связности глагола, чем в немецком языке» [2, с.15].

Другой кыргызский ученый А.О. Карымшаков сопоставляет соматические ФЕ русского и кыргызского языков с целью выявления сходств и различий в их строении и функционировании. Сопоставительное изучение показано,

что в корпусе фразеологизмов в 1110 единиц с соматическим компонентом в русском языке задействовано 65 соматических лексем, типа: голова, нога, сердце, рука, легкое и др., в то время как корпус кыргызских фразеологизмов с соматическим компонентом в 1250 ФЕ создают 100 соматических лексем, типа: почка, голень, нутро, ребро, печень и др. Это объясняется внеязыковыми факторами, когда у разных народов вместе с образом жизни и менталитетом резко расходятся и жестикуляция, мимика, символика и метафоризация. Несмотря на многие совпадения в соматической фразеологии русского и кыргызского языков, имеются и несовпадения.

«Фразеологическая активность многих русских соматических лексем существенно отличается от фразеологической активности соответствующих кыргызских лексем. Так, например, такие лексические соматизмы, как легкое, поясница, ягодица, веко, челюсть, зад, небо, ресница, почка, голень, нутро, ребро, печень в русской фразеологии или вообще не используются, или являются фразеологически пассивными, в то время как их кыргызские соответствия в фразеобразовательном плане являются активными» [51, с.7].

Выводы по I главе

1.1. Фразеология является относительно новым лингвистическим направлением в составе языкознания. Она была создана в середине прошлого века и изучает устойчивые словесные комплексы, существующие в языке. Велика роль в становлении фразеологии двух учёных: француза Ш.Балли и русского советского лингвиста В.В. Виноградова. Если первому принадлежат приоритеты в очерчивании объекта фразеологии, в качестве которого определяются имплицитно мотивированный фразеологизм, то второму принадлежит первенство в структурно-семантической классификации фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Что же касается исследования фразеологизмов в сопоставительном плане, то здесь изыскания осложняются рядом факторов как языкового, так и внеязыкового порядка. В сопоставительном изучении фразеологизмов необходимо учитывать означенные факторы, предполагающие структурно-грамматические, семантико-стилистические и образно-мотивировочные критерии анализа материала; особенно такое соблюдение названных критериев касается языков генетически неродственных и грамматически разнотипных, каковыми являются германский флексивный немецкий язык и тюркский агглютинативный кыргызский.

1.2. В обзорно-теоретическом порядке нами было изучено около 35 авторефератов кандидатских диссертаций, созданных на рубеже XX и XXI вв. и было установлено, что научно-лингвистические одно-, двух- и многоязычные сопоставительные исследования проводятся в соответствии с 7-ми классификациями фразеологических единиц:

- 1) структурно-семантическая классификация фразеологизмов, являющаяся основной и в основе которой лежат указания Ш.Балли и В.В. Виноградова о превалирующей роли грамматической структуры и семантики в составе ФЕ;
- 2) структурно-морфологическая классификация, выдвигающая на первый план лексемно-морфологический состав ФЕ;
- 3) структурно-синтаксическая классификация, акцентирующая функционирование ФЕ в качестве членов предложений;
- 4) функционально-грамматическая классификация, рассматривающая фразеологизмы в составе какого-либо функционально-семантического поля;
- 5) лингвокультурологическая классификация, сосредотачивающая своё внимание на различие в содержании фразеологизмов, обусловленное различием в этнокультурной жизни народов;
- 6) переводческая классификация, ставящая себе целью адекватный перевод и передачу содержания фразеологизма с одного языка на другой

7) ономасиологическая классификация, призванная на изучении фразеологических единиц, имеющих антропоцентрическую направленность: соматизмы и даже зоонимы в приложении к человеку.

Обзорно-теоретическое обзор фразеологической литературы в германском языкоznании показало, что, во-первых, фразеологизмами там признаются УСК с постоянной грамматической структурой, готовой к воспроизведению в условиях типизированной ситуации, а, во-вторых, что соматические фразеологизмы составляют во фразеологической системе немецкого языка значительную часть, вплоть до трети всех ФЕ. Немецкие фразеологизмы, и среди них соматические ФЕ, подразделяются на пять видов: 1) фразеологическое единство: *j-m den Kopf waschen*;

- 2) фразеологическое выражение: *Kein Mensch ist ohne Aber*;
- 3) фразеологическое сочетание: *ein blinder Passagier*;
- 4) фразеологическое образование: *ein dunkler Ehrenmann*; и
- 5) моделированное образование: *ein Mann von Wort*.

Также обзорно-теоретическое анализ немецкой фразеологической литературы показало, что в германистике до сих пор не имеется специальных исследований, посвященных лингвистическому изучению соматических фразеологизмов.

Обзорно-теоретическое рассмотрение фразеологической литературы в кыргызском языкоznании показано, что фразеологизмы в кыргызском языке, признаются устойчивые, готовые к воспроизведению структурно-грамматические сложные единства с постоянным лексико-грамматическим – и что соматизмы занимают в кыргызской фразеологической системе больше одной трети объема вокабуларя. Кыргызские ФЕ, и среди них соматические фразеологизмы, подразделяются кыргызскими учеными на четыре вида:

- 1) фразеологические сращения: *каш кайтаруу*;
- 2) фразеологическое единство: *ийне-жибине чейин*;
- 3) фразеологическое сочетание: *баш бол*;
- 4) фразеологическое выражение: *карыга - урмат, балага – кызмат*. [Таджиева Г.М и др.:38]

Теоретико-обзорное рассмотрение кыргызской фразеологической литературы показано, что в кыргызском языкоznании имеются только две работы М. Толубаева и А.Карымшакова, посвященная изысканиям в области соматических фразеологизмов, но в них очерчены только пути и возможности изучения кыргызских соматических ФЕ, но самого скрупулезного и деятельного исследования не представлены.

В сопоставительном языкоznании нам повстречалось в процессе обзорно-теоретического анализа немного работ, в которых основное и пристальное внимание уделялось бы изучению соматических фразеологизмов, в основном это работы, написанные в ГДР, России (времен СССР), в Казахстане и в Кыргызстане [78; 110; 2; 51; 70; 62; 98]. Они затрагивают те или

иные стороны конституирования и функционирования соматических ФЕ, изучаемых в аспекте сопоставления, а также принципы и критерии мотиваций фразеологических значений данных ФЕ.

Но наиболее полно вопросы сравнительно-сопоставительного изучения соматических фразеологизмов представлены в трудах кыргызских ученых О.С. Абдыкаимовой и А.О. Карымшакова; второй к тому же одним из сопоставительных языков избрали кыргызский язык, а первая – кыргызский и немецкий языки. В их исследованиях содержится, как нам представляется, наиболее адекватная классификация соматических ФЕ и наиболее адекватная методология сопоставления соматических фразеологизмов из генетически неродственных и типологически разноструктурных языков: немецкие и кыргызские соматические ФЕ сопоставляет Абдыкаимова О.С. и, русские и кыргызские соматические фразеологизмы – Карымшаков А.О.

ГЛАВА II

АНАЛИЗ ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

2.1. Методология сопоставительного исследования немецких и кыргызских соматических фразеологизмов

Основная методология нашего сопоставительного исследования немецких и кыргызских соматических фразеологизмов осложняется многими факторами, среди которых главным представляется сам материал изучения, а именно, сущность и природа фразеологизма. Сущность и природа фразеологизма обуславливается неоднородность его значения, которое имеет широкий диапазон образования. С одной стороны, граница фразеологизма лежит в области полного переосмыслиния его лексико-грамматического состава. Например, «...орус тилиндеги втирать очки кыргызча көз боёмолоо, андоо болуп которуюлат...» [130, с.121]. С другой стороны, граница фразеологизма обуславливается не столько переносным значением, а сколько его устойчивым синтактико-стилистическим характером употребления. Например, к таковым могут быть причислены в русском языке «слова одной и той же части речи + сочинительный союз: день и ночь; ни два, ни полтора; туда и сюда; охи да вздохи и др.» [95, с.20].

Но, несмотря на такой широкий диапазон образования своего значения, т.е. от полностью переносного значения до синтактико-стилистического его употребления, фразеологизм не перестает быть фразеологизмом, поскольку отличается устойчивостью воспроизведения. С этой точки зрения полностью правомерным представляется мнение В.Н. Телия, которая понимает под фразеологической устойчивостью «...результат закрепления узусом соотношения нового

содержания за определенным лексико-грамматическим обликом сочетания в целом или за одним из составляющих его слов» [89, с.559]. Фразеологическая устойчивость не должна при этом пониматься как полная неизменяемость фразеологизма. Напротив, даже может наблюдается некоторое трансформированное употребление, «...допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [89, с.559].

В предыдущих разделах нашей работы было показано, в каком диапазоне значения располагаются немецкие и русские соматические фразеологизмы. В немецком языке градация насчитывает пять ступеней, а в кыргызском – четыре ступени расположение семантики ФЕ.

1. В немецком языке на самом верху иерархической градации расположены фразеологические единства, которые имеют полностью переосмыщенное значение лексико-грамматического состава, например:

Hirngespinste nähren. [Бинович, НФРС].

einen kühlen Kopf behalten (bewahren). [LGD-R, 1. Band];

Чуть ниже на лестнице иерархической градации находятся фразеологические выражения, куда относятся все УСК с полностью переосмыщленным значением: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, например:

viele Köpfe, Viele Sinne. [LGD-R, 1. Band];

das (belegte) Brötchen ist aufs Gesicht gefallen. [LGD-R, 1. Band].

2. Еще ниже в немецкой фразеологической градации расположены фразеологические сочетания, которые имеют переосмыщенным лишь один компонент значения, данное сочетание является при этом окциональным, т.е. одноразовым, и не принадлежат к словосочетаниям серийного типа, например:

sein wahres Gesicht zeigen. [LGD-R, 1. Band].

ganz Aug' und Ohr sein. [Бинович, НРФС].

3. Ниже расположены фразеологические образования, которые, также как и фразеологические сочетания, имеют только один переосмысленный компонент, но отличается узуальностью, т.е. серийностью образования и употребления, например:

ein neues Gesicht bekommen. [Бинович, НРФС];

j-n (um etw.) zu Gesicht bekommen (um kriegen). [Бинович, НРФС].

4. На самом низу иерархической градационной лестницы располагаются моделированные образования, которые представляют собой семантически непереносные словосочетания, но однако отличающиеся устойчивостью ввиду синтактико-стилистических нюансов в значении; моделированные образования встречаются только в определенных синтаксических моделях, например:

die Stirn falten (furchen, in Falten ziehen, krausziehen, runzeln). [LGD-R, 2. Band].

Аналогичная семантическая градация объема значения фразеологизмов наблюдается и в кыргызском языке:

1. На самом верху кыргызской иерархической градационной лексики находятся фразеологические сращения с полностью переосмысленным значением всего лексико-грамматического, например:

маңдайына сыйбоо – буюрбоо, буюrbай калуу. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү],

тил эмизүү – натыйжасыз, курулай убада бере берип ишти узартуу, алдоо, куру бекер үмүткөр кылып, ишин көпкө создуктура берүү [Жамширова, Кыргызча-орусча тематикалык фразеологиялык сөздүк].

2. Чуть ниже на семантической иерархической лестнице находятся в кыргызской фразеологической системе (фразеосистеме) фразеологические единства, значение которых также является переосмысленным, но сохраняется один компонент, который косвенно указывает на своё прямое номинативное значение. Например:

өпкөсүн калбыр кылып жалынат. [Юдахин, КРС, кн. II].

бир боорум. [Юдахин, КРС, кн. I].

3. Еще ниже на семантической иерархической лестнице в кыргызской фразеосистеме находятся фразеологические сочетания, в которых переосмысленным является только один компонент, и переосмысление связано с метафорическим переносом названия. Например:

жүрөгү жибүү – ийигүү, жакшы көрүү, ыраазы болуп калуу; [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү]; ичинен тап киши. [Юдахин, КРС, кн. I].

К данной же группе фразеологизмов в кыргызской фразеосистеме относятся и такие ФЕ, в которых нет четкого и ясного переосмыслиния какого-либо компонента, но все сочетание скорее воспроизводится, чем заново создается и потому они могут считаться фразеологизмами. Например:

боор эзилүү. [Юдахин, КРС, кн. I]

бөйрөктөн чыгуу. [Юдахин, КРС, кн. I].

4. Кыргызские фразеологические выражения, как нам представляется на данном этапе работы, находятся где-то в середине семантической градационно-иерархической лестницы, поскольку они, являясь афоризмами, крылатыми словами, пословицами и поговорками, показывают переосмыщенное значение, но переосмысление все же четким образом мотивировано прямыми значениями составных компонентов. Например:

төбө чачым көрбөй калайын! – дет. шутл. (клятва) чтобы мне не видать своих волос на макушке [Юдахин, КРС, кн. III];

көзүнөн чыксын! [Юдахин, КРС, кн. I].

Таким образом, приводя немецкие и кыргызские примеры с иллюстрацией семантической иерархической градации в объеме различных типов значения, нами отмечена широта семантики ФЕ, которая может отличаться, с одной стороны, полным и основательным переосмыслением, а с другой, быть свободным, заново создаваемым словосочетанием.

Фразеологическое значение, как можно было убедиться из изложенного в данном разделе работы, является сложным феноменом языка, который конституируется тремя лингвистическими факторами, во-первых, фразеологическое значение (ФЗ) конституируется так называемой мотивированностью, мотивировкой, исходящей из сферы экстралингвистики и преломляющейся в сферу собственно лингвистики.

Современная теория мотивологии языка обусловлена в каждом конкретном языке своими характерными моментами, а именно национальными особенностями восприятия людьми мира, различными способами мышления и интерпретации языковой и неязыковой действительности. «Ценным в этом смысле является изучение мотивированного пласта лексики в аспекте осознания его носителями языка» [34, с.5].

Теория мотивологии, базирующаяся на трудах таких известных ученых, как Г. Шухарут, Комлев Н.Г., Арутюнова Н.Д. и др., исходит из факта, что в языке не может существовать немотивированных значимых единиц. Особенно это положение релевантно для лексики и фразеологии. В лексике и фразеологии (а также и в морфологии) мотивированность значения предполагает, что понятийная структура поддается более или менее непосредственному соотнесению в соответствующим лексико-грамматическим составом. Такая соотнесенность понятийной структуры со значением лексико-грамматическим составом. Такая соотнесенность понятийной структуры со значением лексико-грамматических компонентов (компоненты) имеет в языкоznании и в теории мотивологии обозначение внутренней формы. «Внутренняя форма. Другим компонентом слова-знака является так называемая внутренняя форма. Например, слово «молниеносный» вызывает представление о вспышке молнии, хотя само слово имеет значение «очень быстрый, мгновенный», т.е. значение, не связанное с молнией непосредственно и т.д. Эту «внутреннюю форму» (после нахождения

виртуального знака, т.е. звукового образа, звукового инварианта в двух или нескольких реальных словах-знаках) можно было бы назвать «значением» при первом приближении в слову» [54, с.67; 103, с.206; 8, с.57-58].

Внутренняя форма, как непосредственное проявление мотивированности, может забываться. Забвение внутренней формы – это положительное явление. Как отмечают русоведы и общие языковеды, для того, чтобы стало возможным говорить «стрелять из пушки» необходимо было забыть связь слова «стрелять» со «стрелой». Забвение внутренней формы слова как положительного явления обусловлено тем фактом, «...что внутренняя форма обладает особыми свойствами по сравнению с другими семантическими компонентами содержательной структуры слова. Одно из наиболее важных для синхронной семантики свойств данного компонента заключается в его динамическом характере, который обнаруживается по-разному в различных условиях функционирования лексических единиц.» [18, с.238].

В нашем языковом материале немецких и кыргызских соматических фразеологизмов мотивированность фразеологизмов обуславливается частями и органами тела человека.

«Само человеческое тело...является наиболее доступным объектом наблюдения человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человека – «удобнее» соотносить, прежде всего, с частями своего тела» [91, с.249].

Мотивированность ФЕ частями и органами человеческого тела имеет два аспекта: внешний и внутренний. Внешняя сторона мотивированности предполагает использование признаков, качеств и свойств наружных частей человеческого тела [2, с.9], таких как: мозги, сердце, лёгкие, печень, желудок и др.

Во-вторых, ФЗ конституируется и коннотативным компонентом значения. Как отмечает в этой связи известный

киргызский фразеолог А.О. Кармышаков, «фразеологическое значение, являющееся результатом косвенной фразеологической номинации, представляет собой феномен исключительно сложный. Онтологическое единство рационального и эмоционального в мышлении и языке находит своё отражение во фразеологическом значении как единство денотативно-сигнификативного и коннотативного компонентов» [52, с.39].

В самом общем виде коннотация, или коннотативный компонент, понимается в языкоznание как дополнительный смысл, нюанс, оттенок значения, налагаемый на основное значение лексической, равно фразеологической единицы. Коннотативный компонент придает значению лексической и фразеологической единицы придает значению эмоциональный, экспрессивный или образный отпечаток. Но коннотативный компонент неоднороден, - особенно это замечание касается ФЕ, которое обладает в своей семантике большей частью переносным значением. Имеются две ступени коннотации. Широкое понимание соотносится с любым семантическим «...компонентом, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию...» [88, с.236]. Узкое понимание коннотативного компонента предполагает такое его рассмотрение: «В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [88, с.236].

Конечно же, между способами мотивировки ФЗ (внешней и внутренней мотивированностью) и границами семантики коннотативного компонента (КК) в значении ФЕ можно наблюдать некоторые параллельные отношения во фразеологизмах обоих сопоставляемых языков. Например,

немецкий фразеологизм *j-m etw.in den Bart werfen*. [Мосальская, Большой немецко-русский словарь. т. I] проявляет внешнюю мотивированность посредством указания на часть человеческого лица *Bart*, а коннотативный компонент показывает широкое содержание, поскольку содержит экспрессию и отрицательную эмоциональную оценку.

Или кыргызский фразеологизм *жүрөгү жарыла жаздоо* – өтө сүйүнүп же катуу коркуудан аябай толкундоо, абдан алдастoo. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү] конституируется внутренней мотивированностью, эксплуатируемой лексемой «жүрөгү», а коннотативный компонент также показывает широкую семантику, поскольку содержит в себе экспрессивную функцию с положительной эмоциональной оценкой.

И, в-третьих, ФЗ фразеологической единицы конституируется так называемым компонентом воспроизведимости, под которым мы понимаем применение ФЕ в большем или мénьшем количестве речевых ситуаций, но оно характеризуется вариантностью, поскольку речевые ситуации есть проявления различных текстовых явлений.

«Различные кодифицирующие оценки и рекомендации обретают наибольшую объективность и действенность в тех случаях, когда опираются не только на констатацию функционально-стилевой дифференциации тех или иных вариантов норм на уровне языковых единиц, но и на анализ норм отбора и организации языковых единиц в различных типах текста и на анализ сложных взаимозависимостей функциональных разновидностей языка» [24, с.248].

Например, в немецкой фразеосистеме фразеологизм *haargenau sein* – быть похожим как две капли воды [LGD-R, 2. Band] может быть приложим в любой речевой ситуации, когда хотят отметить похожесть предмета речи какому-либо другому предмету. К примеру, в одном из текстов, в котором хотят акцентировать схожесть одной вещи какой-либо другой, употреблен данный фразеологизм.

„Manche Kinder schliefen dabei wirklich? Andere lachten nur nervös oder kuckten uns? Die Neuankömmlinge, neugierig an. Danach las die Erzieherin aus dem Märchenbuch 1001 Nacht vor/ Mit großem Erstaunen bemerkte ich, Wie haargenau diese uralten orientalischen Geschichten die gegenwärtige Wirtschaftssituation in Deutschland widerspiegeln und die Kinder damit schon jetzt auf ihr zukünftiges Berufsleben vorbereiteten.

„Wie ist dein Name, Wanderer, und was für ein Handwerk betreibst du?“, fragte der Großwesir den Unbekannten“ [153, c.83]

Или же кыргызский фразеологизм:

Чачтарын тетири сылашат – (о кыргызской мужской молодежи, которая носит волосы) 1) он приглаживает волосы назад (т.е. от лба к затылку; женщина расчесывает волосы от затылка наперед); 2) перен. он начал зазнаваться [Юдахин, КРС, кн. II] имеет узкую сферу приложения – и в прямом, и в переносном значении он применяется только в такой речевой ситуации, когда речь идет о кыргызской мужской молодежи, да и к тому же в отрицательном экспрессивном плане.

И потому можно сделать промежуточный вывод о том, что немецкие и кыргызские ФЕ по своему компоненту воспроизведимости могут быть приложимыми, т.е. воспроизведены, с одной стороны, в многочисленных речевых ситуациях и быть многовариантными для реализации «...возможности выбора для говорящего из ряда вариантов того, который наиболее подходит по условиям коммуникации» [Ярцева, 1990, с.20], а, с другой стороны, могут воспроизводиться только в одной речевой ситуации и быть одновариативными, или невариативными, когда «степень вариативности...сведена к минимуму» [107, с.17].

Таким образом, для конституирования ФЕ соматического фразеологизма играют важную роль три фактора:

1. Мотивировка значения, которая предполагает мотивированность семантики ФЕ внешними и внутренними соматическими признаками;
2. Коннотативный компонент, который подразделяется на виды: широкая коннотация, которая накладывается на значение ФЕ и придает фразеологизму общую экспрессивность, и узкая коннотация, которая является ассоциативно – образной и конкретной и накладывается на часть фразеологизма; и
3. Компонент воспроизводимости, который регулирует многовариантное (вариативное) воспроизведение ФЕ с соматическим значением в различных речевых ситуациях и одновариантное (невариативное) воспроизведение фразеологизма только в речевых ситуациях строго заданного семантического типа.

Итак, методология нашего сопоставительного анализа будет регламентирована таким направлением лингвистического сравнения немецких и кыргызских соматических ФЕ:

1. В начале будет изучаться группа немецких соматических фразеологизмов с позиций внешней и внутренней мотивированности;
2. Затем будет изучена группа кыргызских соматических фразеологизмов с позиций внешней и внутренней мотивированности;
3. Далее выявленные данные по группам немецких и кыргызских соматических фразеологизмов будут непосредственным образом сопоставляться друг с другом.

При изучении немецких и кыргызских соматических ФЕ будут учитываться содержательные стороны фразеологизмов с применением параметров:

А.Мотивировка значения: внешняя и внутренняя мотивированность ФЕ;

Б.Коннотативный компонент: широкая и узкая коннотация ФЗ;

В.Компонент воспроизводимости: вариативный и невариативный фразеологизм.

Именно такая методология сопоставительного исследования немецких и кыргызских ФЕ, вне всякого сомнения, поможет выявить и получить адекватные результаты сравнительного анализа.

2.2. Лингвосемантический аспект немецких соматических фразеологизмов

Значение прямой номинативной единицы – слова, или цельного словосочетания, представляет само по себе очень сложное явление языка – «...содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [126, с.261], - это, с одной стороны. С другой же стороны, «Лексическое значение слова – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение» [126, с.261].

Значение слова или словосочетания как прямой номинативной единицы связано с тремя сторонами известного семантического треугольника: 1. с внеязыковой реальностью, 2. с мыслительными понятиями и 3. с фонетическим словом-именем – и с каждой из этих сторон оно имеет свое особое отношение, определяемое своей сложной семантической структурой, «...общими свойствами слова как знака: его семантикой, прагматикой, синтаксикой» [126, с.262; 54, с.6-7; 3091-92; 108, с.88-89].

Если даже значение прямой номинативной единицы слова или словосочетания представляется таким сложным феноменом языка, то значение непрямой переносной единицы какой-либо является слово, представляется сложной вдвойне, поскольку во фразеологизме «...создается конструктивно особый тип лексического значения. Это последнее можно представить как комбинацию по крайней мере трех макрокомпонентов: денотативного аспекта значения..., категориально-грамматического компонента..., и,

наконец, эмотивно-модального компонента, выражающего отношение субъекта речи к тому, что обозначено словом или выражением» [87, с.16].

Ранее было акцентировано, что для лингвистико-семантического анализа соматических ФЕ необходимо учитывать три фактора: 1) мотивировку значения, 2) коннотативный компонент и 3) компонент воспроизведимости. Но следует отметить, что семантика фразеологизма в сопоставляемых нами немецком и кыргызском языках в первую очередь определяется первым означенным фактором «мотивировка значения».

Мотивировка значения ФЕ, в качестве внешней и внутренней мотивированности, проявляющаяся в определенной речевой ситуации, связывается с семантической структурой всего фразеологизма посредством внутренней формы. Внутренняя форма ФЕ имеет свою специфику, обусловленную переносным и переосмысленным характером значения. Как пишет в этой связи известный русский советский лингвист В.Г. Варина: «Более точным было бы, по-видимому, рассматривать в качестве внутренней формы не все прямое (или главное) значение слова, которое состоит из комплекса семантических компонентов, а отдельные компоненты этого комплекса, отпочковавшиеся от всего комплекса прямого значения и перенесенные в другую денотативную область. Перенесение в другую область номинации, а также отделение от всего комплекса признаков первичной номинации связано с некоторым видоизменением переносимых признаков» [18, с.243; 112, с.16-17].

В нашем лингвистическом анализе соматических ФЕ из двух языков- немецкого и кыргызского - именно внутренняя форма является прямо указующей основой семантической мотивировки, вычленяя для употребления в качестве основообразующего признака значения ту или иную часть или орган человеческого тела. Мы выделили в обоих сравниваемых фразеосистемах два вида проявления мотивировки

значения: внешнюю мотивированность, когда обозначаемый в качестве составного компонента фразеологизма часть человеческого тела находится снаружи человеческого тела и воспринимается глазом, и внутреннюю мотивированность, когда человеческий орган находится внутри человеческого тела и глазом никак не воспринимается. И в немецком, и в кыргызском языках данные мотивированности, в основном, по признаку использования в качестве номинативного компонента совпадают, но они различаются как в качественном отношении, так и в количественном.

Начнем наше лингвистическое изучение с аспекта внешней мотивированности ФЗ.

2.1.1. Немецкие соматические фразеологизмы с признаком внешней мотивированности

В немецкой фразеосистеме были выделены соматические фразеологизмы, имеющие в основе своего значения признаки внешней мотивированности, а именно, наружные части человеческого тела:

1. das Haar – чач;
2. der Kopf, das Haupt- баш;
3. das Gesicht- бет;
4. die Stirn- мандай;
5. das Auge - көз;
6. die Augenbraue- каш;
7. das Ohr- кулак;
8. der Mund- ооз;
9. der Zahn – тиш;
10. die Zunge – тил;
11. die Nase- мурун;
12. der Bart - сакал;
13. der Hals- моюн;
14. die Schulter-ийин;
15. der Arm, die Hand - кол;
16. der Rücken - далы;

17. die Brust – көкүрөк;
18. die Bauch - курсак;
19. das Bein- бут, шыйрак;
20. die Sohle -согончок, таман.

1. Das Haar лежит в основе 27 соматических фразеологизмов, среди которых выделяются только три структурно-семантических типа немецких ФЕ.

1) фразеологическое единство:

j-m kein Haar krümmen. [Бинович, НРФС].

Фразеологизм j-m kein Haar krümmen имеет в немецком языке полностью переосмыщенное значение, в котором ни один составной компонент не показывает своего прямого значения, букв.: не тронуть никакого волоса. Несмотря на кажущуюся номинативность фразеологизма, все значение полностью переосмыщлено [см.: Glinz, 1965, с.47].

2) фразеологическое выражение:

lange Haare, Kurzer Verstand. [Бинович, НРФС].

Названная фразеологическая единица в немецкой классификации относятся к типу фразеологических выражений в силу того, что она, с одной стороны, имеет переносное значение, но, с другой стороны, это переносное значение регламентировано узкой сферой приложения – только к женщинам при их негативной оценке умственных способностей. Обычно такими фразеологическими выражениями являются пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые слова.

3) фразеологическое сочетание:

es fehlte nur ein Haar. [Бинович, НРФС].

В указанной фразеологической единице переосмыщен только один компонент – соматизм ein Haar, под которым должно пониматься значение «самый пустяк», но никак не «волосы».

2. Часть тела «der Kopf» выражается в немецком языке в ФЕ в основном посредством лексемы der Kopf (86 ед.) и лишь малая часть лексемой das Haupt (5 ед.). В данных соматических фразеологизмах пять типов немецких фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

j-n vor den Kopf stossen – бирөөнү тарынтуу, ачуусун келтириүү. [Кадырбекова, Немисче-киргызча сөздүк, I том];

2) фразеологическое выражение:

Wie das Haupt, so die Glieder. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

Auf den Kopf zu sagen – бетке ачык айттуу. [Кадырбекова, Немисче-киргызча сөздүк, I том];

4) фразеологическое образование:

Seinen eigenen Kopf haben. [LGD-R, 1. Band].

Фразеологическое образование отличается от фразеологического сочетания в немецкой классификации тем, что, также имея переносным только один компонент значения – der Kopf -, последний компонент может быть при этом заменен синонимом безо всякого ущерба для смысла всей ФЕ: der Kopf => die Meinung => die Fassung;

5) моделированное образование:

den Kopf hängen lassen. [Бинович, НРФС].

den Kopf hochhalten (dufrechhalten). [Бинович, НРФС].

den Kopf verlieren. [Бинович, НРФС].

Вышеприведенные фразеологизмы с соматическим компонентом der Kopf являются моделями образований, поскольку они обладают не полностью переосмысленное семантикой и образуются при этом по одной типизированной модели: Sub. in Akk + trans. V. (существительное в аккузативе + переходный глагол).

3. Das Gesicht лежит в основе образования 32 единиц фразеологизмов, среди которых представлены фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические образования:

1) фразеологические единство:

etw. steht j-m Gesicht geschrieben. [LGD-R, 1. Band];

2) фразеологическое сочетание:

einer Gefahr ins Gesicht sehen. [LGD-R, 1. Band];

3) моделированное образование:

in den Gesichtsbreis treten. [Бинович, НРФС];

aus dem Gesicht verlieren. [LGD-R, 1. Band];

4. Die Stirn положен в основу образования 14 фразеологизмов, среди которых можно выделить фразеологические единства, фразеологические выражения, фразеологические сочетания и фразеологическое образования:

1) фразеологическое единство:

j-m (или einer Sache) die Stirn bieten. [Бинович, НРФС];

2) фразеологическое выражение:

breite Stirn und wenig Hirn. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

die Stirn(e) zu etw. haben. [Бинович, НРФС];

4) фразеологическое образование:

mit eiserner Stirn. [Бинович, НРФС];

5. Das Auge лежит в основе образования 89 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены на этот раз все пять немецких фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

die Augen in die Hand nehmen. [БНРС, т. I]

Оба приведенных значения являются фразеологизмами с семантикой фразеологического единства;

2) фразеологическое выражение:

aus den Augen – aus dem Sinn. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

die Augen quellen ihm aus dem Kopfe. [Бинович, НРФС];

4) фразеологическое образование:

wie seinen Augenapfel hüten - көздүн карегиндей сактоо.

[Кадырбекова, Немисче-kyргызча сөздүк, I том].

Отличие фразеологического образования от фразеологического сочетания состоит в том, что фразеологическое сочетание имеет в своём составе только одно переносное значение в одном лексическом компоненте (die Augen), в то время как фразеологическое образование, также имея одно переносное значение, может заменять его на другие соматические лексемы: Augenapfel => Herz (kopf. Haare и др.);

5) моделированные образования:

vor aller Augen. [Бинович, НРФС];

unter vier Augen –көзмө көз. [Кадырбекова, Немисчекыргызыча сөздүк, I том].

6. Die Augenbraue представлен в нашем фактическом материале всего лишь одной ФЕ – фразеологическим образованием

Die Augenbrauen zussammenziehen. [БНРС, т. I].

7. Das Ohr лежит в основе 54 ФЕ, среди которых представлены все типы немецких фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

tauben Ohren predigen. [LGD-R, 2. Band];

2) фразеологическое выражение:

Das Ohr an der Masse haben. [LGD-R, 1. Band];

3) фразеологическое сочетание:

sich auf Ohr legen (hauen). [LGD-R, 1. Band];

4) фразеологическое образование:

gute (feine) Ohren haben. [LGD-R, 1. Band];

5) моделированное образование:

hinder die Ohren bekommen (kriegen). [БНРС, т. I];

j-n an (bei) den Ohren nehmen (zupfen, ziehen). [БНРС, т.

I].

8. der Mund был положен в основу образования 52 ФЕ, среди которых не представлены только тип фразеологических образований, а все прочие имеются:

1) фразеологическое единство:

Sich (D) kein Blatt vor den Mund nehmen. [Бинович, НРФС];

2) фразеологическое выражение:

Du hast wohl den Mund zu Hause gelassen? [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

j-m etw. in den Mund schmieren (или legen). [Бинович, НРФС]; и

5) моделированное образование:

Den Mund nicht auf tun. [БНРС, т. II];

Den Mund halten. [БНРС, т. II];

9. Der Zahn представлены в нашем языковом материале в 31 ФЕ, среди которых представлен не только один тип фразеологизмов фразеологическое образование:

1) фразеологическое единство:

j-m den Zahn ziehen. [LGD-R, 2. Band];

2) фразеологическое выражение:

Die Zähne in die Wand hauen. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

Zahn klappern – тишти кычыратуу. [Кадырбекова, Немисче-киргызча сөздүк, II т.];

5) моделированное образование:

Den Zahn ziehen (heilen) – тишти суруу, жулдуу. [Кадырбекова, Немисче-киргызча сөздүк, II т.].

10. Die Zunge лежит в основе образования 37 немецких соматических фразеологизмов, среди которых представлены фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические образования:

1) фразеологическое единство:

j-m die Zunge lösen. [LGD-R, 2. Band];

3) фразеологическое сочетание:

sich die Zunge aus dem Hals rennen. [LGD-R, 2. Band];

4) фразеологическое образование:

seine Zunge hüten (im Zaum halten, zügeln). [LGD-R, 2. Band].

Die Nase является основой для образования 38 единиц фразеологизмов, среди которых представлены четыре типа ФЕ:

1) фразеологическое единство:

j-m eine Nase drehen. [БНРС, т. III];

Еще раз напомним, что тип фразеологического единства имеет место в том случае, когда всё значение фразеологизма никоим образом не вытекает из суммы значений составных компонентов, а является переосмысленным, с потерянной внутренней формой. Так, в вышеприведённом примере мы имеем именно такой случай с полным переосмыслением значения;

2) фразеологическое выражение:

Er sieht nicht weiter, als seine Nase reicht. [БНРС, т. II];

Напомним, что в используемой нами классификации немецких ФЕ с соматическим компонентом фразеологическое выражение представляется законченной предикативной единицей, являющейся афоризмом, крылатым словом, пословицей или поговоркой с несколько переосмысленным значением, а вышеприведенный пример представляет собой языковую единицу типа поговорки;

3) фразеологическое сочетание:

j-m eins auf die Nase geben. [БНРС, т. II];

Во фразеологическом сочетании бывает обычно переосмыслено значение одного компонента, в вышеперечисленном примере таким переосмысленным компонентом является eins geben (букв.: дать одну);

4) фразеологическое образование:

11.Die Nase hoch tragen – мурдун көтөрүү, бой көтөрүү.
[Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, II т.].

Фразеологические образования или «фразеологизованные устойчивые словосочетания образуются в том случае, когда один из компонентов с переносным значением вступает в соединение со словами определенной семантической группы, например: jmdm. Achtung, Anerkennung, Bewunderung, Dank, Teilnahme zollen; jmdn. Einem Verhör, einer Prüfung, etw. einer Besichtigung unterziehen.

От собственно фразеологических единиц их отличает не единичная, а серийная сочетаемость и структура семантики» [97, с.63].

Серийная сочетаемость в вышеприведенном примере обусловливается возможность замены лексемы die Nase на лексему der Kopf, или на das Haupt.

12.Der Bart является основой для образования 15 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены только три типа фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

j-m Honig um den Bart schmieren. [Бинович, НРФС];

- 2) фразеологическое выражение:
Der Bart ist ab. [Бинович, НРФС]; и

- 3) фразеологическое сочетание:
einen Bart haben. [БНРС, т. I];

13. Der Hals была положена в основу образования 31 соматического немецкого фразеологизма, среди которых представлены все пять типов ФЕ по немецкой классификации:

- 1) фразеологическое единство:

Ich habe ihm auf Halse. [БНРС, т. I];

- 2) фразеологическое выражение:

Bleib mir damit vom Halse! [БНРС, т. I];

- 3) фразеологическое сочетание:

Sich (D) den Hals brechen. [БНРС, т. I];

- 4) фразеологическое образование:

j-n den Hals umdrehen. [БНРС, т. I];

- 5) моделированное образование:

Das vollem Halse lachen (schrenen). [Бинович, НРФС];

Сделаем некоторые пояснения по типу моделированного образования.

«Моделированными или типовыми образованиями называются такие устойчивые и воспроизводимые словосочетания, которые образуются в языке по определенным структурно-семантическим моделям. Среди этих моделей единиц немецкого языка можно назвать следующие разновидности: аналитические конструкции: j-n zur Ruhe bringen..., типовые грамматико-стилистическое конструкции: ein wahrer Ausbund von Gelehrsamkeit» [97, с.64-65].

Сюда также добавим, что значение моделированного образования остается приближенным к значениям номинативного характера.

Приведенный выше пример можно отнести к моделеванным образованиям с аналитической конструкцией, да и к тому же Halse можно заменить на Kehle: aus voller Kehle lachen.

14. Die Schulter представлено в 16 соматических ФЕ, среди которых можно выделить только три фразеологизмов:

- 1) фразеологическое образование
j-m die halte Schulter zeigen. [Бинович, НРФС];
- 3) фразеологическое сочетание:
mit hängenden Schultern. [LGD-R, 2. Band];
- 5) моделированное образование:
Schulter an Schulter. [Бинович, НРФС].

Рука представлена в немецкой фразеосистеме, также как и в самом немецком языке, двумя синонимичными лексемами: der Arm (вся рука) и die Hand (рука и кисть руки), при этом ФЕ с Hand мы насчитали 108 ед., а с Arm – 27 ед. Обе ФЕ образуют все пять типов немецких фразеологизмов:

- 1) фразеологическое единство:
der verlängerte Arm. [БНРС, т. I];
von der Hand in denr Mund Legen – эптеп-септеп күн өткөрүү, жаман жашоо (сводить с концами; плохо жить) [Кадырбекова, Немисче-kyргызча сөздүк, II т.].
  - 2) фразеологическое выражение:
der strafende Arm des Himmels. [БНРС, т. I];
Nicht in die Hand!. [Бинович, НРФС].
  - 3) фразеологическое сочетание:
die Arme frei haben. [БНРС, т. I],
die Hand darauf geben. [Бинович, НРФС];
  - 4) фразеологическое образование:
j-m die Arme nach hinten drehen. [БНРС, т. I];
die Hand im Spiel haben – кабылуу, чатышуу (жаман ишке) (быть в игре, в каких-либо сомнительных действиях) [Кадырбекова, Немисче-kyргызча сөздүк, I т.];
  - 5) моделированное образование:
j-m den Arm geben. [БНРС, т. I];
von langer Hand (her) – эчактан бери, көптөн бери. [Кадырбекова, Немисче-kyргызча сөздүк, I т.].
- der Rücken лежит в основе 26 ФЕ, среди которых представлены четыре типа фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

Mit dem Rücken an der Wand kämpfen. [Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch, 2. Band];

3) фразеологическое сочетание:

Vor j-m den Rücken beugen. [LGD-R, 2. Band];

4) фразеологическое образование:

die Hände auf den Rücken legen. [[LGD-R, 2. Band];

5) моделированное образование:

hinter dem Rücken; аркасында (бирөөнүн) [Плутцкий,

Шамбаев, Рахманов, Немисче – орусча – кыргызча сөздүк].

Die Brust лежит в основе образования 17 ФЕ, среди которых представлены четыре типа фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

tief in der Brust bewahren. [LGD-R, 1. Band];

2) фразеологическое сочетание:

j-n an der Brust packen. [LGD-R, 1. Band];

3) фразеологическое образование:

Von der Brust weg. [Бинович, НРФС]; и

5) моделированное образование:

Brust an Brust. [Бинович, НРФС].

Der Bauch задействован в основании 12 фразеологизмов

- соматизмов, среди которых представлены четыре типа ФЕ:

1) фразеологическое единство:

den Bauch schütteln. [Бинович, НРФС];

2) фразеологическое выражение:

ein hungriger Bauch lässt sich mit Worten nicht abspeisen.

3) фразеологическое сочетание:

auf dem Bauch briechen (или liegen). [Бинович, НРФС];

5) моделированное образование:

j-d hat Bauchschmerzen. [LGD-R, 1. Band];

Das Bein входит составным компонентом в 34 ФЕ, среди которых наличествуют все пять типов фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

die Beine unter fremden Tisch stecken. [БНРС, т. I];

2) фразеологическое выражение:

Was man nicht im Kopfe hat, das muß man in den Beinen haben. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

j-m einen Klotz ans Bein binden. [БНРС, т. I];

4) фразеологическое образование:

j-m auf die Beine helfen. [БНРС, т. I];

5) моделированное образование:

leichte Beine haben. [БНРС, т. I].

Die Sohle наличествует как соматический компонент в 9

ФЕ, среди которых имеются типы фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

sich an j-s Sohlen heften. [Бинович, НРФС];

3) фразеологическое сочетание:

auf leisen Sohlen wandeln. [Бинович, НРФС];

4) фразеологическое образование:

sich auf die Sohlen machen [Бинович, НРФС].

Количественные подсчеты показывают, что в группе немецких соматических фразеологизмов насчитывается 761 ед. ФЕ; они распределяются таким образом по типам фразеологизмов:

1. Фразеологические единства – 205 ед. – 27%,
2. Фразеологические выражения – 137 ед. – 18%,
3. Фразеологические сочетания – 243 ед. – 32%,
4. Фразеологические образования – 69 ед. – 9%, и
5. Моделированные образования – 107 ед. – 14%

Всего: 761 ед. – 100%

2.1.2. Немецкие соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности

В немецкой фразеосистеме были выделены соматические фразеологизмы, имеющие в основе своего значения признаки внутренней мотивированности, а именно, внутренние органы человека:

1. das Hirn – мээ;
2. das Herz - жүрек

3. die Seele – жан;
4. die Lunge- єпкє;
5. die Leber -боо
6. der Magen- ашказан

1. Das Hirn лежат в основе образования 9 фразеологизмов, среди которых представлены:

- 1) фразеологическое единство:
sich (D) das Hirn zergrübeln (или zermatern). [Бинович, НРФС];
- 3) фразеологическое сочетание:
Hirngespinste haben. [БНРС, т. I].

Напомним, что отличие типа фразеологического единства от типа фразеологического сочетания заключается в полном переосмыслении первого и только частичного второго. Так, в вышеприведенных примерах фразеологическое единство sich (D) das Hirn zergrübeln имеет переносное значение, в корне отличающееся от прямого номинативного; в то же самое время фразеологическое сочетание Hirngespinste haben имеет только один компонент с переносным значением, который к тому же акцентирован структурой сложного слова: Hirn + gespinste.

2. Das Herz является составным компонентом при образовании 58 ФЕ, среди которых представлены все типы фразеологизмов по немецкой классификации:

- 1) фразеологическое единство:
ihm rutschte das Herz in die Hosen (Hosentasche). [LGD-R, 1. Band];
- 2) фразеологическое выражение:

das Herz auf dem rechten Fleck haben. [LGD-R, 1. Band];

Приведенное фразеологическое выражение приведено в инфинитивной ориентированной форме, оно должно в составе предложения быть конкретизировано, напр.:

Celia hatte das Herz auf dem rechten Fleck [Andersch A. Die Rote]; но в любом случае оно остаётся выражением типа поговорки;

- 2) фразеологическое сочетание:

j-m ist leicht ums Herz. [LGD-R, 1. Band];

Фраезологическое образование:

Hand aufs Herz. [Цвиллинг, РНС]; и

3) моделированное образование:

kühnes (tapferes, mutiges, furchtloses) Herz – эр жүрөк; смелый, храбрый [Сүйүнбаева, Кыргызча-орусча-немисче сөздүк].

Еще раз отметим, что моделированные образования (kühnes Herz) отличается от фразеологических образований (Hand aufs Herz) меньшим переосмыслением значения и большей серийностью.

3. Die Seele лежит в основе образования 32 соматических фразеологизмов, среди которых представлены все пять типов немецких ФЕ:

1) фразеологическое единство:

j-m auf der Seele knien. [БНРС, т. II];

2) фразеологическое выражение:

nun hat die liebe Seele Ruh! [БНРС, т. II];

3) фразеологическое сочетание:

sich bis auf die Seele entkleiden. [БНРС, т. II];

4) фразеологическое образование:

er ist eine Seele von einem Menschen. [БНРС, т. II]; и

5) моделированное образование:

keine Seele war zu sehen. [БНРС, т. II].

4. Die Lunge является основой образования 6 ФЕ, среди которых имеются два типа фразеологизмов:

2) Фразеологическое выражение:

Schone deine Lunge! [LGD-R, 2. Band];

Фразеологическое выражение:

sich die Lunge aus dem Halse (Leibe) schreien [LGD-R, 2. Band];

Die Leber является составным компонентом в 6 ФЕ, которые представлены двумя типами фразеологизмов:

1) Фразеологическое единство:

Es muß von der Leber herunter. [БНРС, т. II].

3) Фразеологическое сочетание:

Er hat eine trockene (durstige) Leber [БНРС, т. II].

5. Der Magen наличествует в 16 ФЕ, среди которых можно различать четыре типа немецких фразеологизмов:

1) Фразеологическое единство:

Der Kerl liegt mir im Magen. [LGD-R, 2. Band];

Фразеологическое выражение:

Einem leeren Magen ist schwer predigen. [LGD-R, 2. Band];

Фразеологическое сочетание:

Es steht j-m vor dem Magen. [LGD-R, 2. Band];

5) Моделированное образование:

Etwas Warmes in den Magen bekommen. [LGD-R, 2. Band];

Количественные подсчеты показали, что 127 ФЕ с признаками внутренней мотивированности подразделяются в немецкой фразеосистеме таким образом:

- 1) Фразеологические единства – 28 ед. – 22%,
- 2) Фразеологические выражения – 25 ед. – 20%,
- 3) Фразеологические сочетания – 33 ед. – 26%,
- 4) Фразеологические образования – 8 ед. – 6%, и
- 5) Моделированные образования – 33 ед. – 26%.

Всего: 127 ед. – 100%.

Лингвистический анализ показал, что между типами фразеологизмов: фразеологическое единство, фразеологическое выражение, фразеологическое сочетание, фразеологическое образование -, независимо от способа мотивированности: внешней или внутренней -, и коннотативным компонентом и компонентом воспроизводимости фразеологической единицы наблюдаются коррелятивные отношения.

Коннотативный компонент фразеологизма мы поделили ранее на два вида: широкая коннотация, накладывающаяся на всё значение фразеологизма, и узкая коннотация, налагающаяся только на один из составных компонентов фразеологизма.

Как отмечает В.Н. Телия, при широкой коннотации имеет место начальная стадия вторичной номинации, «... которая располагает способами комбинировать объективное отображение реалии и отношение именующего к нему, которое «наслаждается» на объективное содержание» [87, с.19; 108, с.95]. Широкая коннотация обычно свойственна таким ФЕ, у которых полностью переосмыслено всё значение, типа:

seinen Kopf für j-n hinhalten. [LGD-R, 1. Band];

Узкая же коннотация свойственна одному из компонентов ФЕ, она накладывается только на часть значения, оставляя незатронутой остальную часть фразеологизма. Узкая коннотация придаёт компоненту фразеологизма «...стилистическую маркированность, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы» [88, с.239; 108, с.96]. Например, в нижеследующем фразеологизме узкая коннотация накладывается на подчёркнутые лексемы:

die Arme in die Seiten (Hüften) stemmen. [LGD-R, 1. Band], накладывая сознание «высокомерие».

Компонент воспроизведимости, проявляющийся в многовариантном (вариантном) и одновариантном (невариантном) употреблении ФЕ в речи, соотносится с фразеологическими типами в обратной последовательности, нежели чем коннотативный компонент. Невариантное воспроизведение фразеологизма предопределяется такой ситуацией речи, когда невозможно применение никакого другого, даже казались бы фразеологизмы, которые обычно представляют собой ФЕ с переосмыщленным значением, «...практически не имеют условий для взаимозаменяемой даже при учёте того, что варианты не обязательно представляют другую может приводить к некоторому изменению значения» [107, с.20].

Например, нижеследующий фразеологизм имеет полностью переосмыщенное значение:

j-m die Haare zu Berge treiben. [БНРС, т. I].

Возможности употребления данного фразеологизма строго ограничены – он употребляется только в такой речевой ситуации, когда должно быть реализовано понятие «привести кого-либо в ужас» и, следовательно, является вариантым.

Wir führten um die Vögelinsel herum, ich nahm Fahrt heraus, unser Boot glitt jetzt auf das gewaltige Steinriff zu, der uns die Haare zu Berge trieb [Lenz S. Schweigeminute]

Стилистически и грамматически маркированные ФЕ с переосмысленными или частично переосмысленными компонентами представляются многовариантными, вариативными, приложимыми к ряду подобных, но всё же семантически дифференцированных речевых ситуаций. В таких речевых ситуациях «...широко используются стилистически маркированные элементы, однако та стилистическая информация, которую несут эти элементы, и сама по себе достаточно гетерогенна, что находит отражение и в ее различных метаязыковых характеристиках... К этим качественным стилистическим характеристикам присоединяются и некоторые количественные группировки языковых явлений, базирующиеся на предпочтении в текстах определенных вариантовых и синонимичных лексем, словоформ, конструкций» [107, с.42].

Например, нижеследующий фразеологизм может быть употреблён в самых разнообразных речевых ситуациях:

bei der Hand – колдун алдында, жанында, жакын жерде (под рукой, рядом, близко) [Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, I т.].

A.: В одной речевой ситуации ФЕ *Bei der Hand* реализует коннотативное значение: «быть послушным, под рукой»:

Der Alte saß da und schaute zu ihm hinüber. „Er ist da, bei der Hand“. Dachte er [Dürrenmatt Fr. Der Richter und sein Henker].

B.: В другой речевой ситуации данное ФЕ указывает только на близость предмета:

Das Messer war bei der Hand. [Dürrenmatt Fr. Der Richter und sein Henker].

Лингвосемантический анализ немецких соматических фразеологизмов показал, что между его типами и его собственно семантическими проявлениями существуют определенные коррелятивные отношения, или другими словами, определенному типу ФЕ соответствует определенный коннотативный компонент (широкая или узкая коннотация) и определенный компонент воспроизведимости (вариативность – невариативность фразеологизма).

1. Так, немецкие фразеологические единства показывают широкую коннотацию и являются невариативными. И при этом признаки внешней или внутренней мотивированности фразеологизма некоим образом не влияют на широту (или узкость) коннотации и на невариативность (вариативность) воспроизведения. Например:

- a) so weit reicht sein Arm nicht. [LGD-R, 1. Band];
- b) sein Herz in die (beide) Hände nehmen. [LGD-R, 1. Band];

c) В примере а) мы имеем внешнюю мотивированность фразеологизма – Arm, в пример же б) мотивированность является внутренней – Herz. Оба фразеологизма из названных примеров а) и б) одинаково являются фразеологическими единствами, по немецкой классификации, поскольку обладают полностью переосмысленным значением, когда всё значение фразеологизма никак не соотносится с суммой значений составных компонентом. Оба фразеологизма а) и б) показывают широкую коннотацию, в первом примере а) широта коннотации связана со смысловым оттенком «ограниченные возможности», во втором же примере б) – со смысловым оттенком «решиться на какое-либо действие». И в то же самое время данные фразеологизмы являются невариативными, то есть они могут быть употреблены только в ситуации одного типа: фразеологизм а), когда речь идет об ограниченных возможностях обозначаемого лица, а фра-

зеологизм b), когда речь идет о решимости к началу действия. Такое употребление можно проследить в нижеследующих речевых ситуациях:

a-1) Der Graf gilt als ein gewalttätiger, und skrupelloser Mann, aber in der Sache mit dem Gärtner konnte sein Arm nicht so weit reichen [Krogh von, M. Mord mit Apfelessig]

b-1) Als es Ostern geworden war, reiste Reinhardt in die Heimat. Am Morgen nach seiner Ankunft nahm er sein Herz in die Hände und ging zu Elisabeth [Storm Th. Immensee]

2. Немецкие фразеологические выражения могут быть охарактеризованы как обладающие широкой коннотацией и невариативные, т.е. они ничем не отличаются от характеристик вышеназванных фразеологических единств. Например:

a) Ich habe die Nase voll davon – мен андан тойдум, жаддым, мен каалабайм. [Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, II т.].

b) Voller Magen lobt das Fasten. [Бинович, НРФС].

Пример а) представляет собой иллюстрацию ФЕ с внешней мотивированностью – die Nase, а пример б) – с внутренней – voller Magen.

3. Немецкие фразеологические сочетания, обладающие в своем составе перенесенным только значение одного компонента, показывают узкую коннотацию и также, как и два раннее обозначенных фразеологических типа, являются невариативными. Например:

a) sich (D) an die Brust schlagen. [БНРС, т. I];

b) sie sind ein Herz und eine Seele – [БНРС, т. II].

Узость коннотации в примере а) вытекает из того, что дополнительный экспрессивный понятийный нюанс наславивается только на глагол sich schlagen в виде смысла: «уверять кого-либо в чем-либо». В примере же б) узость коннотации определяется фактом наложения дополнительного семантического оттенка «живь дружно» на лексемы Herz + Seele, которые представляют собой только часть фразеологизма.

Такую узкую коннотацию и невариативность воспроизведения мы наблюдаем в нижеследующих примерах:

a-1) Beim ersten Aufsatz wurde ich Letzter, aber ich schlug mir an Brust: und ohne schriftliche Arbeit wurde ich ein ziemlich guter Schüler [Sartr J.-P. Die Wörter];

b-1) Mit Charlie hätte sie sich diesen Felix vielleicht wieder kriegen können. Es war schwierig zu glauben, aber sie und dieser Felix waren nur vor kurzem ein Herz und eine Seele [Plenzdorf N. die neuen Leiden des jungen W.]

4. Немецкие фразеологические образования, обладающие переносной семантикой только в одном компоненте, также как и фразеологические сочетания, отличаются от последних способностью к взаимозамене другого компонента. Они уже характеризуются узкой коннотацией и широкой вариантностью (вариативностью). Например:

- a) bald auf den Rucken fallen. [[LGD-R, 1. Band];
- b) j-d hat ein bekümmertes (beklommenes) Herz. [[LGD-R, 1. Band];

c) То, что, приведенные выше фразеологизмы являются фразеологическими образованиями, а не относятся к типу фразеологических сочетаний, подтверждается тем фактом, что непереосмысленный компонент может быть заменен синонимичным словом: a) fallen => sein, liegen; b) bekümmertes => beklommenes.

Узость коннотации в обоих приведенных фразеологизмах подтверждается наслоением на лексему fallen в примере a) добавочно нюанса «быть в изумлении», а на лексему bekümmertes в примере b) добавочного смыслового нюанса «быть в печали».

Вариативность означенных фразеологизмов обусловлена тем простым фактом, что они могут быть воспроизведены в любой речевой ситуации, в которой наличествует семантика удивления и семантика печали. Например:

a-1) Aus einem Topf holte er dann einen Schlammklumpen heraus und strich ihn Robert, Der bald auf den Rücken fiel [Sternmann D. Sechs Österreicher unter den ersten fünf];

b-1) Obwohl Helga ein bekümmertes Herz hatte, unternahm sie am Wochenende die Fahrt ins Dorf [Geiger A. Der alte König in seinem Exil].

5. Моделированные образования, также как и фразеологические образования, могут быть охарактеризованы как ФЕ с узкой коннотацией и вариативные. Например:

- a) Kopf an Kopf. [Бинович, НРФС];
- b) Mit ganzer Seele bei der Sache sein. [БНРС, т. II].

Все вышеизложенное о коррелятивном соотношении типов фразеологизмов с их лингвосемантическими проявлениями (коннотативным компонентом и компонентом воспроизводимости) можно оформить схематически см. Приложение, таблица 1.

2.2. Группа кыргызских соматических фразеологизмов

В кыргызской фразеологии значение фразеологизмов, также как и в немецкой, зависит от многих факторов, где основными являются факторы признаков ФЕ и факторы структурно-семантической классификации ФЕ.

Признаками фразеологизмов обычно признаются такие факторы как: семантическая целостность фразеологизмов (когда образуется новое фразеологическое значение ФЕ на основе переосмыслиния всех компонентов или же части компонентов фразеологизма), образность фразеологизмов (когда данные фразеологические значения – ФЗ – передают обозначаемые предметы или явления через наглядно-чувственное сравнение), воспроизведимость фразеологизмов (когда ФЕ используют уже готовый набор слов, составленных в определенные словосочетательные структуры) и устойчивость состава фразеологизмов (когда является недопустимым или же нежелательным замена какого-либо компонента ФЕ другими лексемами) [10, с.199-205; 33, с.104-107; 60, с.29-31].

Структурно-семантическая классификация кыргызских ФЕ различает четыре типа фразеологизмов: 1) фразеологическое сращение, 2) фразеологическое единство, 3) фразеологическое сочетание и 4) фразеологическое выражение, - в которых степень спаянности значений представляется некоторым образом различной. Так, если целостное значение фразеологического сращения, например: беш өрдөгүн учурруу (выпустить пять своих уток) никак не может быть объяснено, исходя из суммы значений составных компонентов, то значение фразеологического сочетания, например, көз жетпес (букв: глаз не достает), может быть истолковано, исходя из суммы значений составных компонентов [72, с.24-26; 60, с.31-32; 52, с.38-39].

В кыргызской фразеосистеме, таким образом, также, как и в немецкой, семантическая мотивировка значения является важным фактором конструирования содержательного плана ФЕ. Аналогичным образом, как и в немецкой части нашего исследования, мы различаем в мотивировке значения две составляющие: внешнюю мотивированность, когда в основу содержания фразеологизма кладутся признаки наружных частей человечекого тела (лоб – мандай, ухо – кулак, шея – моюн, спина – арка, подошва – таман и др.), и внутренняя мотивированность, когда в основу содержания фразеологизма кладутся признаки внутренних органов человеческого тела (легкие – өпкө, печень – боор, сердце – журөк и др.)

В этой связи приведем одно мнение: «Говоря о значении названий частей тела в развитии и обогащении лексики тюркских языков, нельзя не отметить и бесконечное множество идиом и фразеологических сочетаний, образованных при помощи слов данной тематической группы» [91, с.216].

2.2.1. Кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внешней мотивированности

В кыргызской фразеосистеме были выделены соматические фразеологизмы, имеющие в своей семантической основе признаки внешней мотивированности, а именно, наружные части человеческого тела:

1. Чач – das Haar
2. Баш – der Kopf, das Haupt
3. Бет- das Gesicht
4. Мандай – der Stirn
5. Көз – das Auge
6. Каш -die Augenbrauen
7. Кулак- das Ohr
8. Ооз -der Mund
9. Тиш- der Zahn
10. Тил- die Zunge
11. Мурун-die Nase
12. Сакал - der Bart
13. Моюн- der Hals
14. Ийин -die Schulter
15. Кол- der Arm, die Hand
16. арка, бел - der Rücken
17. көкүрөк, төш - die Brust
18. курсак - die Bauch
19. бут, шыйрак- das Bein
20. таман, согончок- die Sohle

1. Чач лежит в основе образования 24 ФЕ, среди которых представлены только три типа кыргызских фразеологизмов из четырех:

- 1) фразеологическое сращение:

чач этектен болуу. [Юдахин, КРС, кн. II].

В приведенном фразеологизме сумма значений составных компонентов никак не указывают на целостное значение ФЕ, которое может быть воспроизведено в любой под-

ходящей речевой ситуации, где речь идет о достатке, богатстве, благополучии, но никак не о буквальных «длинных волосах донизу».

В данном фразеологизме - «чач этектен бол»- происходит такое лингвистическое явление, которое было обозначено как семантизация синтагматики.

«Лексическая сторона организация высказывания не сводится к грамматическому комбинированию выбранных лексем. Речь представляет собой ряд последовательных выборов, в которой всякий избираемый лексический элемент определяется не только его парагматическими отношениями, но его связями с окружающими словами. Нередко синтагматические отношения определяют выбор внутри данного парадигматического класса» [21, с.373; 56, с.53]. При семантизации синтаксиса все лексемы фразеологизма приобретают новую мотивированность, внутреннюю форму, которая с течением известного времени теряется и забывается. ФЕ в качестве фразеологического сращения становится в кыргызской фразеосистеме как бы немотивированной и даже лишенной внутренней формы;

2) фразеологическое единство:

чачын кырктырган шерменде. [Юдахин, КРС, кн. II]

Отличие кыргызского фразеологического единства от кыргызского же фразеологического сращения состоит в том, что фразеологическое единство оставляет в своей структуре один компонент с неперенесенным значением, хотя и в несколько экспрессивно выраженной форме; в приведенном выше примере – это лексема «шерменде» с отрицательной экспрессией, но всё же в прямом, номинативном значении;

3) фразеологическое сочетание:

чачтан көп. [Юдахин, КРС, кн. II].

В кыргызском фразеологическом сочетании наблюдается еще мёньшая степень переносной семантизации, нежели чем во фразеологическом единстве. Фразеологич-

ность значения обуславливается какими-либо стилистическими или стилистико-грамматическими моментами. Здесь не наблюдается прямого переноса значения даже одного составного компонента. К примеру, во фразеологизме «чачтан көп» понятие несметного количества обусловлено стилистическим сравнением с волосами, а именно, количеством волос: букв.: больше, чем волос (на голове).

Тип кыргызских фразеологических выражений, куда в кыргызской фразеологии, также, как и в немецкой, причисляются крылатые выражения, афоризмы, меткие слова, поговорки и пословицы, в группе ФЕ с соматическим компонентом «волосы» нам обнаружить не удалось.

2. Баш лежит в основе образования большого количества фразеологизмов – 221 ед., среди которых представлены все фразеологические типы кыргызских фразеологизмов:

- 1) фразеологическое сращение:
башы байланган. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 2) фразеологическое единство:
бири-бирине баш бербей. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 3) фразеологическое сочетание:
кара башына. [Юдахин, КРС, кн. I];
башы-көзү. [Юдахин, КРС, кн. I].

Как показывает наше исследование, кыргызская группа, а точнее подгруппа, фразеологических сочетаний не представляет собой однородного явления именно с точки зрения семантики. Здесь различается большая и меньшая семантизация преобразованного значения. Например, фразеологическое сочетание «кара башына» представляется больше семантизированной в аспекте преобразования значения – лексема «кара» (черный) передает семантику одиночности, в то время как лексема «башына» остается в своем прямом, но-минативном значении.

- 4) фразеологическое выражение:
Кара башыңды жегир! [Юдахин, КРС, кн. I].

Степень переносной семантизации в кыргызском фразеологическом выражении высока, например, приведенный

выше фразеологизм буквально означает: съел бы ты свою собственную голову!

3. Бет является основой для образования 114 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологические сращения:

бет алган ишинен кайтпаган. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

кара бет болдум. [Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологическое сочетание:

бети ачылды. [Юдахин, КРС, кн. I];

жердин бети. [Юдахин, КРС, кн. I];

Степень переносной семантизации фразеологического сочетания «бети ачылды» представляется выше, чем во фразеологическом сочетании «жердин бети»; последняя ФЕ имеет стилистико-грамматическую обусловленность своего фразеологического значения, в то время как первая имеет перенос значения составного соматического компонента «бети»:

4) Фразеологическое выражение:

Бетим жаман болсо да, ниетим жакшы. [Кыргыз элинин макал-лакаптары, 2009].

4. Маңдай является соматической основой для образования 41 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

маңдай теримди бергин. [Юдахин, КРС, кн. II];

2) фразеологическое единство:

маңдайы жарылган кубаныч. [Юдахин, КРС, кн. II];

3) фразеологическое сочетание:

маңдайы жарык. [Юдахин, КРС, кн. II]; и

4) фразеологическое выражение:

Баатыр болчу жигит маңдайынан билинет. [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. II].

5. Көз в качестве признака внешней мотивированности образует самую большую группу соматических фразеологизмов в нашем кыргызскоязычном материале, а также и в немецкоязычном, - 281 ед. В данной группе соматических фразеологизмов представлены все четыре типа кыргызских ФЕ и, разумеется, фразеологические сочетания, как и в прочих других группах и подгруппах, представляют собой семантически несколько неоднородную группу.

1) фразеологическое сращение:

көзү кызырып кетти (көзү кызыл болду). [Юдахин, КРС, кн. I];

көзү тийди. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

көзү тартып жатат. [Юдахин, КРС, кн. I];

көз көрсөтүш керек. [136:415];

3) фразеологическое сочетание:

көзү ачык. [Юдахин, КРС, кн. I];

көздөн кайып болуу. [Юдахин, КРС, кн. I];

ач көз. [Юдахин, КРС, кн. I];

көзүн албай карайт. [Юдахин, КРС, кн. I].

Все вышеперечисленные ФЕ отнесены нами к типу кыргызских фразеологических сочетаний, в силу того, что они представляют собой «...тип фраз, образованных реализацией несвободных значений слов: отвезти глаза (от кого-нибудь). Фразеологические единицы данного типа характеризуются тем, что логических сочетаний один из компонентов имеет самостоятельное, а другое - связанное значение, поскольку слово в переносном значении может быть употреблено только в составе данного фразеологизма» [60, с.11].

Да и к тому же все вышеприведенные ФЕ никак не подходят ни под параметры кыргызских фразеологических сращений, ни кыргызских фразеологических единств, а тем более они не являются фразеологическими выражениями.

Неоднородность семантического проявления приведенных выше фразеологических сочетаний проявляется в том, что первые два примера «көзү ачык» и «көздөн кайып бол»

показывают большую степень переносной семантизации, чем вторые два «ач көз и «көзүн албай карайт».

Высокая степень переносной семантизации фразеологического сочетания «көзу ачык (ясновидящий)» - букв.: «ачык» с признака «открытый» на признак «пророческий дар». Высокая степень переносной семантизации фразеологического сочетания «көздөн кайып болуу» (в миг скрыться из глаз) – букв.: «исчезнуть с глаз долой как невидимый призрак» обусловлена наличием лексемы «кайып» (невидимый призрак, добрый дух).

И в то же время два других фразеологических сочетания «ач көз (жадный, завистливый)» и «көзүн албай карайт (смотрит, не отрывая глаз)» показывает малую степень переносной семантизации, тяготея даже к свободным сочетаниям слов, но только их стилистико-грамматическая устойчивость позволяет отнести их к типу фразеологических сочетаний кыргызской фразеосистемы;

4) фразеологическое выражение:

Кулак укканды көз көрөт. [Таджиева, Курманбекова, Семена, посейянные мудростью];

Көзу жоктун өзү жок. [Кыргыз элинин макал-лакаптары, 2009].

6. Каш являются основой 14 ФЕ, среди которых существует только два кыргызских типа фразеологизмов:

1) фразеологическое единство:

Кабагым – кашым дебейт. [Юдахин, КРС, кн. I];

Каш-кабактын ортосунда. [Юдахин, КРС, кн. I].

7. Кулак явилось соматической основой для образования 58 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) Фразеологическое сращение:

Кулагы узун. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) Фразеологическое единство:

Акма кулак. [Юдахин, КРС, кн. I].

Напомним еще раз семантическую разницу между типами кыргызского фразеологического сращения и кыргызского фразеологического единства. Фразеологические сращения представляют собой целостные фразеологические единицы, значение которых на первый взгляд никак не мотивировано даже не связанными с последними [72, с.30-31]. Таковой ФЕ, в котором целостное значение никак не мотивировано суммой значений составных компонентов, является наш первый пример «кулагы узун (человек, осведомленный обо всём происходящем)» - букв.: «длинноухий», т.е. данная единица является в кыргызской фразеосистеме фразеологическим сращением.

Кыргызское фразеологическое единство подобно по своей семантике фразеологическому сращению, за исключением того, что целостное значение фразеологизма все же мотивировано если не суммой значений составных компонентов, то все же может быть понято из внутренней формы фразеологизма. Таким фразеологическим единством является наш второй пример «акма кулак (забывчивый, беспамятный)» - букв.: «дырявое ухо, сквозь которое все протекает» (ср. русск.: в одно ухо влетает, в другое вылетает) [72, с.31-32];

3) фразеологическое сочетание:

Кулак салуу – кепке көңүлдөнүп угуу, кунт коюп угуу, тыңшоо. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

Кулакдар болуу – бир нерседен кабардар болуу байкай жүрүү, биле жүрүү. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

4) фразеологическое выражение:

Оң кулагым он уксун. [Юдахин, КРС, кн. I].

8. Ооз в кыргызской фразеосистеме представлен в качестве соматического компонента в 171 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Эл оозуна кириүү. [Юдахин, КРС, кн. II];

2) фразеологическое единство: ооз көптүрүп сүйлө (или ооз толтуруп сүйлө). [Юдахин, КРС, кн. II];

3) фразеологическое сочетание:

Ооздон оозгө өтүү. [Юдахин, КРСУ, кн. II];

Ооз жыйуу (или ооз тыйуу). [Юдахин, КРС, кн. II];

4) фразеологическое выражение:

Ооз деген дарбаза, чыга берет андаса. [Кыргыз элинин макал-лакаптары, 2009].

9. Тиш легли в основу образования в кыргызской фразеосистеме 18 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Тишинин кирин соруу – кезерип ачка жүрүү, оозуна эчтеме албоо, наар албоо. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

2) фразеологическое единство:

Тиши буудай, чачы куудай – абдан карыган, карылыкка жеткен, өтө кары. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Тиши чыгуу – өз алдынча бир нерселерди иштөөгөө же кандайдыр бийликтен, мансаптан пайдаланууга жөндөмдүү болуп калу). [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

Тишин-тишке коюу-ач калуу, тамак-ашка жетпөө. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

4) Тиши чыккан балага чыйнап берген аш болбайт. [Кыргыз элинин макал-лакаптары, 2009].

10. Тил в кыргызской фразеосистеме явился основой для образования 58 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Айтып жүрүп тилим тешилди. [Юдахин, КРС, кн. II];

2) фразеологическое единство:

Тили кыска – бир нерсени айттууга, сүйлөгөнгө мүмкүнчүлүгү, укугу жок; акылдуу эмес. [Абакирова, Русско-киргизский и кыргызско-русский словарь фразеологизмов со значением «психическое состояние лица】;

3) фразеологическое сочетание:

Тилинен заар төгүлгөн. [Юдахин, КРС, кн. II];

Тилге конуу. [Юдахин, КРС, кн. III].

Здесь приведены два фразеологических сочетания, в которых степень переносной семантизации в первом примере «тилинен заар төгүлгөн» представляется более высокой, чем во втором «тилге көн» - второй пример более тяготеет к номинативному сложному слову, но все же в силу наличия стилистико-грамматической устойчивости остается в разряде фразеологизмов;

4) фразеологическое выражение:

Баш кесмек бар, тил кесмек жок. [Кыргыз элинин макаллакаптары, 2009].

11. Мурду (мурун) лежит в основе образования 32 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Мурду бүткөн (или мурду бүтөлгөн). [Юдахин, КРС, кн. II];

2) фразеологическое единство – мурдуна бок (или кык, или көө) сүртсө билбейт. [Юдахин, КРС, кн. III];

3) фразеологическое сочетание:

Эки мурду дардактап (эким урду дердектеп). [Юдахин, КРС, кн. II];

Ачуусу мурдуун учунда. [Юдахин, КРС, кн. II];

4) фразеологическое выражение:

Ит мурдуна суу киргендө сүзөт. [Юдахин, КРС, кн. II].

Отметим, что в кыргызской фразеосистеме, также, как и в немецкой, к типу фразеологических выражений отнесены крылатые слова, афоризмы, пословицы, поговорки и устойчивые междометные восклицания. Основной их грамматический признак заключается не только в их синтаксическо-стилистической устойчивости и, соответственно, воспроизведимости, а в их предикативности – они всегда представляют законченные предложения, в которых существует

субъективно-предикатная структура, как, к примеру, в вышеприведенном предположении: ит (субъект) – сүзөт (предикат) [132, с.6-7].

12. Сакал представлена в 22 ФЕ, среди которых представлены только три типа кыргызских фразеологизмов – мы не обнаружили в собранных нами примерах типа фразеологических сращений:

2) фразеологическое единство:

Сакалы өрттөнүү – уятка калуу, уят болуу, абийрүү кетүү (улгайып калган кишилерге карата). [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Көк сакал. [Юдахин, КРС, кн. II];

Жулма сакал. [Юдахин, КРС, кн. II]; и

4) фразеологическое высказывание:

Сакалың жулунгур! (или сакалың кыркылгыр!). [Юдахин, КРС, кн. II].

В приведенном фразеологическом высказывании реализуется устойчивая междометная синтаксическая структура, также с субъективно-предикатной основой, но безличного предложения.

13. Моюн является основой для образования 22 ФЕ, среди которых наличествуют три типа кыргызских междометий, отсутствует тип фразеологического сращения:

1) фразеологическое единство:

Мойнунаң байлаган иттей – көңүлү келбей, айласыздан, арандан-зорго, кыйыктанып жатып деген мааниде колдонулат. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

2) фразеологическое сочетание:

кызыл моюн балдар. [Юдахин, КРС, кн. II];

кара моюн уландар. [Юдахин, КРС, кн. II]; и

3) фразеологическое выражение:

Бирөөнүн ашына мойнуңду созбо. [Юдахин, КРС, кн. II].

14. Ийин являются в качестве внешнего соматического признака основой образования 9 ФЕ, среди которых мы насчитали всего два типа фразеологических единиц:

1) фразеологическое сращение:

Ийиниңди тоздурба. [Юдахин, КРС, кн. I]; и

3) фразеологическое сочетание:

Ийиндеш туруу. [Юдахин, КРС, кн. I];

Ийин жыгач. [Юдахин, КРС, кн. II].

15. Кол лежит в основе образования 82 ФЕ, среди которых представлены все типы кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Кол арага жароо – тестиер тартып, майда-чуйда иштерди аткарууга, көп кабыш калууга жарап калуу. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

2) фразеологическое единство:

Кол байлоо-жолтоолук, тосколдук кылуучу, убактысын алып быйдалтуучу, будоо болуучу. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Колум кыска – эч нерсеге жарабоо, жардамы тийбөө, колунан эч нерсе келбөө. [Абакирова, Русско-киргизский и кыргызско-русский словарь фразеологизмов со значением «психическое состояние лица»];

Кол алдында – бирөөнүн карамагында, бийлигинде, бирөөгө көз каранды. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

Как и во всех прочих подгруппных кыргызских соматических фразеологизмах с внешними мотивирующими признаками, фразеологические сочетания с соматическим компонентом «рука-кол» не образуют однородной группы. Здесь различаются соматические фразеологизмы с большей степенью переносной семантизации, как, например, «колум кыска (руки коротки)» и с меньшей степенью переносной семантизации, как, например, «кол алдында (под чым-либо

руководством). Но поскольку они никак не могут быть отнесены к другим фразеологическим типам, то они должны быть отнесены к типу фразеологических сочетаний;

4) Фразеологическое выражение:

Кол кайрыбай багынган жоокерлерге тийбегин – (погов.) если враги не будут сопротивляться и покорятся, жизнь им сохрани [Таджиева, Курманбекова, Семена, посевянные мудростью].

16. Арка (бел) образует в кыргызской фразеосистеме 74 ФЕ, среди которых можно различить все типы кыргызских фразеологизмов. Оба кыргызских обозначения спины: арка – 31 ед. и бел – 43 ед. в сущности являются синонимами, но с небольшим уточнением: «арка» обозначает спину вообще, начиная от поясницы и кончая плечами, в то время как «бел» обозначает нижнюю часть спины и поясницу [1135, с.816]:

1) фразеологическое сращение:

Атай арка, тоодой медер кылдым сени. [Юдахин, КРС, кн. I];

Бел байла. [Юдахин, КРС, кн. I].

2) фразеологическое единство:

Сенин аркаң тийди. [Юдахин, КРС, кн. I];

Белиң сынып калды. [Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологическое сочетание:

Арка бериш бол. [Юдахин, КРС, кн. I];

Арка салуу. [Юдахин, КРС, кн. I];

Бел оорутуп иштөө. [Юдахин, КРС, кн. I];

Бел чечүү. [Юдахин, КРС, кн. I];

4) фразеологическое выражение:

Арка мойнунд астында калсын! [Юдахин, КРС, кн. I];

Баштпогун белинди, кетирбегин делинди. [Юдахин, КРС, кн. I];

17. Көкүрөк (төш) является основой образования 41 ФЕ, из них көкүрөк образует 18 ед., а төш – 23 ед. Различие в значении синонимичных кыргызских «көкүрөк» и «төш» заключается в сфере именования: «көкүрөк» обозначает обе

стороны груди как парного и в то же время обобщенного целого, в то время как «төш» обозначает грудную клетку человека как цельного явления [1135, с.144]. Этот внешний соматический признак представлен в кыргызской фразеосистеме всеми четырьмя типами фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Көкүрөгү өргө айдап. [Юдахин, КРС, кн. I];

Төш талаша жарышкан бойдон кетишти. [Юдахин, КРС кн. III];

2) фразеологическое единство:

Көкүрөккө түйүп алуу. [Юдахин, КРС, кн. I];

Төшүн койгулап. [Юдахин, КРС, кн. III];

3) фразеологическое сочетание:

Көкүрөгүндө акылы бар. [Юдахин, КРС, кн. I];

Экөенүн эки көкүрөгүнө көтөрүп. [Юдахин, КРС, кн. II];

Төш түбүндө. [Юдахин, КРС, кн. II];

Төш керүү. [Юдахин, КРС, кн. II];

4) фразеологическое выражение:

Көкүрөгүндү бас!. [Юдахин, КРС, кн. I];

Эрдик кылып, кой сойду, иттик кылып төш тартты. [Юдахин, КРС, кн. I].

18. Курсак лежит в основе образования 15 ФЕ, среди которых представлены три типа кыргызских фразеологизмов, за исключением фразеологических выражений:

1) фразеологическое сращение:

курсак кампайтуу – тамактан тое ичүү, абдан тою. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

2) фразеологическое единство:

кара курсак. [Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологическое сочетание:

атасынан курсакта калган. [Юдахин, КРС, кн. I];

курсакта калган кек. [Юдахин, КРС, кн. I].

19. Бут представлена в номенклатуре внешних соматических признаков в кыргызской фразеосистеме 30 ед. и двумя данными лексемами: «бут» (18 ед.) и «шыйрак» (12

ед.); при этом область внеязыкового приложения распределяется между двумя лексемами как составной части фразеологизмов таким образом: «бут» обозначает ноги преимущественно человека, а «шыйрак» относится как к человеку, так и к животным, но фразеологизмы с его участием проявляют негативную экспрессию [135, с.439; 136, с.418]. Фразеологизмы с «бут» и «шыйрак» наличествуют во всех четырех типах кыргызских ФЕ:

1) фразеологическое сращение:

бутка чапкандай. [Юдахин, КРС, кн. I];

куу шыйрак катын. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

буту-колу жерге тийбейт (или буту бутуна тийбейт).

[Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологическое сочетание:

бутунун башы менен жүгүрүп. [Юдахин, КРС, кн. I];

бутун кучакта. [Юдахин, КРС, кн. I];

айры шыйрак мылтык. [Юдахин, КРС, кн. I];

малынын шыйрагын карматпас. [Юдахин, КРС, кн. II];

4) фразеологическое выражение:

Бутунан мұдұрұлғөн (жанылған) турат, тилинен мұдұрұлғөн (жанылған) турбайт. [Кыргыз элинин макал-лакаптары, 2009];

Өлбөгөн төрт шыйрагым калды. [Юдахин, КРС, кн. II].

20. Таман представлена в кыргызской фразеосистеме двумя лексемами «таман» (обозначает собственно подошву) и «согончок» (пятка; задняя часть подошвы) [137, с.150; 131, с.431], всего 24 ед.: «таман» - 21 и «согончок» - 3. Если «таман» образует все четыре типа кыргызских фразеологизмов, то «согончок» образует лишь один тип фразеологических выражений:

1) фразеологическое сращение:

таманы кызыды. [Юдахин, КРС, кн. II];

2) фразеологическое единство:

кара таман. [Юдахин, КРС, кн. II];

3) фразеологическое сочетание:

жел таман. [Юдахин, КРС, кн. II];

таманынан чаң чыгат. [Юдахин, КРС, кн. II]; и

4) фразеологическое выражение:

кулүктүн таманы бара-бара кызыйт. [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. II];

узунун өспөй, туураң өс, согончогун куурал өс!. [Юдахин, КРС, кн. II].

Количественные подсчеты показывают, что в группе кыргызских соматических фразеологизмов насчитываются 1351 ед. фразеологизмов, которые распределяются в соответствии с принятой типологией кыргызских ФЕ нижеследующим образом:

- 1) фразеологические сращения – 270 ед. – 20%,
- 2) фразеологические единства – 297 ед. – 22%,
- 3) фразеологические сочетания – 568 ед. – 42%,
- 4) фразеологические выражения – 216 ед. – 16%.

Всего: 1351 ед. – 100%

2.2.2. Кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности

В кыргызской фразеосистеме были выделены соматические фразеологизмы, имеющие в основе своего значения в качестве признаков внутренней мотивированности нижеследующие внутренние органы человека:

1. Мээ - das Hirn
2. Жүрөк - das Herz
3. Жан - die Seele
4. Өпкө – die Lungen
5. Боор - die Leber
6. Ич - der Magen
7. Бөйрөк-die Niere
8. Ичек - der Darm

1. Мээ легли в кыргызском языке в основу образования 14 ФЕ, среди которых представлены все четыре типа фразеологизмов:

- 1) фразеологическое сращение:
мээм ачып кетти. [Юдахин, КРС, кн. II];
- 2) фразеологическое единство:
мээгэ салып көрүү. [Юдахин, КРС, кн. II];
- 3) фразеологическое сочетание:
мени мээ кылба. [Юдахин, КРС, кн. II];
көк мээ. [Юдахин, КРС, кн. II].
- 4) фразеологические выражения:

В кыргызской фразеосистеме второй соматический фразеологизм из приведенных нами выше «көк мээ» представляет более мотивированным в семантико-структурном отношении, поскольку здесь задействована структура «определение+определяемое» и при этом, следовательно, внутренняя форма, соединяющая «көк» и лексемой «мээ», представляется прозрачной.

В то же самое время внутренняя форма, соединяющая «мээ» с глаголом «кылба» (не делать), представляется затемненной, мотивированность фразеологизма никак не проявляется, здесь мы имеем высокую степень переносной семантизации.

Таким образом, оба фразеологизма «мени мээ кылба» и «көк мээ», отнесенные к типу фразеологических сочетаний (а больше ни к какому кыргызскому фразеологическому типу они отнесены быть не могут), не являются в семантическом отношении однородными: «мени мээ кылба» показывает большую степень переносной семантизации, а «көк мээ» - мёньшую.

- 5) фразеологическое выражение:
аш ээси менен, баш-мээси менен. [Юдахин, КРС, кн. II];
2. Жүрөк является основой для образования 57 ФЕ, среди которых представлены все 4 типа кыргызских фразеологизмов:
- 1) фразеологическое сращение:
жүрөгү майсыз. [Юдахин, КРС, кн. I];
  - 2) фразеологическое единство:

жүрөгү эки (или жүрөгү экөө, или кош жүрөк). [Юдахин, КРС, кн. I];

Разница между фразеологическим сращением и фразеологическим единством в кыргызской фразеосистеме кроется в объеме переосмысления: если в первом случае перенос значения касается всего лексико-семантического состава фразеолизма, то во втором случае какая-либо часть лексико-грамматического состава может показывать прозрачную внутреннюю форму. Как, например, фразеологическое сращение «жүрөгү майсыз» имеет переосмыщенное значение «трус», хотя прямое номинативное его значение передается как «сердце его без жира».

И в то же самое время фразеологическое единство «жүрөгү эки» сохраняет семантическую мотивированность в лексеме «эки» (два), оставляя прямое номинативное значение соматизма «жүрөгү» (его сердце).

Таким образом, фразеологическое сращение «жүрөгү майсыз» в семантическом отношении показывает переосмысление всего лексико-грамматического состава, а фразеологическое единство «жүрөгү эки» сохраняет некоторую ясную мотивированность части своего лексико-грамматического состава;

3) фразеологическое сочетание:

катып турган жүрөгүм. [Юдахин, КРС, кн. I];

кара жүрөк. [Юдахин, КРС, кн. I]; и

баатырдын көркү жүрөктө. [Юдахин, КРС, кн. I].

3. Жан представляется в качестве составного компонента соматических фразеолизмов неким духовным явлением в противовес к «жүрөк (сердце)», которое воспринимается как материальный объект [135;180-181].

Жан явилась основой для образования в кыргызской фразеосистеме 57 ФЕ, среди которых представлены все типы фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

жанды колго алып (или жанды оозго тиштеп, или жанды кылга байлап). [Юдахин, КРС, кн. I];

- 2) фразеологическое единство:
Жаным төрт чарчы болду. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 3) фразеологическое сочетание:
Жаныңды койбойт. [Юдахин, КРС, кн. I];
Жаны көзүнө көрүндү. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 4) фразеологическое выражение:
Жаныңды жегир! [Юдахин, КРС, кн. I].

К типу фразеологических выражений в кыргызской фразеосистеме отнесены, наряду с крылатыми словами, афоризмами, меткими выражениями, характерными сравнениями, пословицами и поговорками, также и междометные восклицания с субъективно-предикатной структурой, как, например, вышеприведенное фразеологическое выражение: жаныңды жегир! (букв. да чтоб ты съел свою душу!) [52, с.198].

4. Өпкө явилось в кыргызском языке основой для образования 28 ФЕ, среди которых представлено только три типа кыргызских фразеологизмов:

- 1) Фразеологическое сращение:
Өпкөсүн колуна алуу (кармоо) – обу жок мактанып, жээлиге берүү; көкүрөгүн өргө айдоо. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];
- 2) фразеологическое единство:
өпкөсү жок. [Юдахин, КРС, кн. II];
- 3) фразеологическое сочетание:
жел өпкө. [Юдахин, КРС, кн. II];
жоон өпкө. [Юдахин, КРС, кн. II].

Нам не повстречались фразеологические выражения с соматическим компонентом «өпкө» (легкие). Конечно же, в кыргызском языке имеется такие фразеологические выражения, но в них содержится не соматический компонент, а зоонимический – «өпкө» относится к обозначению легких животных, например, барана, но никак не человека, например:

өңү бышкан өпкөдөй – цвет лица его (от недуга, от злости) серый [Юдахин, КРС, кн. II], или:

эртеңки боордон бүгүнкү өпкө буюрсун [123, с.246].

5. Боор в кыргызской фразеосистеме стало основой образования 62 соматических ФЕ, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Боору менен жылган кедей. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

Боорун сыртына салуу - өлөр-тирилерине карабай албай сабоо, абдан кыйноо, катуу тепкилө [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Боор тартуу – жакынсынуу, өзүнө жакын саноо, жакындоо. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

Боору бүтүн. [Юдахин, КРС, кн. I]; и

4) фразеологическое выражение:

Туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт. [Юдахин, КРС кн. I].

6. Ич лёг в основу образования 38 ФЕ в кыргызской фразеосистеме; среди них представлены все 4 типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Ичин кенен таштады. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

Ичи жарылып кете жаздоо – бир нерсени толук түшүнүп, ачык сезип турса да, аны ачык айталбай бушайман болуу. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Ичи бузук. [Юдахин, КРС, кн. I];

Ичи тар. [Юдахин, КРС, кн. I];

Как и во всех прочих подгруппных кыргызских соматических фразеологизмах с признаками внутренней и внешней мотивированности, фразеологические сочетания здесь, в подгруппе соматическим компонентом «ич», не представляет единой гомогенной семантической системы. Так, к

примеру, первый из двух вышеприведенных фразеологических сочетаний «ичи бузук» (развратный, нечестный) показывает большую степень переносной семантизации, нежели чем второе фразеологическое сочетание «ичи тар» (завистливый, скупой; ревнивый). И в самом деле внутренняя форма, соединяющая старое непереносное значение – букв.: испорченный живот -, с новым «развратный» представляется стертой, а семантическая мотивированность не ясной. И в то же самое время внутренняя форма словосочетания «ичи тар» (букв.: тесный, узкий живот) представляется прозрачной, а мотивированность более или менее ясной;

4) фразеологическое выражение:

Жаман-жакшы ичте болсун. [Юдахин, КРС, кн. I].

7. Бөйрөк явилась основой для образования 12 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Менден алган акчадан анын бөйрөгү чыкпады. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

Бөйрөгү чыгып тоюп алыптыр. [Юдахин, КРС, кн. I];

3) фразеологическое сочетание:

Бөйрөктөн сезгенүү. [Юдахин, КРС, кн. I];

4) фразеологическое выражение:

Бөйрөктөн шыйрак чыгарат. [Юдахин, КРС, кн. I].

8. Ичек явились в кыргызской фразеосистеме основой для образования 9 ФЕ с соматическим компонентом, среди которых представлены все четыре типа кыргызских фразеологизмов:

1) фразеологическое сращение:

Биттин ичегисине кан куят. [Юдахин, КРС, кн. I];

2) фразеологическое единство:

Ичек-боору эзилүү – ичи-ысуу, абдан жакшы көрүү.

[Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3) фразеологическое сочетание:

Ичегисине кан жүгүрүү – өтө ачка болуу. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

Ичек-боөрү каткыча күлдү. [Юдахин, КРС, кн. I];

4) фразеологическое выражение:

Же болбосо, бычактап, иче-кардын эшейин. [Юдахин, КРС, кн. I].

Количественные подсчеты показали, что 276 соматических фразеологизмов из кыргызского языка с признаками внутренней мотивированности могут быть распределены по типам фразеологизмов таким образом:

- 1) фразеологические сращения – 53 ед. – 19%,
- 2) фразеологические единства – 69 ед. – 25%,
- 3) фразеологические сочетания – 124 ед. – 45%,
- 4) фразеологические выражения – 30 ед. – 11%.

Перейдем теперь к рассмотрению коннотативного характера кыргызских соматических фразеологизмов. Напомним общелингвистическое понимание коннотации, которое мы полностью разделяем: «Коннотация (ср. – лат. *connotatio*, от *connoto* – имею дополнительное значение) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с.236].

Узуальная коннотация является коннотацией широкого плана, присущей всей единице языка, выраженной цельно-оформленной лексемой или раздельнооформленными словосочетанием и предложением. В нашем случае с кыргызскими фразеологическими единицами узуальная широкая коннотация присуща всему лексико-грамматическому составу ФЕ – она как бы накладывается на внутреннюю форму фразеологизма и вместе с внутренней формой связывает старое, непереносное (или прямое, номинативное) значение словосочетания с новым, переносным значением, которое мотивирует семантику фразеологизма. Коннотативный компонент придаёт содержанию всего соматического фра-

зеологизма как бы «...оценочный элемент, оценочные стереотипы...при сравнительной оценке в модальную структуру включаются дополнительные элементы – то, с чем сравнивается, признак, по которому даётся сравнение» [87, с.23; 26, с.303].

Например, возьмем два кыргызских соматических фразеологизма, один с признаком внешней мотивированности, а другой с внутренней мотивированностью:

Чачы агаруу – катуу убайымдоо, сары сана болуу, бир нерсеге аябай санааркай берүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

Жүрөгү жарадалуу – кайгылуу, каналуу, санаалуу, абдан оор кайгысы бар. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Первый из приведенных выше примеров содержит кыргызский соматический фразеологизм с признаком внешней мотивированности «чачы агаруу», а второй – с признаком внутренней мотивированности «жүрөгү жарадалуу». Оба данных кыргызских фразеологизмов содержат узуальную, широкую коннотацию, независимо от типа мотивированности значения. ФЕ «чачы агаруу» отсылает слушащего к коннотации широкого плана, обозначающего: «нечто такое, которое указывает на не молодой возраст и связанные с таким возрастом переживания» (ср. русской: убелённый сединой). ФЕ «жүрөгү жарадалуу» указывает на коннотацию также широкого плана, обозначающего: нечто такое, что печалит человека и его сердце. Обе данные коннотации являются широкими коннотациями, так как они проявляют узуальный характер и общеприняты в данном языковом коллективе.

Однако коннотативный компонент в семантической структуре кыргызского соматического фразеологизма (также как и в таковой немецкого) может иметь узко выраженный характер, то есть иметь окказиональное (эксклюзивное, немногоразовое) проявление. И в случае возникновения узкой коннотации окказионального характера не имеет никакого значения явление мотивировки значения,

т.е. имеет ли место признак внешней мотивированности или же внутренней.

Например, приведем два примера кыргызских соматических фразеологизмов: с признаками внешней мотивированности и внутренней:

Кыздын башын байлагыла (куда болуп). [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. I];

Жүрөгү атып кетүү – күтпөгөн жерден, капасынан боло калган кубанычтуу же коркунучтуу нерсеге карата катуу таасирленүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Так, в первом примере «кыздын башын байлагыла» коннотация представляется узкой и проявляется только тогда, когда идет как бы пояснение «куда болуп». Дословно, т.е. буквально, значение данного фразеологизма прямым номинативным значением лексем: кыздын башын байлагыла – завяжите девушки голову. Но когда поясняется «куда болуп» - заслав святов, то значение ФЕ становится ясным. Коннотативный компонент указывает на: нечто такое, которое связано со сватовством и предстоящей женитьбой какого-либо юноши на данной конкретной избранной девушке. В основу значения и коннотативного компонента лежит признак внешней мотивированности – «(кыздын) башы».

Во втором примере «жүрөгү атып кетүү», имеющем признак внутренней мотивированности «жүрөк», значение данного фразеологизма, а также и накладывающегося на него коннотативного компонента, ничего не может быть адекватно понято без минимального контекста. Значение ФЕ «жүрөгү атып кетүү» может иметь в статике и вне контекста самые разнообразные толкования: 1. Сильно обрадоваться, 2. Сильно опечалиться, 3. Получить сногшибательное, приятное известие, и 4. Получить шокирующее, горестное известие и др. Например:

Бир күнү Эсенге үйүнөн посылка келди. Келген посылканы ачып, ичинен кичинекей барак кат көргөндө, аялынын

колу менен жазылган, анын жүрөгү сүйүнгөндөн атып кетти [Макешова А. Туткун].

В данном примере только минимальный контекст проясняет окказиональный характер узкой коннотации, указывающей на: нечто эмоционально-радостное, проявляющееся у человека в тяжелой жизненной ситуации.

Компонент воспроизводимости в нашем толковании связывается с вариативным характером языковых единиц. Некоторые соматические фразеологизмы могут воспроизводится в широком ряде контекстов и, соответственно, речевых ситуаций. Следовательно, такие ФЕ являются многовариантными или вариативными. Здесь действует положение о том, что «все единицы языка вариативны, т.е. представлены в виде множества вариантов. Вариантное строение языка и единиц языка обусловлено присущим им свойством «экземилярности». Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом сама собой, подобно тому как одна и та же книга может быть размножена в бесчисленном количестве экземпляров» [84, с.81]. Например, возьмем два нижеследующих фразеологизма, представляющих в рассматриваемой кыргызской фразеосистеме тип фразеологизмов с частично переосмысленным значением – фразеологическое сочетание:

Баш көтөрбөй. [Юдахин, КРС, кн. I];

Узун чач. [Юдахин, КРС, кн. II].

Кыргызский фразеологизм «баш көтөрбөй» может быть употреблен в ряде самых разнообразных речевых ситуаций, где речь идет об упорной работе, труде обозначаемого объекта. Кыргызский фразеологизм «узун чач» также может быть использован в самых различных речевых ситуациях, и где речь идет о женщине – в противопоставлении мужчине.

Таким образом, оба вышеперечисленных кыргызских фразеологизмы употребляются во многих контекстах и, следовательно, является семантическими вариативными (многовариантными).

Некоторые же кыргызские фразеологизмы не могут быть употреблены во множестве разнообразных речевых ситуациях. Вследствии объемного переосмысления они получили конкретное переносное значение и применяются только в определенного типа контекстах, т.е. они не являются вариативными, а показывают только один вариант, который тяготеет по своей содержательной структуре к явлению инварианта. В таком употреблении ФЕ «...проявляются вариантно-инвариантное устройство всей языковой системы» [84, с.81]. Например:

«Эт» дегенде бет барбы! [Кыргыз элинин макал-ылакаптары, 2009].

Вышеприведенный фразеологизм (поговорка) употребляется обычно только в речевой ситуации пиршства, застолья, когда под конец подают главное блюдо – вареное мясо и какой-либо гость жадно начинает есть мясо;

Башың аман болсо болгону – будешь жив и довольно (больше ничего не нужно) [Юдахин, КРС, кн. I];

Данный же фразеологизм употребляется как утешение, когда человек выходит из жизненной ситуации, потеряв очень многое, в основном, материальные и финансовые накопления, но живой и здоровый.

В нижеследующем контексте наблюдается такая речевая ситуация:

Мөндөк Өтмөктү ашып, Суусамырды аралап, андан ары Аксы ичине кирип түнөк издейм деп ойлогон. Бирок чекесине чыккан чыйкандай болгон «кун төлөбөгөн качкын» тарбады. Ошондо Мөндөк ойлоп жатты: «Башым аман болсо – болгону» [Кушубеков К. Улуу тоого чыккан барбы].

Лингвистический анализ типов кыргызских ФЕ показывает, что каждый из них характеризуется своим словосочетанием коннотативного компонента и компонента воспроизведимости.

1. Кыргызские фразеологические сращения характеризуются наличием коннотативного компонента широкой

коннотации и компонента воспроизведимости, проявляющегося через признак невариативности. И при этом не являлась релевантным наличие признаков внешней или внутренней мотивированности фразеологизма. Например:

А. Мойнуна минүү – толук бийлөө, үстөмдүк кылуу, басынтып алуу. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

В. Жан күйгүзүү – аябай ачуусуна тийүү, намысына келтириүү, ызаасын жеткирүү. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

В примере А. употреблен кыргызский фразеологизм типа фразеологическое сращение с полностью переосмысленным значением и с признаком внешней мотивированности: моюн – шея. Семантическая коннотация в качестве дополнительного экспрессивного смыслового нюанса представляется широкой, поскольку она затрагивает как первоначальное значение компонентов /букв.: садиться на шею (ком-либо)/, так и значение переосмысленное: «полностью управлять кем-либо». Широкая коннотация указывает на добавочный эмоциональный смысловой нюанс: нечто такое, что показывает или подчиненное положение человека (на чью шею сели), или же превалирующее положение человека (кто сел на шею кому-либо) и выражает при этом некий экспрессивный, большей частью, негативный смысловой оттенок.

Компонент воспроиздимости, реализующийся через вариативное – невариативное употребление ФЕ в контекстах, в пример А. указывает на вариативный характер фразеологизма. Он может быть употреблен только в определенной конкретной речевой ситуации, выбор контекстов здесь очень мал. Фразеологизм употребляется и воспроизводится только в такой речевой ситуации, когда речь идет о повелеваний, управлений одного человека другим. Например, в нижеследующем примере наблюдается такая речевая ситуация невариативности, а также и широкая коннотация

А-1) Шабдан ат үстүндө калдайып, а басыгы жай, ою өз алдынча чуркап баратат: Жети-Суудагы орус аскерлер Верныйга жетип, биздин тоого ашып кетсе, анда Колпаковский биздин мойнубузга минип алат [Касым-Бек Т. Баскын].

Аналогичное можно утверждать и насчет примера В.: в нем также в ФЕ «жан күйгүзүү» реализуется широкая коннотация и невариативный характер, хотя признак мотивированности является внутренним: Жан – душа.

2. Кыргызские фразеологические единства могут быть охарактеризованы как фразеологизмы с широкой коннотацией и невариативным характером, независимо от признака мотивированности: внешним или внутренним. Например:

А. Бети түгөнгөн. [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. I];

В. Өпкө көптүрүү – мактануу, көгөрүлүп коюу ([Осмоловская, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Приведенные выше фразеологизмы принадлежат к типу кыргызских фразеологических единств, поскольку, во-первых, они обладают переностной семантикой, затрагивающей весь лексико-семантический состав словосочетания, а, во-вторых все же сохраняют прозрачной семантической мотивировки: в «бети түгөнгөн» (букв.: окончилась лицо) Потеря лица в кыргызской лингвистико-этнокультурной традиций связывается с потерей приличия, стыда; в «өпкө көптүрүү» (букв.: надувать легкие) признак легких связан в кыргызской лингво-этнокультурной традицией с понятием хвастовства, восхваления своих каких-либо мелких заслуг.

В обоих примерах А. и В. Можно наблюдать широкую коннотацию и невариативный характер употребления. Например:

В-1) Алпамыш сүйлөөгө дарманы келбегендей, бадалга колун жаңсады. Жумадил да ордунан ыргып турду да, аны ээрчий басты, артынан катуу үн чыгарып айтты:

- Сени билебиз го, өпкөндү көптүргөндөн башка эч иш билбейсиң [Усубалиев Б. Түн].

3. Кыргызские фразеологические сочетания, как показывает наш лингвистический анализ, также не различают своей коннотацией и в своем вариативном употреблении признаков внешней или внутренней мотивированности. С позиции компонента воспроизведимости они могут быть охарактеризованы как вариативные, т.е. могущие быть употреблены в самых разнообразных речевых ситуациях. Но в то же самое время с позиций коннотативного компонента они не проявляют единство – могут быть как широкими коннотациями, так и узкими. Большая стилистическая маркированность, экспрессия и эмоциональность предают широту коннотации, связывая воедино обе составные части значения: непереносную номинативную и переносную собственно фразеологическую [88, с.236];

А. Боор бербөө – жакындабоо, баш ийбөө, жакын сана боо, моюн бербөө. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

В. Боз баш катын. [Юдахин, КРС, кн. I].

В примере А.: боор бербөө мы имеем внутреннюю мотивированность фразеологизмов, а в примере В.: боз баш катын – внешнюю.

Оба названных фразеологизма относятся к типу фразеологических сочетаний, поскольку они имеют переосмысленным только один компонент из своего лексико-семантического состава: в А.: боор – в значений близкого человека, а в В.: боз баш – в значений разбитного, бойкого, развязного характера.

Коннотация ФЕ в обоих приведенных примерах представляется широкой, поскольку сочленяет в себе не только признаки эмоциональности и экспрессий, но и оценки, положительной или отрицательной: при этом оценка выражает в себе и модальность высказывания. «Таким образом, экспрессивно окрашенное значение – это значение двумодальное, при этом между модальностью *de re*, характеризующей предмет обозначения, и модальностью, квалифицирующей обозначаемое по признаку, не входящему в денотацию, существует отношение, аналогичное отношению

между объектом оценки и выделяемым в нем признаком: эмотивно-оценочная модальность соотносится с той ассоциативно-образной окраской, которая имплицируется внутренней формой и которая служит «добавочным» признаком к признаку, входящему в фокус объективной оценки» [87, с.25].

Широта коннотации, однако, влияет на компонент воспроизведимости ФЕ: чем шире коннотативное значение фразеологизма, тем уже способность к употреблению данного фразеологизма представляется узким, т.е. фразеологизм обладает невариативным характером. Например:

А-1) Ахмед хан келкели келип, кемелине толуп турганда кыргыз уруулар ага боор бербей коюшту [Иманалиев К. Тагай бий].

В приведенном контексте означенная фразеологическая единица, реализуя внутренний признак мотивированности, в то же самое время характеризуется как фразеологизм с широкой коннотацией, но с узким компонентом воспроизведимости, т.е. как невариативный фразеологизм.

Кыргызские фразеологические сочетания также могут иметь узкую коннотацию, но иметь широкую воспроизведимость, т.е. обладать вариативным характером. Например:

- С. Чайды баш ылдый сунуу. [Юдахин, КРС, кн. I]; и
- Д. Баланын боору каты элек.) [Юдахин, КРС, кн. I].

Узость коннотации подтверждается тем, что дополнительный смысловой элемент показывается на словосочетание «баш ылдый» (сверху вниз), и данная коннотация указывает на: нечто, которое эксплицирует уважение к старшим: т.е. сверху, от самого уважаемого, и далее к другим, менее уважаемым – пример С. В примере Д.: баланын боору каты элек - узость коннотации указывается в сочетании двух слов: баланын боору.

И в то же самое время означенные ФЕ имеют более широкую сферу употребления, нежели чем два празднующих фразеологических сочетания, поскольку они, напротив, соотносятся с узкими коннотациями. Фразеологизм из примера

С. может быть употреблен в любой речевой ситуации, где речь идет о приеме гостей, а фразеологизм из примера D. – в любой речевой ситуации, где речь идет о ребенке, примерно до 8 лет.

4. Кыргызские фразеологические выражения проявляют в своей семантике и в употреблении широкую коннотацию и является невариативным, независимо от того, каким мотивирующим признаком – внешним или внутренним – детерминировано их значение. Например:

А. Колуң менен кылсан, моюнун менен көтөрөсүн – (погов.) рука согрешит, а голова в ответе [Юдахин, КРС, кн. III; и

В. Бооруңа келгир! – жаш балдарга (көбүнчө эркек балдарга) карата тилдөө, каргап-шилдөө маанисинде колдонулат (да чтобы тебе было неладно! – ругательство обращенное большей частью к мальчикам) [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

В примере А. реализованы два признака внешней мотивированности: кол – рука и моюн – шея. Данный фразеологизм представляет собой поговорку с переносной семантикой. Разумеется, и коннотация связана с переносным характером значения ФЕ, с ее первоначальным и переосмысленными вариантами, и является широкой, она указывает на нечто, за которое всегда придется нести ответственность, т.е. ответственность закономерно. И в то же самое время амплитуда применения данного фразеологизма не велика, она может быть реализована в такой ситуации, когда хотят указать на возможную ответственность за какой-либо поступок или проступок. То есть данный фразеологизм является, в нашей терминологии, невариативным. Такое можно наблюдать в нижеследующем контексте:

А-1) Жоошибай билчү Дадабайдын кылгылыктарын, биринчи иретте, жаңы «Волганын» дөңгөлөктөрүн чечип кеткенин. «Колуң менен кылсан, моюнун менен көтөрөсүн», - деп Жоошибай Дадабайга айткан сөздөрдү бүтүрдү [Жоошибаев М. Кара курттун уюгу].

Аналогичное можно утверждать и по поводу примера В., в котором употреблен фразеологизм, выраженный экспрессивно окрашенным ругательством с негативной коннотацией. И здесь коннотация является широкой, а компонент воспроизведимости узким, то есть ФЕ является невариативной – она употребляется только в речевых ситуациях, в которых повествуется о порицании мальчиков, примерно до 12 лет.

Таким образом, коррективное соотношение типов фразеологизмов с их лингвосемантическими проявлениями (коннотативным компонентом и компонентом воспроизведимости) можно считать имеющимся лингвистическим фактом. См. Приложение, таблица 2.

2.3. Контрастивное сопоставление немецких и кыргызских соматических фразеологизмов

В сущности, дистантное сравнение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов нами уже проведено. Задача настоящего раздела нашей работы состоит уже в контрастном сопоставлении полученных данных по анализу немецких и кыргызских соматических ФЕ. Если до сего времени мы изучаем образование, воспроизведение и функционирование соматических фразеологизмов немецкого и кыргызского языков раздельно, т.е. дистантно, и в отдалении и независимо друг от друга, то в настоящем разделе мы будем уже конкретным образом сравнивать, т.е. контрастивно сопоставлять, означенные ФЕ в их парадигматике – в образовании – и в их синтагматике – в употреблении в речи.

При контрастивном сопоставлении друг с другом немецких и кыргызских соматических фразеологизмов необходимо соблюдать все предписания контрастивно-сопоставительного анализа, а именно различать «...тип языка, систему языка, языковую норму и функционирование языкового элемента в тексте» [22, с.11].

Важные для сопоставительного анализа результаты, отражающие общие и различные свойства, в нашем случае флективного германского немецкого и агглютинативного тюркского кыргызского языков, вытекают из методологического индуктивно-дедуктивного, или дедуктивно-индуктивного, подхода к языковым фактам.

«Неизбежность интерпретации теоретической системы делает необходимым соединение двух путей исследования – дедукции, предполагающей выведение всех частных положений, имплицируемых общими понятиями и высказываниями, и индукции, при которой общие выводы получаются на основании частных фактов. Через свою интерпретацию каждая теория, полученная дедуктивным путем, становится одновременно индуктивным обобщением» [90, с.100].

Как уже отмечалось в нашей работе ранее, при контрастивно-сопоставительном изучении языковых фактов из генетически неродственных и грамматически разнотипных языков выявляются сходства и различия, которые не обязательно могут быть тождественными и полностью различными друг от друга. Языковые средства не есть полная идентичность языковых фактов из различных языков в их значении и употреблении. Выявление языковых сходств предполагает от исследователя обратить основное внимание на идеализацию лингвистических форм, категорий и значений, «...не имеющих «чистого» аналога в действительности. Такая идеализация объекта позволяет объединить однородные предметы и явления в один класс (лат. *classis* – «разряд») или тип, несмотря на наличие в них некоторых различий по вторичным признакам» [50, с.56].

Когда же вторичные признаки языка начинают превалировать в контрастивно-сопоставительном анализе, то языковые сходства утрачивают свою значимость, становятся не полностью сходными, и в конце концов при соответствующих парадигматико-синтагматических условиях трансформируются в языковые несходства. В лингвистике даже су-

ществует мнение, что при сопоставительно-типологическом анализе разнотипных языков «...целесообразно сосредоточиться только на различиях между языками – тогда своеобразие языков выступает особенно рельефно. Такие исследования называют контрастивными. Впрочем, нередко термины контрастивный и сопоставительный, а также конфронтативный употребляют как равнозначные» [66, с.48].

При сопоставлении не только генетически неродственных, но также и отдалённо родственных языков, каковыми, к примеру, выступают германский немецкий и славянский русский языки, выявляются три типа сходств-несходств планов содержания и выражения языков: относительные сходства – частичные сходства и относительные несходства. В этом случае достигается полноценное изучение языковых систем, которое «...есть всегда изучение конкретных языков и их свойства, обусловленных сложным и противоречивым взаимодействием значения и формы, образующих в языке неразрывное единство. Лишь при таком подходе может быть построена характерология языка, дающая базу для сравнения его строя со строем других языков» [45, с.92].

Напомним, что конкретными методами и приемами анализа, обозначенными нами как сопоставительно-описательные и дистрибутивно-речевые, мы собираемся рассмотреть непосредственно три момента в нашем немецко-кыргызском сопоставительном исследовании: во-первых, лингвистические признаки мотивации, или мотивировочные признаки, во-вторых, коннотативный компонент, проявляющийся через ту или иную степень коннотации, а, в-третьих, компонент воспроизведимости, реализующийся в вариативно-невариативной форме речевой ситуации.

Признак мотивации, реализующийся в нашем материале, как внешний признак мотивированности, указывающий на наружные, внешние части тела человека, и как внутренний признак мотивированности, указывающий на внутренние, не видные человеческим глазом, органы тела человека,

«...сразу позволяет избежать отрыва звуковой стороны знака от его понятийной стороны и приедания преобладающего значения одной из сторон» [85, с.148].

Коннотативный компонент представляет собой в соматическом фразеологизме дополнительную часть значения, имеющий эмоциональную, экспрессивную и модельно-оценочную направленность. Данный коннотативный компонент, «...который выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому» [87, с.17], реализуется через широкий объем коннотации, налагающейся как на первоначальную, номинативную сторону значения, так и на его производную, вторичную сторону, а также через узкий объем коннотации, налагающейся на значение только одного составного компонента ФЕ.

Компонент воспроизведимости представляет собой в содержании немецких и кыргызских соматических ФЕ моноваритивное (вариативное) и одновариативное (невариативное) употребление фразеологизма. «Соотносясь в принципе с одной и той же денотативной сферой, параллельные лексемы разных языков часто оказываются весьма идиоматичны в каждом из своих значений, и уж совсем редко наблюдается совпадение их по всему объему включаемых в их состав лексико-семантических вариантов. Даже при очень большом семантическом параллелизме соотносимые друг с другом лексические единицы всегда разнятся по инвентарю значений, порядку их соподчинения, по синтагматическим связям, валентности и многому другому» [107, с.108].

2.3.1. Немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внешней мотивированности

В группах фразеологизмов с соматическим внешним и внутренними признаками мотивированности мы выделяем

три разновидности ФЕ: сходные по содержанию фразеогизмы из обоих языков: немецкого и кыргызского, частично сходные фразеогизмы и фразеогизмы несходные. Начнем наше контрастивно-сопоставительное изучение немецких и кыргызских ФЕ с соматических фразеогизмов с признаками внешней мотивированности, являющихся сходными по содержанию.

Наше сопоставительное изучение немецких и кыргызских соматических фразеогизмов с признаками внешней мотивированности показано, что сходными ФЕ в обоих сравниваемых языках являются такие, которые имеют в качестве внешних признаков наружные органы и части человеческого тела:

1. das Haar – чач;
2. das Ohr – кулак;
3. der Zahn – тиш;
4. die Zunge – тил;
5. die Nase – мурун;
6. der Bart – сакал;
7. der Hals – моюн;
8. die Schulter – ийин;
9. der Bauch – курсак;

Например:

1-А) die Haare richten sich empor. [БНРС, т. I]

1-В) чачы тик туруу (или төбө чачы тик туруу) – үрөйү учуп катуу корккон же таң калган, жүрөк титирерлик сезимде болуу. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

2-А) mit offenen (beiden) Ohren hören. [LGD-R, 2. Band];

2-В) кулак түрүү – кандаидыр бир кабарды угууга күтүнүү, акмалоо, абылап туруу. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

3-А) seinen Zahn wetzen (an, auf, gegen j-n). [Бинович, НРФС]

3-В) бирөөгө тишин кайроо. [Юдахин, Русско-киргизский словарь]

Сходство соматических фразеологизмов в обоих языках обусловлено тем фактом, что мотивирующий внешний признак актуализирует в семантическом отношении подобные и аналогичные свойства человека. Так, в немецком примере 1-А) das Haar – чач (волосы) актуализируется связь признака – волос с состоянием испуга человека. В примерах 2-А) и 2-В) признак das Ohr – кулак (ухо) связывается со способностью прислушиваться и присматриваться к чему-либо. В примерах 3-А) и 3-В) признак мотивированности der Zahn – тиш (зубы) связывается с желанием человека к мести за предыдущие деяния реципиента.

Однако в образовании явления сходства соматических фразеологизмов в немецком и кыргызском языках играют роль не только признаки внешней мотивированности – обозначения наружных частей человеческого тела, но также и еще два компонента содержания ФЕ: коннотативный компонент, реализующийся через широкую и узкую коннотации, и компонент воспроизведисмоти, реализующийся через вариативное и невариативное употребление ФЕ. Например:

4-А) sich Zunge aus dem Hals reden. [LGD-R, 2. Band];

4-В) бал тилге салуу – өтө чебер, кылдат сөз менен адамды азгыруу, алдоо – [Жамширова, Кыргызча-орусча тематикалык фразеологиялык сөздүк];

5-А) die Nase rümpfen – мурдун чүйрүү [Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, II т.];

5-В) мурдун көтөрүп калды –. [Юдахин, КРС, кн. III];

6-А) sich (D.) den Bart streichen. [БНРС, т. I] –

6-В) сакал сылаганча – заматта, бир паста, көз ачып жумганча. [Акматалиев. Кыргыз тилинин сөздүгү].

Немецкий фразеологизм из примера 4-А) с внешним признаком мотивации die Zunge представляет собой фразеологическое единство и обладает широкой коннотацией, накладывающейся на всё значение ФЕ. Аналогичным пред-

ставляется и кыргызский фразеологизм типа фразеологического единства «бал тилге салуу»: проявляет широкую коннотацию и накладывается на всё значение ФЕ.

Фразеологизмы из примеров 5-А) и 5-В) с внешним мотивирующим признаком die Nase – мурду (нос) являются ФЕ типа фразеологическое сочетание в обоих языках, обладают широкой коннотацией, которая накладывается с большой степенью экспрессии на всё значение ФЕ.

Немецкий фразеологизм *sich den Bart streichen* из примера 6-А) принадлежит к типу фразеологического образования и проявляет узкую коннотацию, соотносимую только с одним компонентом ФЕ. Аналогичным образом и кыргызский фразеологизм из примера 6-В): *сакал сыйлаганча* принадлежит к типу фразеологического сочетания эквивалента немецкого фразеологического образования) и показывает узкую коннотацию, соотносимую только с одним компонентом ФЕ.

7-А) *j-m den Hals abschneiden (abdrrehen)*. [Бинович, НРФС]

7-В) ал мойнуңду жулуп алат. [Юдахин, КРС, кн. II].

8-А) *den Kopf zwischen die Schultern ziehen*. [LGD-R, 1. Band];

8-В) ийини менен тынып дем алды. [Юдахин, КРС, кн. I].

9-А) *j-d haf schon einen Bauch*. [LGD-R, 1. Band];

9-В) курсагы ток, кийими бүтүн. [Юдахин, КРС, кн. I].

Еще один содержательный компонент совпадает в семантических структурах сходных соматических ФЕ с признаками внешней мотивированности – это компонент воспроизведимости, реализующийся через вариативные-невариативные формы. Например, в вышеприведенных примерах 7-А) и 7-В) названные соматические фразеологизмы представляют собой ФЕ типа фразеологических единств, с широкой коннотацией, но с узким выражением воспроизведимости, т.е. навариативные фразеологизмы. Например

Im Jahr 1963, im Alter von siebenunddreißig Jahren, heiratete er doch. Sein Großvater Heinz hatte einen gewissen Herrn Erich, den Vater von seiner jungen dreiundzwanzigjährigen Frau Erika und hatte vielleicht Gründe dazu. Der alte Heinz schrie als Kopf sowohl dem Herrn Erich, als auch seinem Enkel ab [Kehlmann D. die Vermessung der Welt];

Жооп айтты ошондо кутман элик:

«Мойнуңду жулуп алат деп, коркутат бийлик»

[Баласагын Ж. Куттуу билим].

Невариативность ФЕ j-m den Kopf abschneiden (abdrehen) и «мойнуңду жулуп алат» проявляется в том, что они как фразеологизмы с высокой степенью переносной семантизации могут употребляться в очень ограниченных типах речевых ситуаций, когда речь идет об угрозе, исходящей от лица или группы лиц (власти).

Таким образом, сходность соматических фразеологизмов немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности проявляется: а) через идентичность внешних признаков, ложащихся в основу ФЕ, б) через подобие коннотативного компонента, налагаемого на весь semantic состав, или часть, ФЕ, и в) через подобие компонента воспроизведимости, который совпадает в соотнесённых немецких и кыргызских фразеологических типов. См.Приложение, таблица 3.

Отметим также, что понятие «сходство соматических ФЕ немецкого и кыргызского языков» не предполагает прямого сходства, которое достигается в процессе адекватного перевода с языка на язык, когда фразеологизм одного языка должен быть подобным образом, на основе подобия смыслов, передан в другом переводящем языке. Наше понимание сходства носит функциональный характер, когда в сопоставительно-лингвистическом анализе «...при описании языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, определяющее построение грамматики, в сочетании с направлением от средств к функциям» [17, с.565].

Наше изучение и описание мотивирующих признаков значения ФЕ, её коннотативных компонентов и её компонентов воспроизведимости имеет непосредственное отношение к изучению языковой системы, в нашем случае фразеологической системы, со стороны его функциональных проявлений.

К частично сходным соматическим фразеологизмам в немецком и кыргызском языках. Нами были отнесены такие ФЕ, которые имеют в качестве внешних признаков мотивированности наружные органы и части человеческого тела:

1. das Gesicht – бет,
2. die Stirn – маңдай,
3. das Auge – көз,
4. die Augenbraue – каш,
5. der Mund – ооз.

Например:

- 1-А) das Gesicht verlieren. [[LGD-R, 1. Band];
1-Б) менде такыр бет калбай калды го!. [Юдахин, КРС, кн. I];
2-А) etw. steht j-m auf der Stirn geschrieben. [LGD-R, 1. Band];

2-Б) маңдайга жазганды көрүү – тагдырдын буйругуна моюн суну, жазмыш тартуулаганды көрүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

- 3-А) vor dem bösen Auge hüten. [БНРС, т. I]
3-Б) көз тийип кетпесин. [Сүйүнбаева, Кыргызчарусча-немисче сөздүк];
4-А) die Augenbrauen zusammenziehen. [БНРС, т. I]
4-Б) каш серпүү (каш как, каш серпет). [Юдахин, КРС, кн. I];
5-А) den großen Mund haben (führen). [БНРС, т. II]
5-Б) ооз кесир. [Юдахин, КРС, кн. II].

Частичное сходство немецких и кыргызских соматических фразеологизмов обусловливается подобной мотивацией в обоих фразеосистемах – избирается подобный внешний признак человеческого тела, который обуславливает

внешнюю мотивированность. Во всех приведенных примерах можно наблюдать подобие в мотивированности ФЕ: в 1-A) – 1-B): das Gesicht – бет, 2-A) – 2-B): die Stirn – мандай, 3-A) – 3-B): die Auge – көз, 4-A) – 4-B): die Augenbraue – каш, и 5-A) – 5-B): der Mund – ооз. В сущности, именно подобие мотивированности, а именно, один и тот же внешний признак человеческого тела, положенный в основу ФЕ, дает некоторым образом подобные, похожие, сходные значения соматических фразеологизмов. Так, в примерах 1-A) – 1-B) общий смысл соматического фразеологизма можно интерпретировать как: «потеря авторитета» с большой долей негативной оценочности. Подобные смыслы в последующих соотнесенных примерах можно интерпретировать так:

- 2-A) – 2-B): die Stirn – мандай.
- 3-A) – 3-B): die Auge – көз.
- 4-A) – 4-B): die Augenbraue – каш.
- 5-A) – 5-B): die Mund – ооз.

Что же касается коннотативного компонента, то они в сущности соответствуют нашим выводам, сделанным нами ранее: ФЕ с большей степенью переосмыслиния и переносной семантизации обладают более широкой коннотативностью, но более узкой воспроизводимостью, т.е. являются с точки зрения компонента воспроизводимости невариативными фразеологизмами. Например:

- 6-A) viele Gesichte haben. [LGD-R, 1. Band];
- 6-Б) кайсы бетим менен барам! С какими глазами я пойду! [Юдахин, КРС, кн. I];
- 7-A) ein böse Auge. [БНРС, т. I]
- 7-Б) көз артуу –. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 8-A) eine eherne (или eiserne) Stirn haben. [114, с.741].
- 8-В) чолпон мандайлуу. [131, с.18].

Немецкие соматические фразеологизмы с соматическими компонентами из примеров 6-А): das Gesicht, 7-А): das Auge и 8-А): die Stirn относятся к немецкому типу фразеологических образований, которые имеют перенесенным значение одного составного компонента и, следовательно,

обладают широкой коннотацией. Таким же образом и кыргызские соматические фразеологизмы из примеров: 6-В): бет, 7-В): көз, и 8-В): маңдай – являются в кыргызской классификации фразеологическими сочетаниями с большей степенью переосмысления и также проявляют широкую коннотацию.

9-А) von Gesicht zu Gesicht. [Бинович, НРФС].

9-В) бетме-бет. [Юдахин, КРС, кн. I].

10-А) ein lügnerroher Mund. [БНРС, т. II].

10-В) бок ооз (или богооз). [Юдахин, КРС, кн. II].

В немецких примерах 9-А): das Gesicht, в 10-А): der Mund мы имеем в первом случае моделированное образование, а во втором – фразеологическое образование. Их соответствиями в кыргызских примерах 9-В): бет, и 10-В): ооз выступают фразеологические сочетания с малой степенью переосмысления, а, следовательно, с узкой коннотацией.

Однако частичное сходство соматических фразеологизмов немецкого и кыргызского языков обусловливается именно в области коннотативных отношений. Коннотации в обоих сопоставляемых ФЕ различаются различной мерой эмоциональности и, соответственно, экспрессивности. Отметим, что под эмоциональностью коннотации мы покажем личностные отношения говорящего к предмету речи, а под экспрессивностью – интонационно-речевое оформление эмоционального чувства [87, с.32]

Например:

11-А) sich vor die Stirn schlagen. [Бинович, НРФС]-

11-В) маңдайы жарылды. [Юдахин, КРС, кн. II];

12-А) zu Gesicht stehen. [Бинович, НРФС]

12-В) бетинен каны тамган [Юдахин, КРС, кн. I];

13-А) in die Augen fallend, auffallen – көзгө байкалуу [Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, I том]

13-В) Көзүм жамандыкты көрбесүн! [Юдахин, КРС кн. I];

14-A) in aller Mund – эл оозунда, бары айтып жатышат.
[Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, II том]

14-B) эл оозунан түшпөйт. [Юдахин, КРС, кн. II].

В немецких примерах: 11-A) sich vor die Stirn schlagen, 12-A) zu Gesicht stehen, 13-A) in die Augen fallend, и 14-A) in aller Mund – налицоствует коннотативная эмоциональность, но она представляется меньшей, чем в кыргызских примерах: 11-B) мандайы жарылды, 12-B) бетинен каны тамган, 13-B) Көзүм жамандыкты көрбөсүн! и 14-B) эл оозунан түшпөйт.

Возьмем, к примеру, казалось бы совпадающую по значению фразеологическую кару 14-A) in Aller Mund и 14-B) эл оозунан түшпөйт. Они употреблены в нижеследующих речевых ситуациях:

14-A-I) Als wir in meinem Auto durch die nächtliche Stadt fuhren, beantwortete Max meine brennendsten Fragen: „Woher ich wußte, daß du bei der Stadt bist, Diese Nachricht ist in aller Mund...“ [Schlink B. Der Vorleser];

14-B-I) Түпкүлгүн ойлогон түз жүрөт,

Анын ысымы эл оозунан түшпөйт [Кыдыркулов А. Насаат].

В кыргызском примере 14-B-I) подчеркнутый фразеологизм придает всему высказыванию как бы большую эмоциональность, которая обусловлена нравоучительно-назидательным характером содержания мысли, по сравнению с немецким примером 14-A-I). Также большей мере эмоциональности в кыргызском фразеологизме способствует и то факт, что по своей структурно-семантической принадлежности он является фразеологическим сочетанием с широкой коннотацией, в то время как немецкая ФЕ, также являясь фразеологическим сочетанием, обладает узкой коннотацией:

In aller Mund	–	Эл оозунан түшпөйт
(узкая коннотация)		(широкая коннотация).

Объяснение такому факту, что два соотнесенных фразеологизма из двух генетически и грамматически разнотипных языков: немецкого и кыргызского - , соотносясь по смыслу в то же время некоторым образом отличаются друг от друга семантически, а именно функционально-семантически, можно найти в культурно-национального своеобразия языков, где проявляется антропоцентризм языка как явления присущего человеческим коллективам.

«Культурно-национальное своеобразие критериев оценки проявляется прежде всего в форме антропометричности, т.е. в таком соизмерении объекта оценки и некоторого эталона, в котором на первый план выдвигаются свойства, приписываемые человеком (обычно по собственному опыту и подобию)» [87, с.43; 100 , с.316; 15, с.78-79].

Что же касается компонента воспроизводимости, проявляющего через вариативное (многовариативное) и невариативное (невариантное) употребление ФЕ в речевых ситуациях, то у частично сходных фразеологизмов в обоих сравниваемых языках она представляется подобной друг другу. Например:

- 15-A) *j-m ins Gesicht lügen* – . [LGD-R, 1. Band];
- 15-B) *бетине айтуу*. [Юдахин, КРС, кн. I];
- 16-A) *ganz Auge sein*. [Бинович, НРФС];
- 16-B) *көз сал*. [Юдахин, КРС, кн. I].

Көз салуу [Юдахин, кн I, с.414]

Во всех четырех примерах, и в немецких и кыргызских, мы имеем тип фразеологического сочетания, которое в обоих языках отличается невариативностью, оно может быть употреблены только в речевых ситуациях одного типа. Так, в примерах 15-А) и 15-В) – это могут быть ситуации, когда надо без обиняков высказать свое мнение кому-либо в лицо; если в немецком примере *j-m ins Gesicht lügen* – это может быть ложь, то в кыргызском «*бетине айтуу*» и ложь, и правда. Приведем в качестве подтверждения высказанного мнения две речевые ситуации с употреблением означенных ФЕ:

15-A-I) Wie zaghast ihr Vater plötzlich rief „Stella“, und noch einmal, bittend, „Stella“, und sie legte die Zigarette, die sie anzünden wollte, auf einen Aschenbecher und ließ mich allein, und ich habe verstanden, ich kann ihr ins Gesicht nicht lügen [Stainforth D. Schan niemals zurück].

15-B-I) Төрөнүн тукуму... ал мактандып жатат: он уулкызым, жүз небере-чеберем бар... бирок бетке айтыш керек: баардыгы андан эмес го... [Жоомбаев М. Кара курттун уюгу].

Указанные фразеологизмы «*ihr ins Gesicht nicht lügen*» и «*бетке айтыш керек*» являются фразеологическими сочетаниями в обоих языках, а, следовательно, показывают узкую вариативность, т.е. являются невариативными, поскольку они могут быть употреблены только в речевых ситуациях вышеупомянутых типов.

Таким образом, частичное сходство немецких и кыргызских соматических ФЕ обусловливается только на одном уровне – различием и несовпадением эмоциональности и экспрессивности в коннотативном компоненте, где эмоциональность и экспрессивность кыргызских фразеологизмов с соматическим компонентом качественно, а также и количественно, превышает таковые немецких соматических фразеологизмов. Как можно убедиться из рассмотрения ниже следующей таблицы, в количественном отношении кыргызские частично сходные соматические фразеологизмы как минимум дважды превышают группу таковых из немецкой фразеосистемы. См.Приложение, таблица 6

К несходным соматическим фразеологизмам в немецком и кыргызском языках нами были отнесены такие ФЕ, которые имеют в качестве внешних признаков мотивированности наружные органы и части человеческого тела:

1. der Kopf (das Haupt) – баш,
2. der Arm (die Hand) – кол,
3. der Rücken – арка (бел),
4. die Brust – көкүрөк (төш),
5. das Bein – бут (шыйрак),

6. die Sohle – таман (согончок).

Например:

1-A¹) ein gescheiter (heller, Kluger) Kopf. [LGD-R, 1. Band];

1-A²) nicht haben, wo man sein Haupt hinlegt –. [Бинович, НРФС]

1-В) баштан ашкан убара. [Юдахин, КРС, кн. I];

2-A¹) die Arme hängen lassen. [БНРС, т. I];

2-A²) die letzte Hand anlegen an (Akk) – бүтүрүү, аягына чыгуу. [Кадырбекова, Немисче-кыргызча сөздүк, I т.]

2-В) кол берүү – саламдашуу, учурашуу. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

3-A) j-m den Rücken kehren. [LGD-R, 2. Band];

3-B¹) арык бериш жер. [Юдахин, КРС, кн. I];

3-B²) белден басуу –. [Юдахин, КРС, кн. I];

4-A) es auf der Brust haben. [LGD-R, 1. Band];

4-B¹) эр көкүрөк –. [Юдахин, КРС, кн. I];

4-B²) жолборс төш. [Юдахин, КРС, кн. II];

5-A) kalte Beine briegen. [БНРС, т. I]

5-B¹) бутунун башы менен. [Юдахин, КРС, кн. I];

5-B²) иттин шыйрагындай болду. [Юдахин, КРС, кн. II].

6-A) es brennt ihm auf (или unter) den Sohlen. [Бинович, НРФС]

6-B¹) жез таман. [Юдахин, КРС, кн. II];

6-B²) согончогу канабаган аял. [Юдахин, КРС, кн. II].

Во-первых, несходный характер немецких и кыргызских соматических фразеологизмов проявляется уже на печальной стадии их лингвистического сопоставления, а именно, при идентификации их мотивированности. Несмотря на то, что, казалось бы, в качестве мотивирующих признаков избираются одни и те же части человеческого тела, но непосредственным образом объемы мотивированности во внелингвистике никак не совпадают. Так, в немецком языке для мотивированности соматических фразеологизмов понятие головы разделяется на две составляющие:

der Kopf и das Haupt; понятие руки также разделяется на две составляющие: der Arm и die Hand.

В кыргызской фразеосистеме понятие спины разделяется на две составляющие: «арка-бел»; понятие груди также разделяется на две составляющие: «көкүрөк-төш»; также разделяются на две составляющие понятия ноги: «бутшыйрак» и ступни: «таман-согончок».

Такие разделения единого органа или части человеческого тела при образовании соматического фразеологизма в обоих сопоставляемых языках – немецком и кыргызском – обусловлены, во-первых, генетическим и типологическим различием данных языков, а, во-вторых, (что также немало-важно) национально-культурным различием народов-носителей означенных языков. Вне всякого сомнения, при сопоставлении таких сложных феноменов языка, каковыми являются фрагменты фразеосистем, огромная роль принадлежит типу языка, в нашем случае, германского флексивного немецкого и тюркского агглютинативного кыргызского [28, с.10-11; 68, с.30-31]. Но также огромное значение при сопоставительном изучении различных явлений из фразеосистем типологически разноструктурных языков играют и национально-культурные различия. Так, в отличие от оседлого европейского немецкого народа, на протяжении веков проживающего на одной и той же территории, кыргызский народ, также в последние века проживающий на одной территории, отличается как народ, ведущий кочевое или полукочевое хозяйствование.

«Отраженные в житейском опыте социально-экономические и политические условия жизни кыргызского народа..., помогает нам понять не только путь, который прошел в своем развитии, но и выяснить многие противоречивые сложные стороны народного мировоззрения, его историческую обусловленность» [132, с.14].

Несходства двух немецких фразеологизмов из примеров 1-A¹) и 1-A²) и кыргызского из примера 1-B), несмотря на подобный мотивирующий признак головы: der Kopf, das

Haupt – баш, обусловлены фактом несходства содержания мотивированностей. В немецком языке имеются две лексемы, обозначающие голову как часть человеческого тела: der Kopf и das Haupt -, которые различаются по объему именования и, соответственно, мотивированности: der Kopf относится к верхней части тела, а das Haupt выступает в понятии «глава» [125, с.34].

Аналогичным образом можно объяснить несходства двух немецких фразеологизмов в примерах 2-А¹) die Ärme hängen lassen и 2-А²) die letzte Hand angelen an, с немецкой стороны, и 2-В) кол берүү с кыргызской. В немецком языке der Arm обозначает всю руку в целом, а die Hand – только ладонь, в то время как в кыргызском такого членения не имеется, и данный факт не может не найти отражения в языковых, фразеологических единицах [125, с.112].

В кыргызском языке имеются четыре мотивирующих признака, реализующиеся в соматических фразеологизмах посредством двух лексем каждый. Так, в примерах 3-А) и 3-В¹) – 3-В²) одно понятие спины, нем. Der Rücken, передается в кыргызских соматических фразеологизмах двумя лексемами: «арка» и «бел». Если «арка» обозначает всю спину целиком и имеет более нейтральный стилистический оттенок в составе фразеологизма, то «бел» обозначает нижнюю часть спины и поясницу и в составе фразеологизма показывает возвышенную стилистическую окраску [125, с.272].

В триаде примеров 4-А) и 4-В¹) – 4-В²) употреблены в составе соматических фразеологизмов одна немецкая лексема die Brust и две кыргызские: «көкүрөк» и «төш». Если немецкая лексема die Brust обозначает всю грудь человека целиком, то кыргызское «көкүрөк» также обозначает грудь человека, но как состоящую из двух частей (эки көкүрөгү); лексема же «төш» является общей для человека и животных, и в то же время имеет возвышенный стилистический окрас (арстан төшү – грудь как у льва).

В триаде примеров: в немецком примере 5-А) и двух кыргызских 5-В¹) и 5-В²) – употреблены немецкая лексема

das Bein, обозначающая всю ногу, и кыргызские «бут» и «шыйрак». Если немецкая лексема в составе соматического фразеологизма имеет нейтральный стилистический окрас, то кыргызская лексема «бут», также обозначая всю ногу человека целиком, аналогичным образом имеет нейтральный стилистический окрас. Но в то же самое время кыргызская лексема «шыйрак», обозначая нижнюю часть ноги человека – голень и стопу – имеет более сниженный стилистический окрас (шыйрагынды сындырам – я тебе ноги переломаю) [125, с.63].

В примерах 6-A) и 6-B¹) и 6-B²) употреблены один немецкий фразеологизм с опорной соматической лексемой die Sohle, обозначающей ступню (подошву) человека, и две кыргызские лексемы «таман» (с собственно ступня) и «согончок», обозначающая заднюю часть стопы или пятку. Кыргызские лексемы отличаются друг от друга стилистически: «согончок» имеет как бы более возвышенный, эвфемистический стиль [125, с.292].

Во-вторых, несходства немецких и кыргызских соматических фразеологизмов обусловливаются коннотативным компонентом. Те несовпадения в области мотивирующих признаков преломляются и область семантики и, соответственно, коннотативного компонента. Коннотации, оставаясь объемом дополнительных смыслов соотнесенными друг другу в содержаниях сопоставляемых фразеологизмов, некоторым образом различаются мерой эмоциональности и экспрессивности. Например:

7-A¹) einen roten Kopf bekommen. [LGD-R, 1. Band];

7-A²) den Feind (den Gegner) aufs Haupt schlagen. [Бинович, НРФС]

7-В) башты байлап, ишке кириштик. [Юдахин, КРС, кн. I];

8-A) einen breiten Rücken haben. (двужильным) [[LGD-R, 1. Band];

8-B¹) аркасын түзөтүү. [Юдахин, КРС, кн. I];

8-B²) белин кайкалаттуу. [Юдахин, КРС, кн. I].

Все три первых ФЕ: две немецкие и одна кыргызская в примерах 7-A¹), 7-A²) - 7-B) представляют собой в структурно-семантическом соотношении фразеологизмы с большой степенью переосмыслиния: если немецкое den Feind aufs Haupt schlagen, относясь к типу фразеологического образования, проявляет относительно высокую степень переосмыслиния, то немецкое же einen roten Kopf bekommen представляет собой тип фразеологического единства, а кыргызское «башты байлап, ишке кириштик» - тип фразеологического сращения и они оба находятся в классификациях ФЕ в своих языках на вершине иерархической лестницы переосмыслиния и, следовательно, показывают большую степень переосмыслиния. Коннотация во всех вышецитированных фразеологизмах представляется широкой.

Но, несмотря на схожесть объёма коннотаций в обоих сопоставляемых языках, кыргызский пример 7-B) отличается большей мерой эмоциональности и экспрессии. Здесь понятие «энергично» передается словосочетанием «башты байлап» (букв. перевязав голову). В кыргызском фразеологизме 7-B) речь идет об энергичном приступлении к работе. Большая мера эмоциональности, по сравнению с немецкими фразеологизмами 7-A¹) и 7-A²), обусловлена тем фактом, что, перевязав голову (башты байлап), кыргызские джигиты шли в кавалерийскую атаку, но никак не приступали к работе (к делу). И в то же самое время, к примеру, немецкий фразеологизм den Feind aufs Haupt geschlagen полностью лишен какой-либо эмоциональности.

Аналогичным образом кыргызские фразеологизмы из примеров 8-B¹) и 8-B²) отличаются большей мерой эмоциональности, нежели чем немецкое 8-A). Например:

8-A-I) Walter Balzer, mein Klassenkamerad, unser As im Bodenturnen, der immer auch in der Turngymnastik einen breiten Rücken hatte, stieß mich an und machte mich auf Herrn Kugler aufmerksam... [Lenz S. Schweigeminute]

8-B²-I) Текшерүүчүлөр келип,

Текшерип жатышты,

Бир топ сабакка катышты,
Кетээр күнү чогулуш кылып,
Ийгиликтерди баса белгилеп,
Белибизди кайкалатып кетиши

[Юсупов Д. Шүүдүрүмдөгү издер].

Высокая мера эмоциональной насыщенности в кыргызском примере 8-В²-I) достигается всем предыдущим контекстным смыслом, в то время как такого контекстного смысла не имеется. Также высокая мера эмоциональности в кыргызском фразеологизме «белин кайкалатуу» достигается двоякого толкования данной ФЕ: как «выпрямить спину» в прямом номинативном значении, и как «выпрямить спину» в переносном значении как: «вздохнуть свободно и с облегчением».

Что же касается компонента воспроизведимости соматического фразеологизма в качестве вариативной (многовариативной) и невариативной (одновариантной) ФЕ, то с этих позиций мы не усмотрели никаких различий в функционировании соматических фразеологизмов в контексте. Немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с внешними мотивирующими признаками показывают вариативность – невариативность воспроизведения фразеологизма в зависимости от типа ФЕ.

Структурно-семантический тип немецких и кыргызских фразеологизмов с большой долей переосмысления и переносной семантизации являются собой невариативный вид фразеологизмов, т.е. они употребляются в ограниченном числе типизированных речевых ситуаций. Например:

9-A¹) einen langen Arm haben. [БНРС, т. I];

9-A²) mit dem Rücken gegeneinander stehen. [LGD-R, 2. Band];

9-В¹) ал чөп башын сындырып да койгон жок. [Юдахин, КРС, кн. I];

9-В²) эки бутун бир өтүккө тыгам! [Юдахин, КРС, кн. I].

Все означенные выше ФЕ, немецкие и кыргызские, могут быть употреблены только в ограниченного вида речевых ситуациях и, следовательно, они являются невариативными фразеологизмами.

Напротив же, фразеологизмы с соматическим компонентом с малой степенью переносной семантики проявляют большую вариативность, так как они могут быть употреблены в большом количестве типизированных речевых ситуаций. Например:

10-A¹) aus voller Brust lachen. [БНРС, т. I];

10-A²) j-n unter den Arm nehmen (fassen). [LGD-R, 1. Band];

10-B¹) колу жаман экен, окуй албай койдум. [Юдахин, КРС, кн. I];

10-B²) ак кол – [Юдахин, КРС, кн. I].

Таким образом, несходство соматических фразеологизмов из немецкой и кыргызской фразеосистемы обусловлены несовпадением свойств и характеристик данных ФЕ на двух уровнях. Во-первых, это уровень проявления мотивирующих признаков, которые различаются в обоих языках областью приложения мотивированности: то, что в одном языке мотивируется как целостное явление, например, в кыргызском «баш», то в другом языке мотивируется двумя составляющими: der Kopf и das Haupt. Или: в немецком языке die Brust мотивируется в кыргызском: «көкүрөк» и «төш». Во-вторых, - это уровень коннотации, когда добавочные значения в содержаниях ФЕ из обоих языков, совпадая в своей основе, все же различаются по мере эмоциональной насыщенности и экспрессии. Обычно выявляется, что больше эмоций наличествует в кыргызских ФЕ, где они представлены не только в превалирующем качественном, но и в количественном отношении, можно убедится из таблицы в приложении. Таблица 7.

Что же касается структурно-семантического членения соматических ФЕ немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности, то в обоих языках

представлены все выделенные в классификации типы фразеологизмов. Количественные подсчеты показали, что в сопоставляемых языках мы имеем нижеследующее их соотношение:

Немецкий язык	Кыргызский язык
фразеологическое единство – 205 ед.	фразеологич. сращение – 270 ед.
фразеологич. единство – 297 ед.	

Например:

- 1) j-m sträuben sich die Haare. [LGD-R, 1. Band];
- 2) Чачпагын көтөрүү – бирөөнүн шылтоосу менен ээрчий келүү, жандай келүү, анын шарапаты менен бирге, кошо конок болуу. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];
- 3) Кулак – мурдун кескендей – тыптынч, жымжырт, эч добушуз. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].
- 4)

Немецкий язык	Кыргызский язык
2) фразеологическое выражение – 137 ед.	-----
3) фразеологическое выражение – 216 ед.	

Например:

- 2) Sein Mund geht wie ein Mühlwerk. [Бинович, НРФС]
- 3) Өнөр алды – кызыл тил. [Юдахин, КРС, кн. II].
- Немецкий язык   Кыргызский язык
- 3) фразеологическое сочетание – 243 ед.
- 4) фразеологическое образование – 69 ед.
- 4) фразеологическое сочетание – 568
- 5) моделированное образование – 107 ед.

Например:

- 5) sich an etw. Die Zähne ausbeißen. [LGD-R, 2. Band];
- 6) sich (D) einander in die Haare fahren. [БНРС, т. I];
- 4) auf j-s Schultern stehen. [LGD-R, 2. Band];
- 5) тишке тиер эч нерсе жок – ичип жегендей, ооз тийгидей эч нерсе жок. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Для обобщения и наглядности вышеуказанное о структурно-семантических типах немецких и кыргызских соматических фразеологизмов, а также для процентного вычисления доли того или иного типа фразеологических единиц среди анализируемого языкового материала приведена в Приложении, Таблица 8.

Однако семантическое и структурно-семантическое рассмотрение показало, что тип кыргызских фразеологических сочетаний не представляет единообразного класса. Различие ФЕ данного типа в кыргызском языке, как показало наше сопоставительное их изучение, обусловлено тремя факторами. Во-первых, соматические фразеологизмы этого типа показывают широкую амплитуду переосмысления: от переноса семантики чуть ли не половины составных компонентов до едва различаемого переноса семантики значения какого-либо одного неопорного компонента. Например:

- A) тиштенип сүйлөө. [Юдахин, КРС, кн. II];
- B) мурду саландаган. [Юдахин, КРС, кн. II].

Вне всякого сомнения, соматический фразеологизм A) тиштенип сүйлөө имеет более высокую степень семантизации, чем фразеологизм B) мурду саландаган, который показывает лишь стилистико-грамматическое переосмысление.

Во-вторых, соматические фразеологизмы этого типа в кыргызском языке отличаются друг от друга и в области коннотативного компонента, а именно, широтой и узостью коннотации. ФЕ с большей степенью переосмысления показывают широкую коннотацию, а с меньшей – узкую. Например:

А) чач өрүү – (этн.) заплетание косы (свадебный обряд: молодухе накануне её отъезда в аул жениха расплетали девичьи косички и заплели две женские косы) [Юдахин, КРС, кн. II]

Б) курсагым ачты – я голоден, я проголодался [Юдахин, КРС, кн. I].

Конечно же, коннотативный компонент в соматическом фразеологизме А) чач өрүү представляется намного широким, чем у ФЕ В) курсагым ачты, что обусловлено как высокой степенью его переносной семантизации, а также национально-культурным смысловым оттенком.

И, в-третьих, соматические фразеологизмы этого типа в кыргызском языке показывают двойной характер в своем компоненте воспроизводимости: фразеологизмы с высокой степенью переосмысления и широкой коннотацией оказываются невариативными, т.е. употребляемыми в ограниченном количестве типизированных речевых ситуаций. И в то же самое время фразеологизмы с невысокой степенью переосмысления и узкой коннотацией оказываются вариативными ФЕ,ющими быть употребленными во множестве самых разнообразных типизированных ситуаций. Например:

- А) башка чапкандай кайра тартты. [Юдахин, КРС, кн. I]
Б) бети жок. [Юдахин, КРС, кн. I].

Конечно же, первый фразеологизм А) Башка чапкандай кайра тартты употребителен в ограниченном круге типизированных речевых ситуаций, он является вариативной ФЕ, а второй фразеологизм В) бети жок употребителен в большом количестве типизированных речевых ситуаций, он является вариативной ФЕ.

Таким образом, с позиции сопоставительного языкоznания назревает необходимость в разряде кыргызских соматических фразеологизмов, в типе фразеологических сочетаний, выделить две разновидности ФЕ: 1) Фразеологическое сочетание, или собственно фразеологическое сочетание, с

высокой степенью переосмысления, с широкой коннотацией и невариативное; а также 2) Моделированное образование (как в немецкой фразесистеме) с низкой степенью переосмысления, с узкой коннотацией и вариативное. В этом случае можно произвести переформатирование данного фрагмента кыргызских фразеологических сочетаний и соотносящихся с ними немецких фразеологических сочетаний, фразеологических образований и моделевых образований. Результаты такого переформатирования изложены в Приложении, таблица 8.

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ
структурно-семантических типов фразеологических сочетаний, фразеологических образований и моделированных образований немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности.

Немецкий язык	Кыргызский язык
1.Фразеологическое сочетание – 243 ед.	1.Фразеологическое сочетание – 394 ед.
2.Фразеологическое образование –69 ед.	2.Моделированное образование -174 ед.
3.Моделированное образование-107ед.	Всего: 568 ед.
Всего: 419 ед.	

2.3.2. Немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности

В группах соматических фразеологизмов из обоих сопоставляемых языков с признаками внутренней мотивированности, также как и во фразеологизмах с соматическими признаками внешней мотивированности, можно выделить три их разновидности: сходные по содержанию соматические ФЕ немецкого и кыргызского языков, частично сходные соматические ФЕ и несходные соматические ФЕ. К сходным по содержанию соматическим ФЕ с признаками внутренней мотивированности в обоих сопоставляемых языках можно отнести такие фразеологизмы, которые имеют в своем составе в качестве опорных компонентов обозначения внутренних органов человеческого тела: das Hirn – мээ,: das Herz – жүрөк, : die Seele– жан.

Например:

1-А) sich mit Hirngespinsten quälen - страдать больным воображением [БНРС, т. I]

1-В) мээси айнып калды. [Юдахин, КРС, кн. II];

2-А) j-d hat viel Herz. [[LGD-R, 1. Band];]

2-В) жүрөгү ак – жүрөгүндө кири жок, арамдыгы, эч арам ою жок, көнүлү таза. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3-А) das schmerzt mich in der Seele. [БНРС, т. II]

3-В) жан ачытуу – жанга тийүү, жан кейитип тынчсыздандыруу (беспокоить; вносить большую долю беспокойства) [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

Сходство соматических ФЕ немецкой и кыргызской фразеосистем с признаками внутренней мотивированности обусловлено не столько фактом избрания подобных внутренних органов человеческого тела (мозги, сердце и душа) в качестве опорных компонентов фразеологизмов, а сколько схожей внутренней формой в обоих разрядах фра-

зеологизмов (в немецком и кыргызском языках), когда семантическая структура фразеологизма, «... т.е. морфонологические свойства, которые символизируют связь данного звучания с данным значением или с данными стилистическими коннотациями» [9, с.81].

То есть в наших примерах 1-А) – 1-В), 2-А) – 2-В) и 3-А) – 3-В) признаки внутренней мотивированности детерминируют значения означенных фразеологизмов; при этом схожесть содержания немецких и кыргызских ФЕ возникает вследствие схожести их внутренних форм.

Схожим представляется в обоих фразеосистемах – немецком и кыргызском – разведение понятий сердца (как материально ориентированного внутреннего человеческого органа) и души (как духовно ориентированного органа человека, которому приписывается некий сакральный характер): das Herz; жүрөк – die Seele; жан.

Таким образом, первым условием возникновения сходности в содержаниях немецких и кыргызских соматических ФЕ с признаками внутренней мотивированности является избрание подобного органа человеческого тела в качестве опорного компонента ФЕ (мозги, сердце, душа) и их идентичная внутренняя форма.

Другим фактором, обусловливающим возникновение содергательного сходства немецких и кыргызских соматических ФЕ с признаками внутренней мотивированности, является схожесть коннотативного компонента в семантике фразеологизмов из обоих языков. Как явствует из нашего лингвистического рассмотрения, схожесть коннотативных компонентов вытекает из факта схожести внутренних форм данных фразеологизмов.

Так, в примерах 1-А) sich mit Hirngespinsten quälen - 1-В) мээси айнып калды коннотативный компонент представляет собой широкую коннотацию негативного плана, выделяющую отрицательные умственные свойства и уничижительную характеристику человека во фразеологизмах из обоих языков.

В паре примеров 2-а) j-d hat viel Herz – 2-В) жүрөгү ак наличествует широкая коннотация, накладываемая на семантику ФЕ и указывающая на позитивную сторону поведения человека и на его позитивную характеристику.

В примерах же 3-А) das schmerzt mich in der Seele – 3-В) жан ачытуу на значение ФЕ накладывается широкая коннотация, указывающая на нейтральный стилистический крас ФЕ и на характеристику человека, который идентифицируется данными фразеологизмами, т.е. на его беспокойно-сострадательный характер.

Таким образом, другим фактором, обусловливающим схожесть содержаний немецких и кыргызских соматических ФЕ с признаками внутренней мотивированности обуславливается подобными коннотативными компонентами,ющими быть проявленными через виды коннотаций: широкую и узкую.

Третьим фактором, обусловливающим схожесть содержаний немецких и кыргызских соматических ФЕ с признаками внутренней мотивированности является компонент воспроизводимости, проявляющийся в речевых ситуациях во многовариативном употреблении ФЕ (вариативные фразеологизмы) и в одновариантном употреблении ФЕ (невариативные фразеологизмы).

Так, во всех наших вышеупомянутых примерах, в которых наличествует широкая семантика, высокая степень переноса значения и вследствие этого широкая коннотация, компонент воспроизводимости может быть охарактеризован как узкий, т.е. мы имеем дело с невариативными фразеологизмами,ющими быть воспроизведенными в ограниченном числе типизированных речевых ситуаций. ФЕ 1-А) sich mit Hirngespinsten quälen - 1-В) мээси айнып калды, 2-а) j-d hat viel Herz – 2-В) жүрөгү ак и 3-А) das schmerzt mich in der Seele – 3-В) жан ачытуу вследствие высокой степени переосмысления и широкой коннотации могут быть употреблены только в ограниченном круге типизированных

речевых ситуаций. Например, возьмем в качестве иллюстрации нашей данной мысли только употребление в речи одной фразеологической пары:

1-A) sich mit Hirngespinsten quälen - 1-B) мээси айнып калды.

1-A-I) Wenn sie den alten Mönch zum ersten Mal sah, machte er einen Eindruck auf sie, als er sich mit Hirn gespinsten quälen [Mann H. Die Jugend des Königs Henri Quatre] –

1-B-I) Ал жөнүндө ким айткан, мээси айнып калды деп [Жангазиева М. Өмүр гүлүм]

Вне всякого сомнения, подчеркнутые немецкий и кыргызский фразеологизмы могут употребляться только в ограниченном количестве типизированных речевых ситуаций когда необходимо концентрировать именно такие, умственно низкие, качества обозначаемого человека; а такие негативные оценочные характеристики даются человеку (людям) крайне редко, только в определенных речевых (и, соответственно, жизненных) ситуациях.

Можно подвести некоторые обобщения по вопросу лингвистического сопоставления сходных по содержанию соматических ФЕ немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности; их сходность обусловлена тремя факторами: 1. Совпадением внутренней мотивированности ФЕ и его внутренней формы; 2. Совпадением их коннотативного компонента, проявляющегося через широкую и узкую коннотации; 3. Совпадением компонента их воспроизведимости, проявляющего как в вариативном, а также и в невариативном их употреблении в некоторых речевых ситуациях.

Что же касается количественного состава сходных ФЕ с соматическим компонентом и с признаками внутренней мотивированности, см. Приложение Таблица 10.

К частично сходным соматическим фразеологизмам немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности были отнесены ФЕ с соматическими

опорными компонентами, обозначающими в обоих сопоставляемых языках внутренние органы человека:

1. die Lunge – өлкө,
2. die Leber – боор, и
3. der Magen – ич, ашказан.

Например:

1-А) aus voller Lungen schreien (sing). [[LGD-R, 2. Band];

1-В) өлкөсүн оозуна тиштеп айтышты. [Юдахин, КРС, кн. III];

2-А) der Zorn frißt ihm an der Leber. [БНРС, т. II] –

2-В) боору таш (или таш боор). [Юдахин, КРС, кн. I];

3-А) j-m knurrt der Magen. [LGD-R, 2. Band];

3-В) ичи ачышуу. [Юдахин, КРС, кн. I].

Частичное несовпадение означает также и частичное совпадение. Так частичное совпадение обусловливается в сущности схожестью двух моментов. Во-первых, это подобие избранных в качестве опорных компонентов внутренних признаков человеческого тела (организма): легкие, печень и желудок. Если признаки легких и печени адекватно соотносятся в сходстве мотивирующих признаков ФЕ, то этого нельзя сказать о признаке желудка. В кыргызском языке, сторого говоря, желудок – это «ашказан» (букв. котел – казан для еды – аш). Но, однако, как показывает наше сопоставительное немецко-киргызское изучение фразеологического материала, кыргызская лексема «ич» (букв. «живот, внутренности, внутренняя часть») более полно реализует мотивирующий признак живота как желудка – вместелище пищи. В данном конкретном случае нашего сопоставительного анализа мы имеем тот случай, когда во взаимодействие вступают явления и средства: перевода – обозначения реальности – и контрастивного (сопоставительного) языкоznания. «Наконец, перевод затрагивает не только обозначения, но и смысл. Однако контрастивная грамматика смысла возможна лишь в той мере в какой смысл выражается».

ется языковыми средствами и в какой он сопряжен с конкретным языком, но отнюдь не в той мере, в какой смысл передается внеязыковыми средствами или с помощью необозначающих функций самого языка. Вместе с тем в сообществах носителей разных языков аналогичное обозначение могут передавать разный смысл, вследствие чего при переводе могут возникать противоречия между обозначением и смыслом» [Косерид, 1989, с.78].

Но, в таком тройном соотношении: перевода + обозначения + контративных явлений грамматики, вне всякого сомнения, приоритет должен отдаваться обозначению рассматриваемой, однако с позиции соматических категорий [16, с.27].

Вследствие выше изложенного можно провести параллель между немецкой лексемой *der Magen* (желудок) и кыргызской «ич» (в значении живот – желудок человека).

Частичное несовпадение обусловливается во фразеоговоризмах соматическими внутренними мотивирующими признаками: легкий, печень и желудок – в основном коннотативным компонентом. В кыргызском языке и, соответственно, в кыргызской фразеосистеме мотивирующий признак легких связан со стилистико-семантическим коннотативным компонентом хвастовства, бохвальства, заносчивости, например: *жел өпкө – хвастун, пустозвон* [137, с.98].

Мотивирующий признак «печень – боор» в кыргызском языке связывают с понятием близкого человека, родственника, брата, например: «*бир боорум*» деп, өкүрө турган киши жок – у него нет ни одного кровного родственника (букв. у него нет человека, который бы оплакивал, называя его «*бир боорум*») [Юдахин, КРС, кн. I].

Если данные внутренних признаков мотивированности как бы представляют значение ФЕ, которое может считаться национально-культурно ориентированным, то такого момента мы не усмотрели в кыргызской лексеме «ич», ко-

торых большей частью образует тип фразеологического сочетания с узкой коннотацией и вариативного характера, например:

Ачкалыктан ичим ичиме жабышап калды. [Юдахин, КРС, кн. I];

Ачыбаган саамал ичти алат. [Юдахин, КРС, кн. I].

Таких же языковых моментов, отображающих национально-культурные отличия народа через содержание фразеологизмов, мы не обнаружили в группе частично сходных ФЕ со стороны немецкого языка. Там все ФЕ воспринимаются как бы без никакого национально-культурного обрамления. Также отметим, что национально-культурная ориентированность кыргызских ФЕ обуславливает и тот факт, что в кыргызской фразесистеме таких фразеологизмов насчитывается намного больше. Это, видимо, обусловлено тем фактом языка и языков, что каждый язык, находясь в поле влияния своей родной культуры, обладает различным количеством (вытекающим из качественного влияния данной культуры) и составом ФЕ соматическим компонентом. Такие качественно – количественные несовпадения выявляются при сравнении функционально-языковых систем с позиции их межкультурного контакта [61, с.52; 69, с.351].

Изложим количественные подсчеты по группе немецких и кыргызских соматических ФЕ, частично несходных между собой с признаками внутренней мотивированности, см. в Приложении в таблице 11.

К группе несходных соматических ФЕ в сопоставляемых фразесистемах нами были отнесены только кыргызские фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности почка – бөйрөк и кишкі – ичек. Сразу отметим, что они не имеют никаких аналогов, даже приблизительных в немецком языке. Следовательно, речь может идти только о полном несходстве кыргызских фразеологизмов с такими внутренними признаками мотивированности каким-либо немецким, поскольку таковых попросту в немецкой фразесистеме не имеется. Приведем некоторые примеры:

1-А) ач бейрөккө таянып, айкырыкты салды эми. [Юдахин, КРС, кн. I];

1-В) бир ичек болуп калыптыр. [Юдахин, КРС, кн. I].

Можно полагать, что полное несходство кыргызских соматических фразеологизмов с признаками внутренней мотивированности почка – бейрек и кишки – ичек таковым немецким обусловлено тем, что последних не имеется вообще во фразеосистеме немецкого языка. Внутренние органы человеческого тела «бейрек» и «ичек» выступают в качестве мотивирующих опорных моментов только в кыргызском языке, и это вытекает из национально-культурной специфики кыргызского языка и фразеосистемы. Количественные подсчеты кыргызских соматических ФЕ с признаками внутренней мотивированности см.а Приложении в таблице 12.

Структурно-семантическое рассмотрение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов с признаками внутренней мотивированности показало, что здесь имеются соответствия (представленны в таблице 13 с данными о количественно-процентных подсчетах).

Например:

Немецкий язык:

1. Фразеологическое единство:

Ihn ist eine Laus über die Leber gekrochen (gelaufen).

[БНРС, т. II] –

Кыргызский язык:

2. Фразеологическое сращение:

Ичи жакшы – арамдыгы жок, ою түз, кишиге кара сана-баган. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү]; Фразеологическое единство:

Мээси көгөргөн. [Юдахин, КРС, кн. II].

Немецкий язык:

3. Фразеологическое выражение: ein guter Magen kann alles verdragen –. [Бинович, НРФС] –

Кыргызский язык:

4. Фразеологическое выражение:

Боор ооруса, боорго тебет. [Кыргыз элинин макал-ла-
каптары, 2009].

Немецкий язык:

5. Фразеологическое сочетание:
mein Magen streikt. [LGD-R, 2. Band];

Фразеологическое образование:
er ist ein Hirn fatzke. [БНРС, т. I];

6. Моделированное образование:
Mein liebes (geliebtes) Herz. [LGD-R, 2. Band];

Кыргызский язык:

7. Фразеологическое сочетание:
Өпкө кагып. [Юдахин, КРС, кн. II];
Эр жүрөк –. [Юдахин, КРС, кн. I].

При сопоставительном изучении немецких и кыргызских ФЕ с признаками внутренней мотивированности мы заметили, что группа кыргызских фразеологических сочетаний составляет в количественном отношении самый большой класс фразеоглизмов – 124 ед. (45%). Также мы подметили, что также, как и во фразеоглизмах с внешними признаками мотивированности, кыргызские фразеологические сочетания не представляют единогообразного типа, разряда. Среди них могут наличествовать фразеоглизмы с высокой степенью переосмысления (при этом переосмыслияется только один составной компонент), например:

Жүрөгүм аттай туйлады – токтоно албай элеп-желеп болуу (сердце «летало») [1, с.196];

Жан далбас кылуу – кандайдыр бир коркунччуу, кысталиш абалдан куттуунун, аман калуунун, аракетин издөө. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү];

Өпкө-жүрөгүн тиштеп. [Юдахин, КРС, кн. II].

Все выше приведенные кыргызские фразеологические сочетания относятся именно к этому типу ФЕ, поскольку имеют переносную семантику только у одного составного компонента, а именно у самого соматического компонента: жүрөгүм – жан – өпкө. Означенные фразеоглизмы имеют широкую коннотацию и являются невариативными.

Нижеследующие же кыргызские фразеологические сочетания имеют меньшую степень переосмысления, а именно, только стилистический перенос какого-либо нюанса значения, они являются ФЕ с узкой коннотацией и вариативными:

Жүрөгүм ооруйт. [Юдахин, КРС, кн. I].

Жан аябай – бардык күчү менен, өлөр – тирилерине карабай, жан талашып. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

Өпкөгө тээп ийдим. [Юдахин, КРС, кн. II].

И потому можно полагать, что группа, тип кыргызских фразеологических сочетаний могут быть разделены на две группы, на два типа. Фразеологизмы с высокой степенью переосмысления, широкой коннотацией и невариативные можно считать собственно типом фразеологического сочетания. А фразеологизмы с соматическим компонентом внутреннего признака мотивированности, которые проявляют малую степень переосмысления, обладают узкой коннотацией и являются вариативными на примере немецкой фразеосистемы и классификации можно выделить в особый тип моделированных образований. В этом случае кыргызский тип фразеологического сочетания вместе с выделенным типом моделированного образования можно представить в их отношении к их немецким эквивалентам см. Приложение таблица 14:

Выводы по II главе

2.1. Лингвосемантическое изучение немецких соматических фразеологизмов показывает, что они мотивируются в основном внешними признаками, относящимися к внешним, наружным органам человеческого тела – всего 20 признаков: ступня, нога, живот, грудь, рука и др. Внутренних мотивирующих признаков, обозначающих внутренние органы человеческого тела, было насчитано всего 6: желудок, печень, легкие и др.

В работе было насчитано 761 ФЕ с признаками внешней мотивированности, например:

auf den Kopf stellen – үстүн астына келтирип коюу. [Немисче-kyrgyzcha сөздүк, I т.];

etw. liegt klar vor den Augen. [LGD-R, 1. Band];

Mund und Nase aufsperrten. [БНРС, т. II.].

А также было насчитано 127 ФЕ с признаками внутренней мотивированности, например:

Herzens froh sein -жан дили менен кубануу [Плutiцкий, Шамбаев, Рахманов, Немисче – орусча – кыргызча сөздүк];

mit Leib und Seele bei etw. (D) sein –. [БНРС, т. II.];

j-m die Leber Schleimen – хорошенько пробрать кого-либо [БНРС, т. II.].

Как среди ФЕ с признаками внешней мотивированности, так и среди ФЕ с признаками внутренней мотивированности наличествуют все 5 выделенных в немецкой фразеологии фразеологических типов. Суммируем их в количественном отношении:

№	Типы фразеологиз- мов в немецком языке	С внешней мотивированностью	С внутренней мотивировано- стью
1.	Фразеологические единства	205 ед. (27%)	28 ед. (22%)
2.	Фразеологические выражения	137 ед. (18%)	25 ед. (20%)
3.	Фразеологические сочетания	243 ед. (32%)	33 ед. (26%)
4.	Фразеологические образования	69 ед. (9%)	8 ед. (6%)
5.	Моделированные образования	107 ед. (14%)	33 ед. (26%)
	Всего:	761 ед. (100%)	127 ед. (100%)

Итого: в немецкой фразеосистеме насчитывается соматических фразеологизмов 888 единиц.

Лингвосемантическими компонентами в составе содержательной структуры немецких соматических ФЕ можно считать: 1) коннотативный компонент в виде дополнительного семантического компонента налагающийся на все содержание фразеологизма или на его часть, и эксплицирующийся в виде широкой или узкой коннотации; и 2) компонент воспроизведимости, проявляющийся в виде многовариантных форм (вариативной) реализации ФЕ и в виде одновариантной формы (невариативной) реализации ФЕ.

Так, лингвосемантический анализ немецких фразеологизмов показал, что фразеологические типы относятся (коррелируют) с определенными видами семантических компонентов:

- 1.Фразеологические единства – с широкой коннотацией,
- с невариативной формой;
- 2.Фразеологические выражения – широкая коннотация,
- невариативная;
- 3.Фразеологическое сочетание – узкая коннотация,
- невариативная;
- 4.Фразеологические образования – узкая коннотация,
- вариативная;
- 5.Моделированное образование – узкая коннотация,
- вариативная;

2.2. Лингвосемантическое изучение кыргызских соматических фразеологизмов показывает, что они так же как и в немецком языке, мотивируются большей частью внешними признаками, обозначающими наружные части человеческого тела – также всего 20 признаков: спина, рука, ухо, плечи, грудь и др.

Внутренних признаков в кыргызской фразеосистеме, типа: мозги, легкие, желудок и др., в кыргызских соматических ФЕ выявлено 8.

В работе было насчитано 1351 фразеологизм с признаками внешней мотивированности, например:

мурдунан суу агуу – кыйналуу, азап чегүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

Кудай бетин салбасын! [Юдахин, Кыргызско-русский словарь, кн. I],

Бирөөнө көзүн кысса, экинчисине кашын серпет. [Юдахин, КРС, кн. I].

Также в работе было насчитано 276 ФЕ с признаками внутренней мотивированности, например:

Өпкө өпкөсүнө батпоо – солуктан абдан катуу ыйлоо, энтирип токтоно албай көпкө чейин солуктай берүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

Жан бычактын мизинде – өтө коркунучтуу, коптуу оор абалда, кыйынчылыкта, өлүм алдында. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү],

Жүрөгү айлануу – кускусу келүү, окшуй тургандай болуп, езүн на-чар сезүү. [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү].

Как среди ФЕ с признаками внешней мотивированности, так и среди ФЕ с признаками внутренней мотивированности все четыре, выделенных в кыргызской фразеологии, структурно-семантических типа. Можно их суммировать в схематическом представлении.

№	Типы фразеологизмов в кыргызском языке	С внешней мотивированностью	С внутренней мотивированностью
1.	Фразеологические сра-щения	270 ед. (20%)	53 ед. (19%)
2.	Фразеологические един-ства	297 ед. (22%)	69 ед. (25%)
3.	Фразеологические соче-тания	568 ед. (42%)	124 ед. (45%)
4.	Фразеологические выра-жения	216 ед. (16%)	30 ед. (11%)
	Всего:	1351 ед. (100%)	276ед. (100%)

Итого: в фразеосистеме насчитывается соматических фразеологизмов – 1627 ед.

Аналогичное явление, схожее с немецкой фразеосистемой, наблюдаются и в кыргызской фразеосистеме в случае с соматическими фразеологизмами. Здесь также имеется коннотативный компонент, налагающийся в качестве дополнительного экспрессивного смысла на основные значения ФЕ, и компонент воспроизведимости, позволяющий фразеологизму употребляться в качестве вариативной (многовариантной) или невариативной (одновариантной) единицы. Коннотативный компонент и компонент воспроизведимости соотносятся с тем или иным фразеологическим типом:

- 1.Фразеологические сращения – с широкой коннотацией,
- с невариативной формой;
- 2.Фразеологические единства – широкая коннотация,
- невариативная;
- 3.Фразеологическое сочетание – широкая (узкая) коннотация,
- невариативная (вариативная); и
- 4.Фразеологические выражения – широкая коннотация,

- невариативная.

2.3.Лингвосемантическое сопоставление соматических фразеологизмов немецкого и кыргызского языков показывает, что из трех моментов имеющих значимость для сопоставительно-фразеологического анализа: мотивировка значения ФЕ, коннотативный компонент и компонент воспроизведимости -, наиболее важным представляется первый, выражющийся в избрании адекватного внешнего или внутреннего признака – части тела или органа человека в качестве обозначения – составного компонента ФЕ.

Лингвосемантическое сопоставление соматических ФЕ с внешними и внутренними признаками мотивированности немецкого и кыргызского фразесистем также показывает, что первых внешних в обоих языках насчитывается почти трижды больше, чем вторых: 20 признаков внешней мотивированности: волосы: das Haar – чач; глаз: das Auge – көз; шея: der Hals – моюн и др. – против 6 в немецком и 8 в кыргызском внутренних мотивирующих признаков: мозги: das Hirn – мээ; сердце: das Herz – жүрөк; печень: die Leber – боор; и др.

Все сопоставляемые ФЕ из обоих языков разделяются на три группы, независимо от характера признака мотивированности – внешнего или внутреннего: 1) на фразеоглизмы сходные, 2) на фразеоглизмы частично сходные, и 3) на фразеоглизмы несходные.

Сходные ФЕ из обоих сопоставляемых языков с внешними и внутренними признаками мотивированности проявляют полную схожесть во всех трех факторах сопоставления: в мотивирующем признаком, определяющем характер семантизации и переосмыслиния значения ФЕ, в коннотативном компоненте, реализующимся в качестве широкой или узкой коннотации, и в компоненте воспроизведимости, проявляющимся через вариативно (многовариантное) – невариативное (одновариантное) употребление фразеоглизма.

Например:

1) quatsche mir nicht die Ohren voll! [БНРС, т. II]

ач кулактан тынч кулак! –. [Юдахин, КРС, кн. II];

2) j-n mit der Nase auf etw. stoßen (drücken). [БНРС, т. II]

мурдунаң жетелеттүү – бирөөгө толук көз каранды болуу, баш ийүү, бирөөнүн айтканынан чыкпoo, өз алдынча боло албоо (быть полностью зависимым от кого-либо; подчиняться кому-либо; полностью быть послушным кому-либо; не быть самостоятельным; букв. позволять водить себя за нос) [Осмонова, Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү];

3)sich (D) etw. auf den Hals laden. [БНРС, т. II]

моюнга артуу. [Юдахин, КРС, кн. II];

4).j-m wird weh (schwer) ums Herz. [[LGD-R, 1. Band];

жүрөгү ойноду – абдан кооптонуп, жүрөгү бат-бат согуу. [Абакирова, Русско-киргизский и кыргызско-русский словарь фразеологизмов со значением «психическое состояние лица»; и

5) aus tiefster Seele danken. [БНРС, т. II]

жан-дили менен – чын ыкласы менен, абдан берилip, бүт мүмкүнчүлүгү менен. [Акматалиев, Кыргыз тилинин сөздүгү].

Частично сходные немецкие и кыргызские соматические ФЕ обладают только двумя совпадающими факторами сопоставления: у них совпадает мотивирующий внешний и внутренний признак, а также компонент воспроизведимости (вариативное – невариативное употребление). У них различается коннотативный компонент, накладывающийся на все значение, обычно переносное, ФЕ. Например:

6) Ihnen gingen die Augen auf. [БНРС, т. I]

Жакшы китең көрсөм, көзүм өтөт[Юдахин, КРС, кн. I];

7) Den Mund aufsperren (aufreißen). [БНРС, т. II]

тан калып, ооз ачып калуу. [Юдахин, КРС, кн. II];

8) frisch (frei) von der Leber (weg) sprechen (reden). [БНРС, т. II]

боор тартуу. [Юдахин, КРС, кн. I].

Несходные немецкие и кыргызские соматические ФЕ отличаются друг от друга двумя критериями сопоставления: во-первых, мотивирующие признаки, даже совпадая名义ально, фактически дают и детерминируют различную переносную семантику, а, во-вторых, в соответствии с разной переносной семантикой в обоих сравниваемых языках и, соответственно, различным переосмыслением, никак не совпадает их коннотативные компоненты; схожим остается только компонент воспроизведимости: вариативный – невариативный, - но последний зависит от степени переосмысления, но никак не от мотивирующего признака и языка. Например:

9) j-m aus der Hand fressen. [Бинович, НРФС] –кол куушуру – багынуу, баш ийүү. [Жамширова, Кыргызча-орусча тематикалык фразеологиялык сөздүк];

10) sich in die Brust werfen. [Бинович, НРФС]

кекүрөк жакжайтуу. [Юдахин, КРС, кн. I];

11) das Essen liegt schwer im Magen. [LGD-R, 2. Band];

Причины совпадения содержания немецких и кыргызских ФЕ мы усматриваем, в основном, в общечеловеческом характере обозначения внеязыковой реальности посредством фразеологизмов, когда в качестве опорного компонента избираются схожие внешние и внутренние признаки мотивированности: волосы: das Haar – чач, : die Nase - мурун, : die Schulter – ийин, : das Hirn – мээ, : das Herz – жүрөк, и др.

Причины частичного сходства (несходства) и полного несходства содержания немецких и кыргызских ФЕ мы усматриваем в двух момен-

tax. Во-первых, в том, что сфера и объем приложения признаков мотивированности оказывается или сдвинутым в сопоставляемых языках: лицо: das Gesicht – бет, die Stirn – маңдай, : der Magen – ич, ашказан; или же дифференцированным в том или ином языке: der Kopf – das Haupt – баш; : der Arm – die Hand – кол; – die Brust – көкүрөк, төш; : das Bein – бут, шыйрак и др. Во-вторых, играет большую роль национально-культурный компонент, который в немецком и кыргызском языках придает особую значимость тому или мотивирующему признаку: der Kopf, die Hand, das Herz и др. выделяются в немецкой фразеосистеме, а «баш, ооз, бет» и др. – в кыргызской.

Структурно-семантическое сопоставление немецких и кыргызских ФЕ с соматическими компонентами показывает, что существующие классификации, выделяющие пять типов ФЕ в немецком языке (1. фразеологическое единство, 2. фразеологическое выражение, 3. фразеологическое выражение, и 4. фразеологическое сочетание), в сущности, не показывает адекватного соответствия. Было бы целесообразно в кыргызской фразеосистеме выделить еще один тип фразеологизма – моделированное образование, которое соотносилось бы в структурно-семантическом отношении с типом немецкого фразеологического сочетания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при сопоставительно-лингвистическом исследовании систем немецких и кыргызских соматических фразеологизмов были получены определенно важные и значимые результаты, показало свою необходимость и целесообразность, так как означенные результаты проясняют многие неясные факты данных фразеологизмов как в сравнительном-сопоставительном плане, так и в разрезе частных немецкого и кыргызского фразеосистем.

При сопоставительном изучении лингвосемантических аспектов соматических фразеологизмов в германском флексивном немецком и тюркском агглютинативном кыргызском пришли к следующим основным выводам:

1) коннотативный компонент является необходимым атрибутом единицы фразеологизма. Чем выше степень переносной семантизации соматического фразеологизма, тем шире объем коннотации, в качестве дополнительных стилистико-смысловых оттенков, нюансов, накладывающихся на основное фразеологическое значение. И чем ниже степень переносной семантизации и переосмыслиения соматического фразеологизма, тем уже объем коннотации, накладываемой на основное фразеологическое значение;

2) соматический фразеологизм не создается в определенной речевой ситуации, а воссоздается, т.е. воспроизводится уже как готовая, ранее некогда созданная, языковая единица. При воссоздании, воспроизведении фразеологической единицы она может иметь много вариантов, т.е. быть воспроизведенной во множестве самых различных ситуаций (быть вариативной), или же быть воспроизведенной только в какой-либо одной типизированной ситуации. Здесь прослеживается такая закономерность употребления соматических фразеологизмов в обоих языках: чем выше степень переосмыслиения значения соматического фразеологизма и шире объем коннотации, тем меньше вариативность

воссоздания фразеологической единицы; а точнее, фразеологизмы с высокой степенью переосмысления являются невариативными, т.е. одновариантными, а фразеологизмы с низкой степенью переосмысления, напротив, являются вариативными, т. е. многовариантными, могущими быть употребленными во многих типизированных речевых ситуациях.

3) в сопоставительном плане были изучены немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внешней мотивированности. Выявляется, что несмотря на равное количество данных внешних признаков мотивированности – по 20 в обоих языках – они не могут одинаковым образом мотивировать и образовывать значение фразеологической единицы. Так, в немецкой фразеосистеме внешний признак «голова» передается двумя лексемами: der Kopf и das Haupt; «рука» передается также двумя лексемами: der Arm и die Hand, в то время как в кыргызской фразеосистеме таких внешних признаков четыре: «арка» и «бел», «грудь» - «көкүрөк» и «төш», «нога» - «бут» и «шыйрак», а внешний признак «подошва» - «таман» и «согончок»;

4) в системе же немецких и кыргызских внутренних признаков наблюдается превышение количества таковых в кыргызском на две единицы – «бәйрәк» (почка) и «ичек» (кишки), которые не имеют никаких аналогов в исходном немецком языке. Такое несоответствие внешних признаков можно объяснить различной мотивированностью в обоих языках, когда мотивирующий признак указывает только на определенную часть внешнего, экстралингвистического объекта, и национально-культурным своеобразием фразеологической системы при первичном образовании (не при воссоздании, воспроизведении) соматических фразеологизмов;

5) сопоставительное изучение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов с признаками внутренней мотивированности показало, что соматические фразеологизмы с такими признаками имеют в обоих языках сходным

моментом мотивацию внутреннего признака «душа» как не-коего феномена сугубо духовного, присущего внутреннему миру человека, в противоположность не полностью духовного внутреннего признака «сердце», которое тяготеет к материальному воплощению как внутренний орган человеческого тела, особенно последнее положение имеет значение для кыргызского языка. Что же касается количественного превалирования двух внутренних признаков «бәйрәк» (почка) и «ичек» (кишки) кыргызского языка над немецкой соматической фразеосистемой, то они обусловлены в первую очередь национально-культурным своеобразием кыргызской фразеосистемы;

6) сопоставительное рассмотрение немецких и кыргызских соматических фразеологизмов в аспекте рассмотрения их национально-культурной специфики показало, что кыргызский язык в разрезе именно соматических фразеологизмов является более фразеологизированным языком, нежели чем язык немецкий. Это подтверждается как качественными факторами, выразившимися в раздельной мотивированности признаков: грудь, живот, нога, подошва – и в превалировании двух признаков: почка и кишки, так и факторами количественными;

7) между немецкими и кыргызскими фразеологическими типами имеются своеобразные отношения, когда немецкому фразеологическому единству соответствуют кыргызские фразеологическое сращение и фразеологическое единство, а кыргызскому фразеологическому сочетанию соответствуют немецкие: фразеологические сочетание, фразеологическое образование и моделированное образование;

8) в процессе нашего всестороннего лингвосемантического анализа было показано, что тип кыргызских фразеологических сочетаний не представляет единообразной группы, поскольку в её составе можно выделить как ФЕ с

более высокой степенью переносной семантизации, широкой коннотацией и отличающиеся невариативным характером;

9) в кыргызской фразеосистеме можно выделить так называемую группу моделированных образований, куда следует отнести фразеологизмы с невысокой степенью переносной семантики и переосмыслиения, узкой коннотацией и вариативные. Для чего следует разделить на две части типы кыргызских фразеологических сочетаний ФЕ с высокой степенью переосмыслиения, широкой коннотацией и невариативные;

10) эмоции представляют собой своеобразную форму отражения реального процесса взаимодействия человека и окружающей средой. Семантика соматических фразеологизмов, имеющие как общие черты, присущие немецкому и кыргызскому языку, так и специфические особенности, связана с мыслями и чувствами, переживаниями, эмоционально-психической жизнью человека, которая представляет собой своеобразную форму отражения реального процесса взаимодействия человека с окружающей средой;

11) семантика соматических фразеологизмов может обыгрываться в контексте за счет противопоставления понятного образа, лежащего в их основе, фактическому действию.

Список использованной литературы

1. Абакирова, Э. Ш. Фразеологизмы со значением «психическое состояние лица» в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Э. Ш. Абакирова. – Бишкек, 2007. – 24 с.
2. Абыдайимова, О. С. Функционально-семантическое и структурно-семантическое исследование соматических фразеологизмов (на материале кыргызского и немецкого языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / О. С. Абыдайимова. – Бишкек, 1992. – 20 с.
3. Абыдайимова, О. С. К вопросу об исследовании общетеоретических вопросов фразеологии в лингвистике [Текст] / О. С. Абыдайимова // Вестн. Бишкек. гуманитар. ун-та. – 2012. – №1(21). – С. 249–251.
4. Абыдракматова, Н. К. Особенности межъязыковой транспозиции фразеологических единиц (исследование лингвокультурологической специфики переводов романа Ч. Айтматов «И дальше века длится день» на немецкий и кыргызский язык) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. К. Абыдракматова. – Бишкек, 2011. – 22 с.
5. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков [Текст]: учеб. для студентов вузов / Б. А. Абрамов. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
6. Аипова, Г. Б. Сложное предложение фразеологизированной структуры в разносистемных языках (на материале современного английского, русского и кыргызского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г. Б. Аипова. – Бишкек, 2010. – 24 с.
7. Андашева, Ф. Т. Фразеологизмы-зоонимы в немецком и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф. Т. Андашева. – Бишкек, 2008. – 22 с.
8. Арутюнова, М. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / М. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
9. Ахматов, Т. К. Давлетов, С. А. Жапаров Ш. Ж. и др. Киргизский язык [Текст]: учеб. для рус. групп вузов КиргССР / [Т. К. Ахматов, С. А. Давлетов, Ш. Ж. Жапаров и др]. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 301 с.
10. Ахматов, Т. К. Кыргыз тили (фонетика, лексика) [Текст]: Жогорку окуу жайынын журнал. фак. студент. үчүн окуу китеби./ Т. К. Ахматов, С. Өмуралиева. – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 236 б.

11. Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки [Текст] / Х. Байер, А. Байер. – М.: Высш. шк., 1989. – 392 с.
12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст]: пер. с фр. / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
13. Баскаков, Н. А. Тюркские языки [Текст] / Н. А. Баскаков. – 4-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 248 с.
14. Бейсеева, Г. Х. Слово - и фразообразование в лексико-фразеологическом поле мыслительной деятельности (на материале немецкого языка) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. Наук / . Х. Бейсеева. – Алматы, 1997. – 22 с.
15. Блох, М. Я. Всеобщее и особенное при сопоставленном изучении языков [Текст] / М. Я. Блох // Сопоставительная лингвистика и обучение народному языку / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1987. – С. 73–83.
16. Бондарко, А. В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований [Текст] / А. В. Бондарко // Сопоставительная лингвистика и обучение народному языку / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1987. – С. 26–37.
17. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика [Текст] / А. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1990. – С. 565–566.
18. Варина, В. Р. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц [Текст] / В. Р. Варина // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 233–244.
19. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография [Текст]: избр. тр. / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
20. Гаврин, С. Г. Фразеологизмы русского языка (специальный семи-нар) [Текст]: пособие для студентов / С. Г. Гаврин. – М.: Просвещение, 1967. – 72 с.
21. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики [Текст] / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М., 1972. – С. 367–395.
22. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 21: Контрастивная лингвистика. – С. 5–17.
23. Голеева, К. Б. Туркменско-русские фразеологические параллели в туркменском и русском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02: 10.02.20 / К. Б. Голеева. – Ашгабат, 1994. – 24 с.
24. Горшков, А. И. Вопрос о вариантности норм в связи с пониманием языка как системы языков [Текст] / А. И. Горшков // Литературная

- норма и вариантность / [отв. ред. Л. И. Скворцов]. – М., 1981. – С. 234–248.
25. Грамматика киргизского литературного языка [Текст] / [отв. ред. О. В. Захарова]. – Фрунзе: Илим, 1987. – Ч. 1: Фонетика и морфология. – 402 с.
  26. Гулыга, Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 291–314.
  27. Гумбатова, Р. Р. Семантика и функционирование зоонимов в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Р. Р. Гумбатова. – Бишкек, 2011. – 26 с.
  28. Дербишева, З. К. Теоретические основы контрастивной морфологии [Текст] / З. К. Дербишева. – Бишкек: КГНУ, 2000. – 219 с.
  29. Дмитриева, Л. И. Фразеологический мир Ч. Т. Айтматова: Лексикографическое описание фразеологических единиц из произведений Чингиза Айтматова [Текст] / Л. И. Дмитриева, М. Дж. Тагаев, Г. П. Шепелева; [под науч. ред. М. Дж. Тагаева]. – Бишкек: [б. и.], 2018. – 322 с.
  30. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст]: пер. с пол. / В. Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 286 с.
  31. Дуйсекова, К. К. Фразеологическая картина мира французского и казахского языков: (концептуально-лингвокультурологический опыт исследования) [Текст]: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.20 / К. К. Дуйсекова. – Алматы, 2006. – 48 с.
  32. Дукембай, Г. Н. Идиоэтнические фразеологизмы казахского языка и способы их перевода на русский и немецкий языки (на материале перевода романа М. Ауэзова «Абай жолы») [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г. Н. Дукембай. – Алматы, 2007. – 26 с.
  33. Дыйканов, К. Кыргыз тилинин фонетикасы [Текст]: кырг. филол. жана журн. фак. үчүн / К. Дыйканов. – 3 бас. – Бишкек: Кырг. мамл. ун-ти, 1991. – 122 б.
  34. Жакупова, А. Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты [Текст] / А. Д. Жакупова. – Кокшетау: Келешек, 2009. – 264 с.
  35. Жаманакова, М. Б. Кыргыз жана англис тилдериндең этиштік фразеологизмдер (Т. Касымбековдун чыгармалырын материалында) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук/ М. Б. Жаманакова. – Бишкек, 2011. – 22 б.
  36. Жамшиотова, Г. Ж. Глагольные фразеологизмы кыргызского и русского языков и их лексикографическое описание [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г. Ж. Жамшиотова. – Бишкек, 2000. – 20 с.

37. Жолдасова, Г.У. Структура лексико-фразеологического понятия «лжи» в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.22 / Г. У. Жолдасова. – Алматы, 2008. – 26 с.
38. Жолдошбек, уулу А. Немис жана кыргыз тилдерин салыштырma типологиясы [Текст] / Жолдошбек уулу А. – Бишкек: Чуй ун-тети, 1996. – 280 б.
39. Жолдошбек, уулу А. Германистикага киришүү [Текст]: жогорку окуу жайларынын роман-герман филол. фак. студенттери үчүн окуу китеbi / Жолдошбек уулу А. – Бишкек: БГУ, 1997. – 255 б.
40. Немис жана кыргыз тилдеринин фономорфологиялык типологиисы [Текст]: моногр. / А. Жолдошбеков, О. С. Абдыкаимова, Г. О. Ибраимова, А. С. Турдубаева. – Бишкек: [б. и.], 2016. – 448 б.
41. Жумабекова, Н. М. Вариативность зоонимических глагольных фразеологических единиц в английском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. М. Жумабекова. – Бишкек, 2010. – 22 с.
42. Жуманбекова, Н. З. Когнитивно-семантическая и национально-культурная значимость внутренней формы компаративных фразеологических единиц: на материале немецкого, русского и казахского языков [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. З. Жуманбекова. – Алматы, 2004. – 26 с.
43. Жуматова, А. С. Функционирование фразеологизмов в современной прессе (на материалах немецкого и казахского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. С. Жуматова. – Алматы, 2006. – 29 с.
44. Заиченко, Н. Л. Актуальные глагольные устойчивые словесные комплексы немецкого языка в прогрессивной прессе (на материале аналитических жанров газет ГДР, ФРГ и Австрии) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Л. Заиченко. – М., 1977. – 28 с.
45. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / А. Л. Зеленецкий, П. Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
46. Зулпукаров, К. З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание [Текст] / К. З. Зулпукаров; ОшГУ, Центр лингвист. исслед. – Бишкек: [б. и.], 2016. – 768 с.
47. Исабеков, С. Е. Принцип дополнительности в номинативной системе языка (на материале немецкого и казахского языков) [Текст]: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.04: 10.02.06 / С. Е. Исабеков. – Алматы, 1996. – 38 с.

48. Исина, Г. И. Фразеологические сравнения современного английского языка (комплексный подход) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г. И. Исина. – Алматы, 2000. – 24 с.
49. Капышева, Г. К. Межъязыковые фразеологические эквиваленты семантического поля «страх» в разносистемных языках (на материале немецкого, английского, русского и казахского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. К. Капышева. – Алматы, 2006. – 24 с.
50. Карлинский, А. Е. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований [Текст] / А. Е. Карлинский. – Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2003. – 182 с.
51. Кармышаков, А. О. Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.01: 10.02.02 / А. О. Кармышаков. – Бишкек, 1992. – 24 с.
52. Кармышаков, А. О. Сопоставительная фразеология русского и кыргызского языков [Текст] / А. О. Кармышаков. – Бишкек: БГУ им. К. Карасаева, 2010. – 216 с.
53. Катыкбаева, М. Б. Этнолингвистическое исследование устойчивых сравнений в английском и казахском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. Б. Катыкбаева. – Алматы, 2007. – 24 с.
54. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н. Г. Комлев. – М.: Изд-во Моск. ин-та, 1969. – 192 с.
55. Косериу, Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение [Текст] / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – С. 63–81.
56. Кубрякова, Е. С. Актуальные проблемы современной семантики [Текст]: учеб. пособие по курсу общ. языкоznания / Е. С. Кубрякова. – М.: МГПИИ им М. Тореза, 1984. – 130 с.
57. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст]: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
58. Кусаинова, Г. И. Фразеологическая деривация и фразообразование (на материале немецкого языка) [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук/ Г. И. Кусаинова. – Алматы, 2003. – 26 с.
59. Кыдыев, К. Современные аспекты исследования в области фразеологии (методические разработки к спецкурсу для студентов филологического факультета) [Текст] / К. Кыдыев. – Бишкек: [б. и.], 1999. – 34 с.
60. Кыдыев, К. У. Сопоставительное изучение фразеологизмов Ч. Айтматова (на материалах русско-киргызских и кыргызско-русских текстов) [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / К. У. Кыдыев. – Бишкек, 2000. – 20 с.

61. Ладо, Л. Лингвистика поверх границ культур [Текст] / Л. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25: Контрастиивная лингвистика. – С. 32-62.
62. Лан, Тунтун. Фразеологические единицы со значением характеристики человека в русском и китайском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Лан Тунтун. – Бишкек, 2007. – 24 с.
63. Лисс, А. Н. Использование пословичных фразеологизмов в процессе обучения английской речи на старших курсах языкового факультета: (Киргизская аудитория) [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 13.00.02 / А. Н. Лисс. – М.,1976 – 25 с.
64. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы [Текст]: пособие по нем. яз. / Д. Г. Мальцева. – М.: Высш. шк., 1991. – 174 с.
65. Максутова, Б. Б. Функциональные особенности фразеологических единиц русского и кыргызского языков (на материале периодических изданий Кыргызстана) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Б. Б. Максутова. – Бишкек, 2008. – 22 с.
66. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков [Текст]: учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. специальностей / Н. Б. Мечковская. – 7-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 312 с.
67. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология [Текст]: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1980. – 207 с.
68. Найманова, Ч. К. Валентность и сочетаемость частей речи в разносистемных языках (на материалах английского, кыргызского и русского языков) [Текст] / Ч. К. Найманова. – Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2001. – 182 с.
69. Никколь, Г. Контрастиная лингвистика и обучение иностранным языкам [Текст] / Г. Никколь // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25: Контрастиивная лингвистика. – С. 350–365.
70. Омарбекова, А. К. Когнитивно-семантические и лингвокультурологические особенности антропонимических фразеологизмов [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук / А. К. Омарбекова. – Алматы, 2006. – 26 с.
71. Оразалиев, Ж. Б. Когнитивно-семантические и структурные основы фразеологизации спортивных терминологических словосочетаний (на материале английского, немецкого, русского и казахского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ж. Б. Оразалиев. – Алматы, 2006. – 26 с.
72. Осмонова, Ж. Идиомы в киргизскомзыке [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук (661)/Ж.Осмонова. -Фрунзе,1969.-28с.

73. Осмонова, Ж. Идиомы в киргизском языке (на кирг.яз.) [Текст]: Ж.Осмонова.- Фрунзе «Илим»,1972.-226с.
74. Осмонова, Ж. Сөз башы [Текст] / Ж. Осмонова // Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү / [ред. Ж. Осмонова]. – Фрунзе, 1980. – 3–17 б.
75. Осмонова, Ж. Кыргыз тилинин фразеологиясы [Текст] / Ж. Осмонова. – Каракол: К. Тыныстанов атындагы Ысыккөл мамл. ун-ти, 2007. – 177 б.
76. Оспанова, Ф. А. Фразеологизмдер уәждемесінің лингвомәдени аспекті (казак және ағылшын тілдеріндегі материалдар негізінде) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф. А. Оспанова. – Алматы, 2006. – 24 с.
77. Пощелуева, Ю. Е. Вклад М. Лютера в обогащение словарно-фразеологического и паремиологического фонда современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.22 / Ю. Е. Пощелуева. – Алматы, 2010. – 26 с.
78. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст]: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Д. Райхштейн. – М.: Высш. шк., 1980. – 143 с.
79. Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке [Текст] / Е. В. Розен. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
80. Ройзензон, Л. И., Малиновский, Е.А.,Хаютин, А.Д. Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины [Текст]/Л.И.Ройзензон, Е. А. Малиновский, А. Д. Хаютин. – Самарканда: СГУ им. А. Навои, 1975. – 128 с.
81. Сарджаева, Н. Н. Сопоставительное исследование фразеологических единиц с волитивным компонентом исследования (на материале туркменского и английского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. Н. Сарджаева. – Алматы, 2007. – 28 с.
82. Сартбаева, К. К. Кыргыз тилинин изилдениши [Текст]: Жогорку окуу жайларынын филология факультеттеринин студенттери, кыргыз тилин изилдөчүлөр жана орто мектептин мугалимдери үчүн / К. К. Сартбаева. – Фрунзе: Мектеп, 1981. – 108 б.
83. Секебаева, Ж. К. Компаративные фразеологические единицы как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на материале русского и кыргызского языков) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ж. К. Секебаева. – Бишкек, 2008. – 25 с.
84. Солнцев, В. М. Вариантность [Текст] / В. М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1990. – С. 80–81.

85. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике [Текст]: пер. с фр. / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
86. Таджиева, Г. ,Курманбекова, А., Народное устное творчество: его вчера, сегодня и завтра [Текст] / Г. Таджиева, А. Курманбекова. – Бишкек: Илим, 1997. – 180 с.
87. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
88. Телия, В. Н. Коннотация [Текст] / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1990.- С.236.
89. Телия, В. Н. Фразеологизм [Текст] / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1990. – С. 559–560.
90. Теория и методология языкознания: Методы исследования языка [Текст] / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
91. Толубаев, М. Названия частей тела человека в киргизском языке [Текст] / М. Толубаев // Кыргыз тилинин тарыхый лексикасынын очерктери / С. Сыдыков, С. Мусаев, Ч. Дыйканов, М. Толубаев; [жоопту ред.: Б. Орузбаева, Ч. Жумагулов]. – Бишкек, 1991. – Б. 213–259.
92. Турдакунова, С. А. Фразеологические параллели в немецком и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. А. Турдакунова. – Бишкек, 2009. – 25 с.
93. Турдиева, Д. А. Гендерные отношения во фразеологических системах французского и уйгурского языков [Текст]: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / Д. А. Турдиева. – Алматы, 2010. – 26 с.
94. Фатыма Ибрахим Ахмед, аль Менуфи. Двуухкомпонентные идиомы в английском языке и их перевод на турецкий [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фатыма Ибрахим Ахмед аль Менуфи. – Бишкек, 2008. – 22 с.
95. Фомина, Н. Д. Фразеология современного русского языка [Текст]: учеб. пособие / Н. Д. Фомина, М. А. Бакина. – М.: Ун-та дружбы народов, 1985. – 62 с.
96. Чен, Дин Лин. Семантическая классификация фразеологизмов в русском языке и ее соответствие в китайском языке (на базе фразеологизмов, связанных с бытовыми, свадебными и похоронными обычаями и обрядами, предрассудками и приметами) [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чен Дин Лин. – Бишкек, 2001. – 20 с.
97. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. – М.: Высш. шк., 1970. – 200 с.

98. Шаммаева, Н. Ш. Сопоставительное исследование фразеологических единиц английского и туркменского языков (структурный, семантический, стилистический и фразеографический аспекты) [Текст] / Н. Ш. Шаммаева. – Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2007. – 237 с.
99. Шевченко, Н. М. Фразеологические единицы в художественных текстах и возможности их лексикографирования [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н. М. Шевченко. – Бишкек, 2007. – 25 с.
100. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
101. Шукров, Ж. Б. Кыргыз тилиндеги татаал сөздөр [Текст] / Ж. Б. Шукров. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1955. – 248 б.
102. Шукров, Ж. Ш. Кыргыз тилиндеги фразеологиялык айкалыштар жөнүндө [Текст] / Ж. Ш. Шукров // Тил жана адабият институту нун эмгектери/ АН КиргССР. – 7 чыг. – Фрунзе, 1956. – 82–101 б.
103. Шухарт, Г. Избранные статьи по языкоznанию [Текст]: пер. с нем. / Г. Шухарт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 300 с.
104. Эгембердиев, Р. Фразеологияны [Текст]: XI классста окутуу / Р. Эгембердиев. – Бишкек: Мектеп, 1992. – 98 б.
105. Юсупов, У. К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина [Текст] / У. К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1988. – С. 6–11.
106. Ярцева, В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект [Текст] / В. Н. Ярцева // Языки мира: Проблемы языковой вариативности / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М., 1990. – С. 4–35.
107. Ярцева, В.Н., Семенюк, Н.Н. Языки мира: Проблемы языковой вариативности [Текст] / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Наука, 1990.- 214 с.
108. Arndt, E. Einführung in die Grundfragen der Sprachwissenschaft [Text] / E. Arndt, W. Bondzio, K. Hanzen. – 2, durchges. aufl. – Leipzig: VEB Billiographisches Institut, 1984. – 426 S.
109. Černyšova, I. I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede [Text] / I. I. Černyšova. – M.: Vysshaja škola, 1980. – 141 S.
110. Eckert, R. Satzwertige Phraseologismen im Russischen und Deutschen [Text] / R. Eckert // Linquistische Studien.Reihe A. Arbeitsberichte-145/-Berlin::Akad.der Wiss. Der DDR,1986.-S.35-42.
111. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik [Text] / H. Glinz. – 4 aufl. – Bern; München: Francke Verlag, 1965. – 505 S.

112. Glinz, H. Formale Satzgliedtypen – verbale Darstellungspläne – gedankliche Grundstrukturen [Text] / H. Glinz // Lexik und Grammatik des Deutschen und des Russischen. -Berlin, 1986. – S. 15-28.
113. Graf, A. E. Russische und deutsche idiomatische Redewendungen [Text] / A. E. Graf. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1965. – 224 S.
114. Kossmann, L. S. Deutsche Phraseologie [Text]: (сб. упражнений по фразеологии нем. яз.) / L. S. Kossmann. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 254 с.
115. Schippan, Th. Einführung in die Semasiologie [Text] / Th. Schippan. – 2, überarb. aufl. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. – 269 S.
116. Stepanova, M. D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text]: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / M. D. Stepanova, I. I. Chernyšova. – М.: Hochschule, 2005. – 272 s.

Список использованных словарей и справочной литературы

117. Абакирова, Э. Ш. Русско-киргизский и кыргызско-русский словарь фразеологизмов со значением «психическое состояние лица» [Текст] / Э. Ш. Абакирова. – Бишкек: Мурас, 2006. – 222 с.
118. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 609 с.
119. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь: 12000 фразеологических единиц [Текст] / Л. Э. Бинович. – М.: ГИС, 1956. – 904 с.
120. Большой немецко-русский словарь [Текст] / [под рук. О. И. Москальской]. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1980. – Т. 1: А-К. – 760 с.
121. Большой немецко-русский словарь [Текст] / [под рук. О. И. Москальской]. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1980. – Т. 2: Л-З. – 656 с.
122. Жамширова, Г. Ж. Кыргызча-орусча тематикалық фразеологиялық сөздүк. Лингвистикалық маалымат берүүчү курал [Текст] / Г. Ж. Жамширова. – Бишкек: Шам, 2000. – 336 б.
123. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / [түз.: А. Акматалиев, А. Кадырмамбетова, М. Касымгелдиева ж. б.]. – Бишкек: AVRASYA JAYINCILIK, 2010. – 1460 б.
124. Кыргыз элинин макал-лакаптары [Текст] / [түз.: А. А. Джапанов]. – Бишкек: КРСУ, 2009. – 330 б.
125. Кыргызча-орусча-немецче сөздүк [Текст] / [түз.: Г. Д. Сүйүнбаева, А. Жолдошбеков, С. Шамбаев]. – Фрунзе.: Мектеп, 1977. – 260 б.
126. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

127. Немецче-орусча-кыргызча сөздүк [Текст] / [түз.: А. М. Плutiцкий, С. Шамбаев, А. Рахманов]. – Фрунзе: Мектеп, 1974. – 368 б.
128. Немисче-кыргызча сөздүк [Текст] / [түз.: П. К. Кадырбекова, В. К. Мулкубатова, К. О. Осмонакунова, С. А. Осмонова]. – Бишкек: Текник, 2009. – 1 т.: А-К. – 324 б.
129. Немисче-кыргызча сөздүк [Текст] / [түз.: П. К. Кадырбекова, В. К. Мулкубатова, К. О. Осмонакунова, С. А. Осмонова]. – Бишкек: Текник, 2009.– 2 т.: L-Z. – 316 б.
130. Орузбаева, Б. О. Русско-кыргызский словарь лингвистических терминов [Текст] / Б. О. Орузбаева. – Фрунзе: Илим, 1972. – 425 с.
131. Осмонова, Ж. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү [Текст] / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. – Бишкек: КГМУ, 2001. – 519 б.
132. Таджиева, Г.М., Курманбекова, А.А.Семена, посеянные мудростью [Текст]: Сб. кырг.-рус. пословиц, поговорок и крылатых слов: в 3-х кн. / сост.: Г. М. Таджиева, А. А. Курманбекова. – Бишкек: Илим, 1997. – Кн. 3. – 212 с.
133. Шевченко, Н. М. Фразеологический словарь русского языка: 3000 фразеологических единиц: Лексикографическое описание фразеологических единиц из литературно-художественных текстов [Текст] / Н. М. Шевченко. – Бишкек: КРСУ, 2002. – 541 с.
134. Цвиллинг, М. Я. Русско-немецкий словарь [Текст] / М. Я. Цвиллинг. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 688 с.
135. Юдахин, К. К. Русско-киргизский словарь: 51000 слов [Текст] / К. К. Юдахин. – М.: ГИС, 1957. – 990 с.
136. Юдахин, К. К. Кыргызско-русский словарь: Около 40000 слов [Текст] / К. К. Юдахин. – М.: Сов. энцикл., 1985. – Кн. 1: А-К. – 503 с.
137. Юдахин, К. К. Кыргызско-русский словарь: Около 40000 слов [Текст] / К. К. Юдахин. – М.: Сов. энцикл., 1985. – Кн. 2: Л-Я. – 474 с.
138. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch. 1. Band. A.-K. Berlin-München-Wien: Langenscheidt -2001/-1076 S.
139. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch. 2. Band. L-Z Berlin-München-Wien: Langenscheidt -2001/-1176 S.

Список использованных источников анализа

140. Баласагын Ж. Куттуу билим Дастан [Текст] котор. Т.Козубеков М.: НИК, 1993.- 496 б.
141. Жангазиев М. Өмүр гүлүм. Ырлар. [Текст] \М.Жангазиев/ - Фрунзе: Кыргызстан,1980.-204 б.
142. Жоошибаев М. Кара күрттун уюгу. Роман. – Бишкек: б.у.н., 2002 – 330 б.
143. Иманалиев К. Тагай бий (Мухаммед кыргыз): Тарыхый повесть. – Бишкек: Бийиктик, 2010 – 392 б.
144. Кадыркулов А. Насаат Ырлар. – Бишкек: «Эркин-Too», 2010 – 152 б.
145. Касым-Бек – Баскын. Тарыхый роман. – Бишкек: Илим, 2000 – 400 б.
146. Күштүбеков К. Улуу тоого чыккан барбы. (Роман, повесть жана антегемелер). – Бишкек: Бийиктик, 2009 – 512 б.
147. Макешова А. Туткун. Роман. – Бишкек: Бийиктик, 2007 – 444 б.
148. Усубалиев Б. Түн. Повесттер. – Бишкек: б.у.н., 2009 – 412 б.
149. Юсупов Д. Шүүдүрүмдөгү издер. Ырлар, поэмалар, пародиялар. – Бишкек: Бийиктик, 2008 – 200 б.
150. Andersch A. Die Rote. Roman. – Zürich: Diogenes, 1993 – 236 S.
151. Dürrenmatt Fr. Der Richter und sein Henker. Roman. – Zürich: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2009 – 118 S.
152. Geiger A. Der alte König in seinem Exil. Roman. – München: Carl Hanser Verlag, 2011 – 190 S.
153. Kaminer W. Schönhauser Allee. – München: Goldman Manhattan Verlag, 2001 – 189 S.
154. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008 – 302 S.
155. Krogh von, M. Mord mit Apfelessig. Roman. – München: Knaur, 1999 – 252 S.
156. Mann H. Die Jugend des Königs Henri Quarte. Roman. – Rudolfstadt: Greifenverlag, 1981 – 340 S.
157. Lenz S. Schweigeminute. Novelle. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009 – 128 S.
158. Plenzdorf U. Die neuen Leiden des jungen W. Roman. – Rostock: Suhrkamp, 1976 – 148 S.
159. Schlink B. Der Vorleser. Roman. – Zürich: Diogenes, 1997 – 208 S.
155. Stainforth D. Schau niemals zurück. Roman. – Hamburg: Funk, 1996 – 412 S.
156. Stermann D. Sechs Österreicher unter den ersten fünf. Roman. – Berlin: Ullstein, 2011 – 266 S.
157. Storm Th. Immensee. Die Novelle. – Heidelberg: Boyens, 1998 – 144 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Коррелятивное соотношение типов фразеологизмов с их лингвосемантическими проявлениями (коннотативным компонентом и компонентом воспроизводимости):

№	Типы немецких фразеологизмов	Коннотативный компонент	Компонент воспроизводимости
1.	Фразеологическое единство	широкая коннотация	Невариативный
2.	Фразеологическое выражение	широкая коннотация	Невариативный
3.	Фразеологическое сочетание	узкая коннотация	Невариативный
4.	Фразеологическое образование	узкая коннотация	Вариативный
5.	Моделированное образование	узкая коннотация	Вариативный

Таблица 2

Коррективное соотношение типов фразеологизмов с их лингвосемантическими проявлениями (коннотативным компонентом и компонентом воспроизводимости):

№	Типы кыргызских фразеологизмов	Коннотативный компонент	Компонент воспроизводимости
1.	Фразеологической сращение	Широкая коннотация	Невариативный
2.	Фразеологической единство	Широкая коннотация	Невариативный
3.	Фразеологической сочетание	Широкая коннотация	Невариативный (вариативный)
4.	Фразеологической выражение	Широкая коннотация	Невариативный

Таблица 3

ТАБЛИЦА СХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности

Немецкий язык		Кыргызский язык	
1.	Волосы – das Haar – 27 ед.	2.	Волосы – чач – 24 ед.
3.	Ухо – das Ohr – 57 ед.	4.	Ухо – кулак – 58 ед.
5.	Зубы – das Zahn – 31 ед.	6.	Зубы – тиш – 18 ед.
7.	Язык – die Zunge – 97 ед.	8.	Язык – тил – 58 ед.
9.	Нос – die Nase – 38 ед.	10.	Нос – мурду (мурун) – 32 ед.
11.	Борода – der Bart – 15 ед.	12.	Борода – сакал – 22 ед.
13.	Шея – der Hals – 31 ед.	14.	Шея – моюн – 22 ед.
15.	Плечи – der Schulter – 16 ед.	16.	Плечи – ийин – 9 ед.
17.	Живот – der Bauch – 1 ед.	18.	Живот – курсак – 15 ед.
Всего: 261 ед.		Всего: 258 ед.	

Таблица 4

№	Типы фразеологизмов в немецком языке	С внешней мотивированностью	С внутренней мотивированностью
1.	Фразеологические единства	205 ед. (27%)	28 ед. (22%)
2.	Фразеологические выражения	137 ед. (18%)	25 ед. (20%)
3.	Фразеологические сочетания	243 ед. (32%)	33 ед. (26%)
4.	Фразеологические образования	69 ед. (9%)	8 ед. (6%)
5.	Моделированные образования	107 ед. (14%)	33 ед. (26%)
	Всего:	761 ед. (100%)	127 ед. (100%)

№	Типы фразеологизмов в кыргызском языке	С внешней мотивированностью	С внутренней мотивированностью
1.	Фразеологические сращения	270 ед. (20%)	53 ед. (19%)
2.	Фразеологические единства	297 ед. (22%)	69 ед. (25%)

3.	Фразеологические сочетания	568 ед. (42%)	124 ед. (45%)
4.	Фразеологические выражения	216 ед. (16%)	30 ед. (11%)
	Всего:	1351 ед. (100%)	276 ед. (100%)

Таблица 5

ТАБЛИЦА СХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
19. Волосы – das Haar – 27 ед.	20. Волосы – чач – 24 ед.
21. Ухо – das Ohr – 57 ед.	22. Ухо – кулак – 58 ед.
23. Зубы – das Zahn – 31 ед.	24. Зубы – тиш – 18 ед.
25. Язык – die Zunge – 97 ед.	26. Язык – тил – 58 ед.
27. Нос – die Nase – 38 ед.	28. Нос – мурду (мурун) – 32 ед.
29. Борода – der Bart – 15 ед.	30. Борода – сакал – 22 ед.
31. Шея – der Hals – 31 ед.	32. Шея – моюн – 22 ед.
33. Плечи – der Schulter – 16 ед.	34. Плечи – ийин – 9 ед.
35. Живот – der Bauch – 1 ед.	36. Живот – курсак – 15 ед.
Всего: 261 ед.	Всего: 258 ед.

Таблица 6

ТАБЛИЦА ЧАСТИЧНО СХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
Лицо - das Gesicht – 32 ед.	Лицо – бет – 114 ед.
Лоб - die Stirn – 14 ед.	Лоб – маңдай – 41 ед.
Глаз - das Auge – 89 ед.	Глаз – көз – 281 ед.
Бровь - die Augenbraue – 1 ед.	Бровь – каш – 14 ед.
Рот - der Mund – 52 ед.	Рот – ооз – 171 ед.
Всего: 188 ед.	Всего: 621 ед.

Таблица 7

ТАБЛИЦА НЕСХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
Голова - der Kopf - 86 91 ед. - das Haupt - 5	{ Голова – баш – 221 ед.
Рука - der Arm - 27 135 ед. - die Hand - 108	{ Рука – кол – 82 ед.
Спина - der Rücken - 26 ед.	{ Спина – арка - 31 74 ед. - бел – 43
Грудь - die Brust - 17 ед.	{ Грудь – көкүрөк - 18 41 ед. - төш – 23
Нога - das Bein - 34 ед.	{ Нога – бут - 18 30 ед. - шыйрак – 12
Ступня - die Sohle - 9 ед. (подошва)	{ Подошва – таман - 21 30 ед. - согончик – 3
Всего: 312 ед.	Всего: 472 ед.

Таблица 8

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ
структурно-семантических типов фразеологических сочетаний, фразеологических образований и моделлированных образований немецкого и кыргызского языков с признаками внешней мотивированности.

Немецкий язык	Кыргызский язык
1.Фразеологическое сочетание–243 ед.	1.Фразеологическое сочетание – 394 ед.
2.Фразеологическое образование–69 ед.	
3.Моделированное образование–107ед.	2.Моделированное образование–174 ед.
Всего: 419 ед.	Всего: 568 ед.

Таблица 10

ТАБЛИЦА СХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1. Мозги: das Hirn – 9 ед.	Мозги – мээ – 14 ед.
2. Сердце: das Herz – 58 ед.	Сердце – жүрөк – 57 ед.
3. Душа: die Seele – 32 ед	Душа – жан – 56 ед.
Всего: 99 ед.	Всего: 127 ед.

Таблица 11

ТАБЛИЦА ЧАСТИЧНО СХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1. Легкие: die Lunge – 6 ед.	Легкие – өпкө – 28 ед.
2. Печень: die Leber – 6 ед.	Печень – боор – 62 ед.
3. Желудок: der Magen – 16 ед.	Желудок – ич – 38 ед.
Всего: 28 ед.	Всего: 128 ед.

Таблица 12

ТАБЛИЦА НЕСХОДНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФЕ
немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1. -----//-----	Почка – бәйрөк – 12 ед.
1. -----//-----	Кишки – ичек – 9 ед.
Всего: 0 ед.	Всего: 21 ед.

Таблица 13

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

Соответствий структурно-семантических типов соматических ФЕ немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1.Фразеологическое единство – 28 ед. (22%)	1.Фразеологическое сращение – 53 ед. (19%)
2.Фразеологическое выражение – 25 ед. (20%)	2.Фразеологическое единство – 69 ед. (25%)
3.Фразеологическое сочетание – 33 ед. (26%)	3.Фразеологическое выражение – 30 ед. (11%)
4.Фразеологическое образование – 8 ед. (6%)	4.Фразеологическое сочетание – 124 ед. (45%)
5.Моделированное образование – 33 ед. (26%)	
Всего: 127 ед. (100%)	Всего: 276 ед. (100%)

Таблица 14

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ

Структурно-семантических типов фразеологических сочетаний, фразеологических образования и моделлированных образований немецкого и кыргызского языков с признаками внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1.Фразеологическое сочетание – 33 ед.	Фразеологическое сочетание – 68 ед.
2.Фразеологическое образование – 8 ед.	
3.Моделированное образование – 33 ед.	Моделированное образование – 56 ед.
Всего: 74 ед.	Всего: 124 ед.

Таблица 15

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА

соматических немецких и кыргызских фразеологизмов по признакам их мотивированности: ВНЕШНЯЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК
21. Волосы – das Haar – 27 ед.	21. Волосы – чач – 24
22. Голова – der Kopf , das Haupt - 91ед.	22. голова – баш – 221
23. лицо – das Gesicht – 32 ед.	23. лицо – бет – 114
24. лоб – die Stirn – 14 ед.	24. лоб – мандай – 41
25. глаз – das Auge – 89 ед.	25. глаз – көз – 281
26. бровь – die Augenbraue – 1	26. брови – каш – 14
27. ухо – das Ohr - 54	27. ухо – кулак – 58
28. рот – der Mund - 52	28. рот – ооз – 171
29. зубы – der Zahn - 31	29. зубы – тиш – 18
30. язык – die Zunge - 37	30. язык – тил – 58
31. нос – die Nase - 38	31. нос – мурду – 32
32. борода – der Bart – 15	32. борода – сакал – 22
33. шея – der Hals – 31	33. шея – моюн – 22
34. плечи – die Schulter - 16	34. плечи – ийин – 9
35. рука – der Arm, die Hand - 135	35. рука – кол – 82
36. спина – der Rücken – 26	36. спина – арка, бел – 74
37. грудь – die Brust - 17	37. грудь – көкүрөк, төш – 41
38. живот – die Bauch – 12	38. живот – курсак, - 15
39. нога – das Bein - 34	39. нога – бут, шийрак – 30
40. ступня (подошва) - die Sohle - 9	40. подошва (пятка) -таман, согончок – 24
ВСЕГО: 761 ед.	ВСЕГО: 1351 ед.

ВНУТРЕННЯЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ

Немецкий язык	Кыргызский язык
Мозги: das Hirn – 9 ед.	Мозги – мээ – 14 ед.
Сердце: das Herz – 58 ед.	Сердце – жүрөк – 57 ед.
Душа: die Seele – 32 ед	Душа – жан – 56 ед.
Легкие: die Lunge – 6 ед.	Легкие – өңкө – 28 ед.
Печень: die Leber – 6 ед.	Печень – боор – 62 ед.
Желудок: der Magen – 16 ед.	Желудок – ич – 38 ед.
Всего: 127 ед.	Всего: 276 ед.

Итого: по немецкому языку 888 ед.	Итого: по кыргызскому языку 1627 ед.
Общее количество проанализированных немецких и кыргызских соматических фразеологизмов – 2515 ед.	

Таблица 16

ОБОБЩЕННАЯ ТАБЛИЦА

соответствий структурно-семантических типов соматических ФЕ немецкого и кыргызского языков с признаками внешней и внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
1.Фразеологическое единство – 233 ед. (27%)	1.Фразеологическое сращение – 323 ед. (19%) 2.Фразеологическое единство – 366 ед. (22%)
2.Фразеологическое выражение – 162 ед. (18%)	3.Фразеологическое выражение – 246 ед. (16%)
3.Фразеологическое сочетание – 276 ед. (30%)	4.Фразеологическое сочетание – 692 ед. (43%)
4.Фразеологическое образование – 77 ед. (9%)	
5.Моделированное образование – 140 ед. (16%)	
Всего: 888 ед. (100%)	Всего: 1627 (100%)

Таблица 17

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ

Структурно-семантических типов фразеологических сочетаний, фразеологических образований и моделированных образований немецкого и кыргызского языков с признаками внешней и внутренней мотивированности

Немецкий язык	Кыргызский язык
Фразеологическое сочетание – 276 ед.	Фразеологическое сочетание – 462 ед.
Фразеологическое образование – 77 ед.	
Моделированное образование – 140 ед.	Моделированное образование – 230 ед.
Всего: 493 ед.	Всего: 692 ед.

О г л а в л е н и е

Введение.....	3
---------------	---

ГЛАВА I ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. «Лингвосемантические аспекты фразеологизмов с позиций сопоставительного языкоznания».....	8
1.2. Классификация фразеологизмов и выделение соматических фразеологизмов.....	17
1.2.1. Соматические фразеологизмы в немецком языке	24
1.2.2. Соматические фразеологизмы в кыргызском языке	28
1.2.3. Соматические фразеологизмы в аспекте их сопоставления.....	34
Выводы по I главе.....	42

ГЛАВА II АНАЛИЗ ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

2.1. Методология сопоставительного исследования немецких и кыргызских соматических фразеологизмов	45
2.2. Лингвосемантический аспект немецких соматических фразеологизмов.....	55
2.1.1. Немецкие соматические фразеологизмы с признаком внешней мотивированности.....	57
2.1.2. Немецкие соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности	67
2.2. Группа кыргызских соматических фразеологизмов	76
2.2.1. Кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внешней мотивированности.....	78
2.2.2. Кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности	92
2.3. Контрастивное сопоставление немецких и кыргызских соматических фразеологизмов.....	108

2.3.1. Немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внешней мотивированности.....	111
2.3.2. Немецкие и кыргызские соматические фразеологизмы с признаками внутренней мотивированности.....	133
Выводы по II главе	143
Заключение.....	149
Список использованной литературы	153
Приложение	165

Ч. АСЫЛБЕКОВА, Д. АСЫЛБЕКОВА,
Б. АСЫЛБЕКОВА

**ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СОМАТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

На материале немецкого и кыргызского языков

МОНОГРАФИЯ

Отпечатано в ИП Газибаев Х “Чакан басма”. Тираж 100 экз.
Жалал-Абад, ул. Токтогула, 22-1.